Научная статья

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-11-289-423>

УДК 821.111:791.31

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Ольга ПАНОВА

«ДОРОГОЙ ТД»: ПЕРЕПИСКА РУТ ЭППЕРСОН-КЕННЕЛ С ТЕОДОРОМ ДРАЙЗЕРОМ (1928–1929)

Аннотация: После поездки в Советский Союз (4 ноября 1927 г. — 13 января 1928 г.) Теодор Драйзер постоянно вел дела с советскими литературными институтами — издательствами, прессой, Союзом писателей. На рубеже 1920–1930-х заметную роль в поддержании советских контактов Драйзера играла его соотечественница Рут Эпперсон-Кеннел (1889–1977). Фигура Кеннел как гида, переводчика и литературного секретаря Драйзера во время его пребывания в СССР периодически привлекала внимание исследователей, писавших о пребывании Драйзера в России; свой вклад внесла и сама Рут Кеннел, выпустившая в 1969 г. книгу воспоминаний, где главное место занимает рассказ «из первых уст» об ее путешествии с Драйзером по Советскому Союзу. Кеннел продолжала участвовать в жизни и творчестве Драйзера и в дальнейшем, особенно в первые два-три года после возвращения из СССР; общение и переписку с ней Драйзер поддерживал до конца своей жизни. В статье даются биографические сведения о Рут Кеннел, рассматривается ее участие в издательских проектах Драйзера, ее роль редактора, переводчика, посредника в советских контактах, критика и рецензента. Собственная писательская карьера Кеннел начиналась не без помощи Драйзера: в отношениях с ней он предстает также в ипостаси патрона и покровителя начинающих сочинителей. Статья сопровождается публикацией архивного материала — писем Кеннел к Драйзеру 1928–1929 г. из фондов ОР ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. В публикацию включен русский перевод нескольких писем Драйзера к Кеннел, опубликованных в томе переписки Драйзера с женщинами (*Theodore Dreiser: Letters to Women. New Letters*, 2009).

Ключевые слова: Т. Драйзер, Р. Эпперсон-Кеннел, переписка, история литературы США, биографические исследования, С. Динамов, советско-американские литературные связи, архивные материалы.

Сведения об авторе: Ольга Юрьевна Панова, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, ГСП-1, д. 1, стр. 51, 119991 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2520-120X>. E-mail: olgapanova65@gmail.com.

Для цитирования: Панова О.Ю. «Дорогой ТД»: переписка Рут Эпперсон-Кеннел с Теодором Драйзером (1928–1929) // Литература двух Америк. 2021. № 11. С. 289–423. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-11-289-423>.

Автор выражает благодарность Виктории Юрьевне Поповой, профессору Стивену Рэкману и исследователю творчества и биографии Драйзера Роджеру У. Смитсу за помощь в подготовке этого материала.

Research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-11-289-423>

UDC 821.111

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Olga PANOVA

“DEAR TD”: RUTH EPPERSON KENNEL — THEODORE DREISER CORRESPONDENCE, 1928–1929

Abstract: During his travel to the Soviet Union (November 4, 1927 — January 13, 1928) and on his return to the USA Theodore Dreiser was keeping in touch and dealing with Soviet literary institutions, periodicals and his Russian acquaintances — publishers, editors, critics, etc. Ruth Epperson Kennell (1889–1977) played an important role in making and maintaining these contacts in late 1920s–early 1930s. Ruth Kennell, who spent almost ten years in the Soviet Union, was a reference librarian (1925–1927) in the Comintern Library in Moscow. On November 4, 1927 she got acquainted with Dreiser and was hired by him to serve as his secretary and guide as he toured the Soviet Union. Her role as a “Russian secretary”, personal assistant and friend is depicted in Dreiser’s *Russian Diary* and Kennell’s memoir *Theodore Dreiser and the Soviet Union* (1969) as well as in their correspondence that lasted till Dreiser’s death. Kennell continued to take part in Dreiser’s life and creative work in the USA, especially during the years that immediately followed their return from the USSR. The paper dwells at some length on Kennell’s biography, her role in publishing Dreiser’s work in the Soviet Union and USA, her work as an editor, critic and reviewer. Kennell had a long and varied writing career, and Dreiser helped her to start write and publish fiction. Their correspondence portrays Dreiser as a patron taking care of a young author and promoting her work. Kennell’s letters to Dreiser (1928–1929) stored in the Manuscript Division of A.M. Gorky Institute of World Literature are published in the addendum together with the Russian translation of several Dreiser’s letters to Kennell included in *Theodore Dreiser: Letters to Women. New Letters* (2009).

Keywords: Theodore Dreiser, Ruth Epperson Kennell, correspondence, American literary history, biography studies, Sergei Dinamov, Soviet-American literary connections, archived materials.

Information about the author: Olga Yu. Panova, Doctor Hab. in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory 1, stroenie 51, GSP-1, 119991 Moscow, Russia; Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2520-120X>. E-mail: olgapanova65@gmail.com.

For citation: Panova, Olga. “Dear TD”: Ruth Epperson Kennell–Theodore Dreiser Correspondence, 1928–1929.” *Literature of the Americas*, no. 11 (2021): 289–423. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-11-289-423>.

Acknowledgements: The author would like to thank Victoria Yu. Popova, Professor Stephen Rachman and Roger W. Smith, independent scholar and Dreiser enthusiast, for their kind assistance with this project.

После поездки в Советский Союз (4 ноября 1927 г. — 13 января 1928 г.) Теодор Драйзер постоянно вел дела с советскими литературными институтами — издательствами, прессой, Союзом писателей. На рубеже 1920–1930-х заметную роль в поддержании советских контактов Драйзера играла его соотечественница Рут Эпперсон-Кеннел (1889–1977). Фигура Кеннел как гида, переводчика и литературного секретаря Драйзера во время его пребывания в СССР, естественно, привлекала внимание исследователей, писавших о пребывании Драйзера в России (см. например: [Засурский 1977; Дэвид-Фокс 2006; Александров 1998; Dreiser 1996: xi–xii]); свой вклад внесла и сама Рут Кеннел, выпустившая книгу воспоминаний, где главное место занимает рассказ «из первых уст» об ее путешествии с Драйзером по Советскому Союзу [Kennell 1969]. Кеннел продолжала участвовать в жизни и творчестве Драйзера и в дальнейшем, особенно в первые два-три года после возвращения из СССР; общение и переписку с ней Драйзер поддерживал до конца своей жизни.

Приключения «Эрниты» в стране Советов

Об «удивительных приключениях американки в России» до и после встречи с Драйзером еще в поздние советские годы писали кемеровские исследователи [Козько, Кривошеева 1979]; несколько лет назад появилось фундированное исследование Дж. Микенберг «Американки в Красной России: в погоне за советской мечтой» [Mickenberg 2017]: в нем Рут Кеннел посвящена глава «Новая Пенсильвания: поиски дома в Сибири» (“New Pennsylvania: Seeking Home in Siberia”) — об участии Кеннел в Автономной индустриальной колонии «Кузбасс»; также Кеннел является одной из главных героинь в главе «Взгляд на Россию: журналистки о *Moscow News*» (“Eyes in Russia: Gal Reporters on the *Moscow News*”) — здесь речь идет о втором приезде Рут Кеннел в СССР в 1931-м и ее участии в знаменитом журналистском проекте Анны Луизы Стронг (см. подробнее: [Панова 2017]). Кратко остановимся на тех моментах биографии Кеннел, которые важны в контексте ее отношений и переписки с Драйзером.

Рут Эпперсон родилась 21 сентября 1893 г., она провела детство в Оклахоме, а после смерти отца вместе с матерью, старшим братом и сестрой переехала в Калифорнию. Эпперсоны поселились в Сан-Франциско, в районе залива. Мать семейства Элла Сигер-Эпперсон была женщиной левых взглядов, симпатизировала суфражиз-

му. Жили очень скромно, на грани бедности. В 1913 г. Рут некоторое время училась в Калифорнийском университете в Беркли; не окончив его, устроилась на работу в отдел детской литературы Публичной библиотеки Ричмонда (Калифорния), где проработала четыре года (1914–1917). В 1917-м она вышла замуж за студента духовной семинарии Фрэнка Кеннела. Брак не стал ни счастливым, ни прочным. Сразу обозначились различия во взглядах между супругами: Фрэнк пытался записаться в армию во время Первой мировой (однако его не взяли по состоянию здоровья) и только позже под влиянием Рут, резко критиковавшей патриотизм и милитаризм, стал пацифистом и социалистом. Под влиянием атеистически настроенной Рут Фрэнк, окончив семинарию, вскоре отказался от намерения стать священником и устроился в издательство религиозной литературы в Сан-Франциско. В это же время Элла Эпперсон приобрела участок земли у сельхозкооператива в Пало-Альто для семейной фермы; эту «латифундию» Эпперсоны назвали «Уединенный приют» (Retreat). Впоследствии именно там поселилась Рут после возвращения из советской России весной 1928 г.

Рут и Фрэнк вступили в ИРМ¹, а также в Общество техпомощи Советской России (Society for Technical Aid to Soviet Russia — STASR, основано в 1919 г.). Когда в журнале *Liberator* появилась статья Майкла Голда, агитировавшая левых интеллектуалов оставить прогнивший мир наживы и индивидуализма и стать «пионерами Сибири»², супруги Кеннел откликнулись на призыв. Оставив маленького сына Джимми (названного так в честь посаженного в тюрьму «уоббли» Джеймса Прайса) на попечение бабушки, матери Фрэнка, они отправились из Сан-Франциско в Сибирь, в Кемерово, чтобы присоединиться к Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» — «индустриальной республике», созданной 21 октября 1921 г. по инициативе лидеров рабочего и профсоюзного движения — «уоббли» Уильяма Хейвуда («Большого Билла»), Герберта Стэнли Калверта и голландского инженера, социалиста Себальда Рутгерса, который стал председателем правления АИК «Кузбасс». 22 июля 1922 г. Рут и Фрэнк отплыли из

¹ Индустриальные рабочие мира (Industrial Workers of the World, известны под названием «уоббли» — Wobblies). Оsn. в 1905 г. в Чикаго как объединение социалистов, анархистов и радикальных профсоюзных активистов в противовес Американской Федерации Труда (АФТ). В числе основателей ИРМ были Уильям (Билл) Хейвуд и Юджин Дебс.

² Michael Gold, “Wanted, Pioneers for Siberia!”, *The Liberator* 5, no. 3 (March 1922): 5.

Нью-Йорка в Советскую Россию: «Все 135 членов группы, отправляющейся в Кузбасс, стоя на верхней палубе, пели “Интернационал” и махали красным флагом. С причала рабочие тоже махали красным флагом, что вызвало у Рут и всех товарищей бурный энтузиазм, — но, как оказалось, просто сигнальным» [Mickenberg 2017: 135]. Это была уже четвертая группа «пионеров Сибири», отправлявшаяся из Штатов.

Путешествуя вместе с другими колонистами на поезде из Петрограда в Кемерово, Рут Кеннел проезжала районы, пострадавшие от голода и эпидемии холеры, на каждой станции поезд окружала толпа нищих беспризорников — «дивный новый мир» рождался в муках. Социальное бедствие резко контрастировало с величием природных видов, открывавшихся из окна поезда. В Кемерово новичков ждали приятные сюрпризы: благоустроенный поселок с налаженным бытом, четкая организация работы, красивый ландшафт — густой лес, окружавший постройки колонистов, и река Томь. Но вскоре оказалось, что в АИК немало проблем: напряженные отношения с местным населением, раздоры и разногласия внутри колонии — как раз в момент приезда Рут и ее группы Себальд Рутгерс устранил «рабочий контроль» и внедрил новые, более «капиталистические», но эффективные методы управления, и около двух десятков первых «пионеров»-энтузиастов собирались покинуть колонию. Рут стала работать в офисе колонии и учить детей в школе. Кеннелы принимали активное участие в культурной жизни колонии — ставили спектакли, устраивали праздники, концерты и вечера. Однако совместное участие в эксперименте по строительству коммунистической индустриальной республики не сблизило супругов: брак Кеннелов продолжал трещать по швам.

Вскоре у Рут завязалась дружба с инженером Сэмом Шипманом, перешедшая в роман. Зимой противостояние «уоббли» новым методам управления и хозяйствования Рутгерса (дифференцированные зарплаты и т.п.) завершилось открытым конфликтом и отъездом 3 февраля 1923 г. 37 колонистов из Кемерово. Кеннелы, вначале солидаризировавшиеся с «уоббли», приняли новый порядок и остались в колонии — по настоянию Рут, которая чувствовала себя здесь свободной и счастливой: мысль о возвращении к «кухонному рабству» и роли жены, матери и домохозяйки на родине внушала ей отвращение. Супруги все более отдалялись друг от друга, и Фрэнк, наконец окончательно потеряв смысл «русской авантюры», 3 мая 1923 г. покинул Кузбасс, заверив Рут, что будет ждать ее дома в надежде, что

она вскоре последует за ним. Но Рут была счастлива, получив наконец полную свободу. Лето было наполнено любовью (хотя свой роман с Шипманом Рут вынуждена была скрывать от остальных колонистов, пойдя на компромисс с «пуританской моралью») и работой — теперь она занималась библиотекой, которая была создана в колонии, и писала для газеты колонистов *Kuzbas Bulletin*. Омрачали ее настроение только письма мужа, собиравшегося приехать и привезти Джимми в Россию для воссоединения семьи, и родных, которые уговаривали ее вернуться к материнским обязанностям [Mickenberg 2017: 150–152]. В декабре она сделала аборт, который сопровождался осложнениями; этот горький опыт и наблюдение за жизнью колонистов, семейных и одиноких, укреплял Рут в ее симпатиях к феминизму. Ее раздражали распространенные стереотипы, ограничивавшие социальную и интеллектуальную активность женщин, она испытывала презрение к колонисткам, которые демонстрировали приверженность пуританской морали и консервативным гендерным моделям; местных женщин (как, впрочем, и мужчин) она считала «простыми людьми, ведущими первобытный образ жизни» под управлением «ленивых и некомпетентных бюрократов» [Mickenberg 2017: 154]. «Критический настрой Рут был связан с ее двойственным отношением к ролям матери, жены и домохозяйки, которые угрожали ее профессиональным устремлениям и ее независимости» [Mickenberg 2017: 154].

В течение двух лет, проведенных в Кемерово, Кеннел была не только служащей конторы, учительницей и библиотекарем, но и летописцем колонии: ее перу принадлежит неопубликованная летопись кемеровского эксперимента «Кузбасс: романтическая хроника»³ и две статьи в *Nation* об АИК «Кузбасс»⁴.

Между тем в августе 1924-го двухлетний срок работы, оговоренный в контракте с АИК «Кузбасс», подошел к концу. Рут стала готовиться к отъезду в Москву, где планировала устроиться машинисткой при Коминтерне. В конце августа Рут с Сэмом отбыли в советскую столицу, а еще через два месяца, в конце октября 1924-го, Сэм уехал в Штаты. Некоторое время они поддерживали переписку, но постепенно роман в письмах стал угасать. Рут с головой окунулась в бурную московскую жизнь — по сравнению с Кемерово столица

³ Ruth Epperson Kennell, *Kuzbas: A Romantic Chronicle*, 1930, box 2, folders 13–16, REK Papers, University of Oregon.

⁴ Ruth Epperson Kennell, “Kuzbas, a New Pennsylvania,” *Nation*, May 2, 1923, 511–512; “The End of Kuzbas,” *Nation*, February 6, 1929, 170–172.

<p>Примечание: Писать можно карандашом</p>		<p>Анкета № 1</p>
<p>сотрудница Исполкома Коминтерна</p>		<p>Вопросы.</p>		<p>Ответы.</p>	
1	Фамилия	Klunen, Olga			
2	Имя и отчество	Olga Ivanovna			
3	Годы рождения (год, месяц и число)	С. 21/07/1894г.			
4	Сам. образование	С. В. Ш. Университ.			
5	Партийность	_____			
6	В какой партии состоите	_____			
7	Если была коммунистической партией, то какой страной и в какой период.	_____			
7	С какой партией и в какой период.	_____			
8	Состояли ли раньше в какой-либо организации советского района, где и когда?	Сов. Партия Америки 1917 - 1920гг			
9	Какие выполняли работы организации из до-французской революции	_____			
10	с французской до разгрома	_____			
11	с разгромом до поступления в Коминтерн	_____			
12	В чем состояли Ваши услуги в французской революции	I			
13	В чем состояли Ваши услуги в коммунистической революции	_____			
14	В чем состояли Ваши услуги в коммунистической революции	_____			

<p>ИНДИВИДУАЛЬНО ИНТЕРВЬЮ КОМПЕТЕНЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ПОДГОТОВЛЕННЕ ДЕЛАН ДББА, Социальный класс 1 (Город Москва ул. 10), Дата: 04.04.2012 г. 10:00 ч. 00 м. 00 с.</p>		Родная фамилия (полностью)																				
<p>УДОСТОВЕРЕНИЕ № 294/00 Подпись: <i>З.И. Иванова</i> 1928 г. Место: <i>Кемерово</i> <i>РФ</i></p>	<table border="1"> <tr> <td>Оценки по ...</td> <td>192 г.</td> </tr> <tr> <td>Удостоверение</td> <td>Зна. Ендр. анал. <i>сильные</i></td> </tr> <tr> <td>Оценки по ...</td> <td>192 г.</td> </tr> <tr> <td>Удостоверение</td> <td>Зна. Ендр. анал. <i>сильные</i></td> </tr> <tr> <td>Оценки по ...</td> <td>192 г.</td> </tr> <tr> <td>Удостоверение</td> <td>Зна. Ендр. анал. <i>сильные</i></td> </tr> <tr> <td>Оценки по ...</td> <td>192 г.</td> </tr> <tr> <td>Удостоверение</td> <td>Зна. Ендр. анал. <i>сильные</i></td> </tr> <tr> <td>Оценки по ...</td> <td>192 г.</td> </tr> <tr> <td>Удостоверение</td> <td>Зна. Ендр. анал. <i>сильные</i></td> </tr> </table>	Оценки по ...	192 г.	Удостоверение	Зна. Ендр. анал. <i>сильные</i>	Оценки по ...	192 г.	Удостоверение	Зна. Ендр. анал. <i>сильные</i>	Оценки по ...	192 г.	Удостоверение	Зна. Ендр. анал. <i>сильные</i>	Оценки по ...	192 г.	Удостоверение	Зна. Ендр. анал. <i>сильные</i>	Оценки по ...	192 г.	Удостоверение	Зна. Ендр. анал. <i>сильные</i>	
Оценки по ...	192 г.																					
Удостоверение	Зна. Ендр. анал. <i>сильные</i>																					
Оценки по ...	192 г.																					
Удостоверение	Зна. Ендр. анал. <i>сильные</i>																					
Оценки по ...	192 г.																					
Удостоверение	Зна. Ендр. анал. <i>сильные</i>																					
Оценки по ...	192 г.																					
Удостоверение	Зна. Ендр. анал. <i>сильные</i>																					
Оценки по ...	192 г.																					
Удостоверение	Зна. Ендр. анал. <i>сильные</i>																					

Анкета и удостоверение Рут Эпперсон-Кеннел из ее личного дела (архив Коминтерна). Источник: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 261. Ед. хр. 5582.

СССР казалась центром Вселенной. В октябре 1924-го ее приняли в Коминтерн машинисткой — в личном деле Рут Кеннел сохранилась ее анкета, заполненная при поступлении на работу, датированная 22 октября 1924 г., и письмо от того же числа в Бюро личного состава («отдел кадров» Коминтерна) зав. Издательским отделом М.Е. Крепса с просьбой зачислить «машинистку тов. Кеннель Рут в состав сотрудников Отдела»⁵. В декабре — феврале Рут провела еще два месяца в Кузбассе⁶, помогая Ругерсу запустить некоторые новые проекты, а в феврале 1925 г. вернулась в Москву и к своим обязанностям машинистки — как раз к V Пленуму Коминтерна (21.03–6.04.1925)⁷. С мая 1925 г. она была переведена на должность служащей Библиотеки Коминтерна и занималась каталогом англоязычных изданий⁸.

Той же весной в Москву прибыл Фрэнк Кеннел, и между супругами состоялось решающее объяснение: Рут призналась ему, что полюбила другого человека,

⁵ Личное дело Рут Кеннел // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 261. Ед. хр. 5582. Л. 27, 28–29.

⁶ Об этом также сохранились записи в личном деле Кеннел — ее заявление от 6.12.24: «Г. Крепсу. Отдел Печати. Прошу уволить меня по собственному желанию с должности машинистки с сегодняшнего дня, 6 декабря, в связи с тем, что я уезжаю в Кузбасс, Кемерово, Сибирь» — и резолюция об увольнении (Там же. Л. 24).

⁷ Чтобы ее восстановили на работе, Рут привезла рекомендации от двух колонистов, американцев — членов РКП(б): они засвидетельствовали ее «благонадежность» и профпригодность для работы машинисткой или библиотекарем (Там же. Л. 20–21).

⁸ Там же. Л. 7–8, 15–18.

Фрэнк предложил решение в духе романа Чернышевского «Что делать» — жизнь втроем согласно новой морали, основанной на взаимном уважении и дружеских чувствах. Получив решительный отказ, он отправился в АИК «Кузбасс», куда его пригласил Рутгерс. Еще через несколько месяцев в Москву приехала мать Фрэнка с повзрослевшим Джимми. Получив с 10 августа по 9 сентября отпуск на работе, Рут со свекровью и сыном отправились навестить Фрэнка в Кемерово. Там Рут ожидало потрясение: оказалось, что у ее мужа завязался страстный роман с одной из колонисток, художницей Хелен Линдли. Рут не поддержал никто: ни ее подруги по Кузбассу, ни свекровь, считавшая, что брак с Рут был роковой ошибкой: «Мать Фрэнка тоже осудила ее. Рут разрушила жизнь ее сына, и теперь пытается отказать ему в праве на счастье. В присутствии Джимми мать Фрэнка заявила, что Рут — эгоистка, плохая мать и должна как можно скорее уехать отсюда. Джимми вскочил и ударил Рут по лицу с криком: “Противная! Убирайся!”» [Mickenberg 2017: 159]. Рут и Фрэнк отправились в ближайшую деревню и оформили развод в местном загсе.

В этот приезд в Сибирь Рут с грустью наблюдала в колонии, пережившей расцвет и начавшей приносить прибыль в 1924-м — начале 1925-го, признаки упадка; ее возмущало, что советские власти (и столичные, и местные инстанции) постепенно отбирают у Рутгерса бразды правления; заместителем Рутгерса, а в 1926-м руководителем АИК стал К.Н. Коробкин (р. 1892, Мариуполь; расстрелян в 1937-м в Хабаровске), не сумевший найти общего языка с иностранными колонистами. Вернувшись 10 ноября 1925 г. в Москву к работе в Библиотеке Коминтерна, Рут еще надеялась на приезд в Кемерово Сэма Шипмана и была готова в этом случае снова отправиться в Сибирь, но через год, поздней осенью 1926-го, она получила от него письмо с сообщением, что он полюбил другую. Отвечая ему накануне нового 1927 г., Рут чувствовала, что целый этап ее жизни подошел к концу. С 1 января 1927 г. АИК «Кузбасс» окончательно перестала быть «новой Пенсильванией» — договор между СТО⁹ и Правлением колонии был расторгнут — и вскоре прекратила существовать. В 1929-м в *Nation* вышла последняя публикация Рут Кеннел об автономной индустриальной колонии «Конец Кузбасса».

⁹ Совет труда и обороны (1920–1937) — чрезвычайный орган, созданный в условиях гражданской войны и интервенции.

Московские знакомые Кеннел и Драйзера: общий круг

Окончательно переместившись в столицу и сменив должность машинистки на более престижную работу библиотекаря, Рут Кеннел вошла в круги московской интеллигенции, завязав целый ряд знакомств, сыгравших важную роль в ее жизни. Эти люди вошли также в число знакомых Драйзера и фигурируют в его переписке с Кеннел.

Соседкой Рут по комнате в гостинице Коминтерна «Люкс» и лучшей ее подругой стала Мэй О'Каллаган (полное имя Джулия Мэри О'Каллаган, 1881–1973) — поэт, переводчик, редактор, коммунистка и общественный деятель, уроженка Уэксфорда (Ирландия), происходившая из католической семьи среднего класса. Филолог по образованию, с конца 1890-х О'Каллаган жила в Вене, где училась, а затем преподавала в Венском университете, а также была участником литературных кружков, выступала с лекциями, посвященными ирландской литературе. В 1914-м О'Каллаган вернулась в Британию и включилась в деятельность Федерации суфражисток Восточного Лондона¹⁰, которую возглавляла Сильвия Панкхерст (1882–1960) — известная суфражистка, социалистка, создатель журнала *Women's Dreadnought* (редакция его помещалась на Флит-стрит). О'Каллаган стала редактором и автором этого журнала, часто публикуя там статьи на самые разные темы.

В 1917 г. журнал был переименован в *Workers' Dreadnought*, а Федерация суфражисток — в Рабочую социалистическую федерацию (*Workers' Socialist Federation*). Резкий крен влево был прежде всего обусловлен Первой мировой; С. Панкхерст и ее единомышленники приветствовали русскую революцию. В 1919-м С. Панкхерст сделала О'Каллаган руководителем Народного русского информационного бюро (*People's Russian Information Bureau*), которое частично финансировалось советской стороной через представителей Советской России в Лондоне и главной задачей которого была пропаганда. Однако С. Панкхерст, которая была одним из создателей Коммунистической партии Великобритании (CPGB, основана в июне 1920-го), присоединившейся к Коминтерну, вскоре была исключена из ее рядов, а О'Каллаган осталась в компартии — их пути с Сильвией Панкхерст разошлись. В 1924 г. О'Каллаган отправилась в Москву для работы в Коминтерне: родной английский вкупе со знанием немецкого, французского и русского сделали ее ценным сотрудником административ-

¹⁰ East London Federation of Suffragettes — ELFS.

ного аппарата III Интернационала. В Москве она заведовала службой английского перевода в Отделе печати Коминтерна, в частности, участвовала в переводе и публикации сочинений Лиамы О'Флаэрти (Liam O'Flaherty, 1896–1984) — ирландского «пролетарского писателя» и вообще всячески способствовала завязыванию и поддержанию контактов советских институций и деятелей культуры с западными интеллектуалами. Под псевдонимом «Юджин Фогарти» (Eugene Fogarty) О'Каллаган написала одну из первых критических статей о Джойсе, вышедших в СССР (опубликована в «Вестнике иностранной литературы», 1928, № 10)¹¹. В начале 1928-го О'Каллаган вернулась в Британию, а осенью того же года вместе с Нелли Коен, подругой и соратницей еще со времен Федерации суфражисток, отправилась в Нью-Йорк — и в итоге прожила там до 1933 г., сотрудничая с разными советскими культурными организациями. Из писем Рут Кеннел известно, что по ее просьбе Драйзер опекал О'Каллаган в Нью-Йорке в первое время после ее приезда.

После отъезда О'Каллаган из Москвы вскоре, на рубеже марта — апреля 1928-го, уехала из СССР и Рут Кеннел. Перед возвращением на родину, в США, Кеннел провела несколько дней в Берлине, а затем в Британии у своей подруги. Там по рекомендации Драйзера они завязали контакты с издательством *Constable & Co.* и, по своему обыкновению, постарались предложить ряд проектов, связанных

¹¹ Вот как пишет об этой статье С.С. Хоружий: «И наконец, в 1928 г. [...] появляется настоящая, квалифицированная статья о Джойсе. Автор ее, ирландец Юджин Фогарти, был парижским знакомым Джойса, связанным с левыми кругами; но его революционные убеждения, явные из статьи, еще не лишали его объективности и эстетического чутья. Статья дает неплохую характеристику Джойса — человека, его отношения к людям, к обществу, даже навыков его творческой работы. Отдельные разделы посвящены “Портрету художника”, “Улиссу” и “Вещи в работе”. При обсуждении “Улисса” основное внимание уделено форме и стилю; две страницы о “Вещи в работе” — первая информация на русском языке о “Поминках по Финнегану”. Дополнительный интерес статьи — в личном знакомстве автора с Джойсом, а также и с дублинскими героями “Улисса”, в частности, с А. Э.; мы слышим некоторые суждения Джойса из его бесед. Так, Джойс, не ведая об исчезновении старой культуры, рассчитывал, что в России будет читаться французский перевод романа; а его совет прослушать несколько раз чтение “Вещи в работе” наводит автора на неожиданную параллель со... стихами Маяковского: их он также научился понимать из многократного слушания — и делает верный вывод, что такое слушание есть лучший способ для понимания музыки, стихов на малознакомом языке — и “Поминок по Финнегану”» [Хоружий 1994: 568–569].

с Россией, познакомить лондонских и советских издателей и критиков из числа своих московских знакомых.

Помимо О'Каллаган, вошедшей через Рут Кеннел в круг знакомств Драйзера, завязанных в России, особую роль в жизни Кеннел и в истории ее общения с Драйзером сыграли С. Динамов и О. Бескин. Сергей Сергеевич Динамов (настоящая фамилия Оглодков, 1901–1939) происходил из бедной рабочей семьи. Как он рассказывал в письме Драйзеру, революция дала ему все — возможность получить образование, приобщиться к культуре, построить карьеру, словом, распахнула перед ним широчайшие горизонты:

Золотые рубли я видал до революции¹², но я это была для меня такая страшная темная жизнь, что никакой блеск золота не мог сделать ее светлой. Когда я был мясником — я работал с 6 часов утра до 7 часов за 6 рублей в месяц; когда я был текстильщиком, я получал за 10 ½ рабочий день 15 рублей в месяц, причем 2 недели из четырех я работал в ночной смене; я не знаю ничего кошмарнее звука ночной смены для мальчика 14 лет, когда днем из-за шума в квартире спать почти нельзя. Мне очень жалко его, этого мальчика Сергея, и я готов умереть в борьбе за то, чтобы мои дети и дети моих детей никогда не узнали бы ужаса ночной смены на фабрике в 10 ½ часов!) К дьяволу золотые рубли с орлами!¹³

В 1919 г. Динамов вступил в РКП(б), прошел Красную армию, учился в Институте красной профессуры, в 1926 г. поступил в аспирантуру РАНИОНа, где занимался английской и американской литературой под руководством В.М. Фриче. Со второй половины 1920-х Динамов активно участвует в деятельности Секции литературы и искусства Коммунистической академии и одновременно сотрудничает со структурами Коминтерна. Вместе с коллегами (среди которых были Луначарский, Лебедев-Полянский, Маца, Нусинов, Бескин, Зонин, Запровская, Кирпотин и др.) Динамов участвовал в создании Общества литературоведов и искусствоведов-марксистов¹⁴, в работе Секции кри-

¹² Драйзер задал Динамову вопрос, видел ли тот когда-нибудь золотые царские рубли (Т. Драйзер — С. Динамову. 14.09.1935 // РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 832. Л. 9).

¹³ С. Динамов — Т. Драйзеру. 10.10.1935 // Там же. Л. 203–204.

¹⁴ См. протоколы заседаний Комиссий Комакадемии: АРАН. Ф. 358. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 9–13.

тиков-марксистов¹⁵. Он выступал с докладами, а также организовывал выступления, встречи и дискуссии в Комакадемии, в том числе с зарубежными участниками — профессорами: театроведом Г.У. Л. Даной, Р. Вульфом, который 15 декабря 1927 г. прочел доклад о революционной американской поэзии¹⁶, и др. Уже тогда Динамов вел активную переписку с англоязычными писателями и критиками — в том числе с другом О'Каллаган ирландским пролетарским писателем Лиамом О'Флаэрти¹⁷. Как явствует из сохранившихся документов, к работе в Комакадемии активно привлекались служащие Коминтерна Рут Кеннел и Мэй О'Каллаган. В 1927 г. при Секции литературы и искусства Комакадемии создается Комиссия по изучению пролетарской и революционной литературы Запада. Организационное заседание комиссии состоялось 28 сентября 1927 г.; был намечен состав участников: венгерский эмигрант, искусствовед-марксист Иван (Янош) Маца (уже состоял в штате Комакадемии), молодые аспиранты РАНИОН Иван Анисимов, Сергей Динамов, Анна Запровская (двое последних через десятилетие будут расстреляны как «террорист» и «фашистка») и две сотрудницы Коминтерна — Мэй О'Калаган и Рут Кеннел¹⁸. Динамов и Анисимов будут иметь непосредственное отношение к формированию «советского Драйзера»: они станут присяжными критиками-интерпретаторами его творчества и составителями первого (1928–1930) и второго (1950–1955) 12-томных собраний сочинений.

Как засвидетельствовано в драйзеровском «Русском дневнике», именно Динамов, уже состоявший в переписке с Драйзером до его приезда в СССР, привел с собой Рут Кеннел, когда явился в «Гранд-Отель»¹⁹ для личного знакомства с автором «Американской трагедии»: «Я поселился в номере 112 на третьем этаже... Почти мгновенно появляются г-н Динамов из государственного издательства и девушка, которую я принимаю за его молодую любовницу. Они переполнены чувством долга, я в их глазах важен необычайно» [Драйзер 2019: 103]. Это произошло 4 ноября 1927 г., в тот же день, когда Драйзер прибыл в Москву. Не прошло и недели, как Драйзер нанял Рут Кеннел в каче-

¹⁵ Там же. Л. 1–8.

¹⁶ См.: АРАН. Ф. 350. Оп. 2. Ед. хр. 135.

¹⁷ См.: АРАН. Ф. 358. Оп. 1. Ед. хр. 28.

¹⁸ См.: АРАН. Ф. 350. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 14.

¹⁹ Драйзер остановился в Большой Московской гостинице (или «Гранд-Отеле») возле Красной площади. На этом месте потом была построена гостиница «Москва».

стве персональной помощницы — Рут Кеннел стала его секретарем, переводчиком, гидом и любовницей во все время вояжа: она сопровождала его в поездке в Поволжье, Донбасс, на Кавказ, в Крым и в январе 1928 г. проводила из Одессы в Европу. Динамов — «Сергей», «Серж» в качестве их общего «русского друга» и собрата по литературному цеху оказывается постоянным героем переписки Кеннел с Драйзером.

Другой важный человек из круга общения Рут Кеннел — Осип Мартынович Бескин (1892–1969), с которым Рут Кеннел связывали не только деловые и дружеские, но и любовные отношения. В 1920-е Бескин был членом правления Госиздата и как раз в момент приезда Драйзера — руководителем госиздатовского отдела художественной литературы и в качестве такового тесно сотрудничал с Комакадемией. Комакадемики планировали взять под свой контроль издание современной западной литературы. Динамов, Анисимов, И.М. Нусинов становятся постоянными внутренними рецензентами продукции ГИЗа и готовят свою книгоиздательскую программу. Ее принципы обсуждались в ходе дискуссии «Западная литература на книжном рынке», прошедшей 24 января 1927 г. в Комакадемии с участием работников издательств и библиотек — ГИЗ представлял заводделом художественной литературы Бескин²⁰. Ставился вопрос о «наступлении на частника» и повышении качества государственной книжной продукции, которую кроме ГИЗа активно выпускало государственно-акционерное издательство «Земля и фабрика» (ЗИФ). Вопреки мнению руководителей рабочих библиотек, комакадемики поддержали идею О. Бескина наладить выпуск собраний сочинений (в составе «основных» произведений) зарубежных авторов. Необходимым было признано и наличие критического аппарата изданий²¹.

Издательские проекты

Можно сказать, что Драйзер в ноябре 1927 г. прибыл в СССР в переломный момент в политике издания современных западных авторов. Один из первых деловых визитов он в сопровождении Рут Кеннел нанес в Госиздат, где провел переговоры с Бескиным и Дина-

²⁰ АРАН. Ф. 350. Оп. 2. Ед. хр. 134.

²¹ Потребность в таких изданиях была очевидна и «кооператорам» — в это время ленинградское издательство «Время» приступает к подготовке «авторизованных», с сопроводительными статьями собраний сочинений С. Цвейга (1928–1932, в 12 т.) и Р. Роллана (1930–1936, в 20 т.). См. об этом: [Маликова 2014].

мовым, у которых уже сформировался серьезный, «государственный» интерес к «отцу американского реализма».

Теодор Драйзер пришел к русскому читателю относительно поздно: лишь в 1925 г. после появления «Американской трагедии» ленинградское частное издательство «Сеятель» выпускает сборник «Суд Линча и другие рассказы» в переводе Марка Волосова, а также три новеллы из сборника двумя брошюрами в популярной серии «Сеятеля». Драйзера стал издавать гигант нэповского книжного рынка — ленинградское кооперативное издательство «Мысль». Здесь перед самым приездом Драйзера, в 1927 г., вышли два ранних романа Драйзера «Сестра Керри» и «Дженни Герхардт» (в переводе Марка Волосова), книга очерков «Краски Нью-Йорка» (перевод В.П. Стеллецкого) и сборник «Необыкновенная история и другие рассказы» (перевод Т. и В. Ровинских). Именно об этих русских изданиях Драйзер спрашивал в письме от 18 марта 1927 г. к молодому критику Сергею Динамову, недавно вступившего с ним в переписку: «Во-первых, я хотел бы знать, не переводились ли какие-либо из моих книг в России и, если да, какие и на что в таком случае я могу рассчитывать в смысле гонорара» [Драйзер 1988: 285]. С этого же вопроса началась и деловая встреча Драйзера с Бескиным и Динамовым в Госиздате. Этим переговорам посвящена запись в «Русском дневнике» Драйзера:

17 ноября 1927 г. [...] В час у меня была встреча с менеджером Госиздата (Государственного издательства России), который собирается выпустить все мои книги. И в течение 50 минут нам удалось прийти к соглашению. Главный исполнительный директор этого концерна (таким титулом Драйзер наградил О.М. Бескина. — *О. П.*) предложил мне 750 рублей за две уже опубликованные книги: «Колорит большого города» и три рассказа из «Двенадцати мужчин». Я отказался принять деньги и сказал, что я дарю им эти книги. Менеджер заявил, что ему не нужны подарки от меня, но он хочет закрыть прошлые долги, чтобы установить хорошие отношения в будущем. После того как были даны объяснения, почему эти книги вышли в сокращенном виде (чтобы сделать их доступными для рабочих) и почему они предлагают так мало, они спросили меня, какая сумма меня устроит; я сказал: 1000 долларов, и мы договорились о том, что я предоставляю им эксклюзивные издательские права и буду высылать рукописи для публикации не ранее месяца после выхода американского или английского издания, и мне будут платить от 600 до 1000 долларов за каждую книгу (за «Галерею женщин» — 1000) [Dreiser 1996: 104, 106].

Более подробно и живо описывает эту встречу Рут Кеннел в своей документальной книге «Теодор Драйзер и Советский Союз», подчеркивая свою роль в заключении соглашения; по ее словам, на прощание Бескин украдкой пожал ей руку и прошептал: «Умница, ты нам помогла!» [Kennell 1969: 58–60]²². Как явствует из переписки Кеннел и Драйзера, она считала себя в какой-то степени ответственной за подписанный Драйзером договор и за все проистекшие из него недоразумения и огорчения. Публикация советского собрания сочинений Драйзера занимает немалое место в его переписке с Кеннел.

Итак, заключение контракта с Драйзером пришлось на момент начала реализации госиздатовского проекта выпуска собраний сочинений зарубежных писателей²³. Осуществлять его было решено в акционерном ЗИФе в силу его специализации на беллетристике. Драйзер слышал об этом еще в ноябре 1927-го и недоумевал, почему в таком случае эксклюзивный контракт он заключает с Госиздатом (см. запись в «Русском дневнике» от 24 ноября 1927 г.). Серия собраний сочинений начинает выходить с 1928 г. как приложение к литературному журналу ЗИФа «30 дней».

Собрание Драйзера в ЗИФ было объявлено в 12 томах. Половину составляли шесть вышедших к тому времени романов, причем вначале должны были идти еще не переводившиеся на русский: «Финансист», «Титан», «Гений» занимали тома 2–4, «Американская трагедия» (в сокращении) — том 6. Два ранних романа, только что изданные в Ленинграде, были отложены на 1930 г. (11-й и 12-й тома собрания). Три тома (5-й, 7-й, 10-й) — сборники рассказов (в сокращении) «Освобождение», «Цепи», «Двенадцать мужчин» (под уже апробированным в СССР заглавием «Двенадцать американцев»). Эти девять томов появились в 1928–1930 гг. в ЗИФе. Том 8 был зарезервирован для «Галереи женщин», которую Драйзер обещал выслать в Москву сразу по окончании (за эту новинку он просил повышенный гонорар). Однако работа над «Галереей» затянулась почти на год, американское издание появилось только в конце 1929 г. Между тем началась реорганизация Госиздата, ЗИФ ликвидировали;

²² См. фрагмент в переводе на русский: [Панов, Панова 2014].

²³ К 1930 г., когда ЗИФ прекратил существование и был поглощен ОГИЗом (на базе ЗИФа было создано Госиздательство художественной литературы, ГИХЛ), вышли собрания пяти авторов: Драйзера, Джека Лондона (1928–1929, полное собрание сочинений в 24 т.), Анатоля Франса (1928–1930), Жюль Верна (1930, в 6 т.) и Герберта Уэллса (1930, в 15 т.)

в итоге в русском переводе «Галерея женщин» вышла только в 1933 г. уже как издание ГИХЛ и без обозначения номера тома. Два тома (1-й и 9-й) так и остались неизданными. Их состав раскрывается в проспекте собрания сочинений, прилагавшемся к ряду томов (например, к 10-му). Первым томом была запланирована автобиографическая «Книга о самом себе» (с литературно-критической статьей С. Динамова); позже перевод ее печатался в журнале «Интернациональная литература» (1935, №№ 7–12). Девятый том в проспекте собрания сочинений был анонсирован так: «“По Европе и Америке” (Книга путешествий)». В него планировалось включить три травелога — «Драйзер смотрит на Россию» (1928), «Сорокалетний путешественник» (*A Traveller at Forty*, 1913) — о первом европейском вояже по Англии, Франции и Германии осенью 1911 г.; «Каникулы индианца» (*A Hoosier Holiday*, 1916) — о путешествии по родному штату Индиана.

Каждый том издания выходил с критическим приложением: переводными статьями о Драйзере современных зарубежных критиков (в их числе были Г.Л. Менкен, Дж. Фримен, А. Магил, и др.), а также с предисловиями — большими литературно-критическими статьями, которые Динамов в основном взял на себя (только предисловия в «Сеestre Керри» и «Дженни Герхардт» были написаны И. Анисимовым).

Если сам Драйзер был фактически отстранен от подготовки советского собрания сочинений, то Рут Кеннел, напротив, принимала в этом проекте активное участие. Кеннел, которая после поездки с писателем по СССР воспринималась как «эксперт по Драйзеру», а как работник Коминтерна считалась *persona grata*, помогала Динамову с подбором критической литературы для приложений из зарубежной периодики; также ей было поручено подготовить критические статьи к 7-му, 8-му и 9-му томам. Первую из них (к сборнику рассказов «Цепи», вышедшему в 1928 г.) она написала очень быстро, представив Драйзера как «отца натуралистической школы в Америке», внимательного наблюдателя жизни. На рубеже марта — апреля 1928 г. Кеннел покинула СССР, но продолжала поддерживать тесную связь с Динамовым и работать для собрания сочинений из-за океана. Помимо этого, Рут Кеннел и до своего отъезда из России, и по возвращении в США продолжала играть роль «русского секретаря» Драйзера. Она поддерживала связь с Динамовым и Госиздатом/ГИХЛ, переводила и суммировала для Драйзера русскую прессу (предисловия к томам его собрания сочинений, статьи, рецензии).

Споры о «женском вопросе»

Закрепленного за Рут Кеннел сборника «Галерея женщин» пришлось ждать больше года: Драйзер непременно хотел дополнить его новыми героинями и прежде всего персонажем, списанным с самой Кеннел, — Эрнитой. Писатель использовал многочасовые беседы со своей молодой подругой и сумел сложить ее рассказы в цельное жизнеописание, доведенное до 1927 г. — то есть, оставив за скобками себя самого и С. Динамова. Эрнита нарисована с симпатией, но не без снисходительного сочувствия. Переписка Кеннел с Драйзером дает представление о том, как прототип реагировал на работу художника, рисовавшего ее литературный портрет. В свою статью, предназначенную для русского издания «Галереи женщин», Кеннел выплеснула мощный заряд боевого феминизма, отметив, что примитивное отношение Драйзера к женщинам не красит этого «философа жизни»: «Великий реалист никогда не отличался особенно глубоким и чутким пониманием представительниц другого пола»²⁴. Особое место уделено, естественно, «Эрните» («жизнь которой известна мне лучше, чем автору»). Кеннел цитирует свое письмо с прямым запретом печатать ее историю в книге, который Драйзер коварно проигнорировал и, что хуже, бесстыдно и несправедливо выставил в качестве ее главных жизненных ориентиров «сексуальные мотивы»²⁵. Статья Кеннел — это горячий спор с писателем в защиту свободных и прогрессивных женщин Америки.

В вышедшем в 1933 г. ГИХЛовском томе с «Галереей женщин» статья Кеннел дана в приложении, а в качестве предисловия напечатана сокращенная версия статьи Динамова «Теодор Драйзер и революция» — без всякого обсуждения проблем сексизма и феминизма. В личной переписке Кеннел с Драйзером принципиальный спор продолжился в связи с публикацией в херстовском *International-Cosmopolitan* эротического романа Драйзера «Это безумие» (*This Madness*)²⁶, в основе которого лежит слегка замаскированный автобиографический материал. Это сочинение Рут Кеннел подвергла

²⁴ Кеннель Р. «Галерея женщин» Теодора Драйзера // Драйзер Т. Собр. соч. / под общ. ред. С.С. Динамова. М.: ГИХЛ, 1933. [Т. 13:] Галерея женщин. С. 287–288.

²⁵ Там же. С. 293.

²⁶ Роман состоит из трех новелл — «Аглая», «Элизабет», «Сидония»; он был опубликован в шести выпусках *International-Cosmopolitan* с февраля по июль 1929 г. В первом выпуске название было напечатано с подзаголовком: «Честный роман о любви автора “Американской трагедии”» (“An Honest Novel about Love by the Man Who Wrote *An American Tragedy*.”).

жестокой и язвительной критике, обвинив Драйзера в отношении к женщине как к вещи, товару с очень коротким «сроком годности» и в приверженности предрассудкам.

Состав девятого тома несколько раз менялся (см.: [Панов, Панова 2015]), но в итоге к 1930–1931 гг. в том «путешествий» было решено включить травелог «Драйзер смотрит на Россию», исключить «Сорокалетнего путешественника», оставить «Каникулы индианца» и в нарушение жанрового принципа добавить «Краски Нью-Йорка» (эти городские очерки никак нельзя отнести к травелогам).

Книга о русском путешествии и дело о плагиате

Как только в Нью-Йорке в ноябре 1928 г. вышла книга «Драйзер смотрит на Россию», Кеннел прислала в «Вестник иностранной литературы» большую рецензию. Отмечая противоречивость оценок Драйзером СССР, она подчеркивала искренность и непредвзятость писателя, его симпатию к русскому эксперименту и то, что по возвращении в Штаты «он смело выступил на защиту большевиков, когда к нему явился сонм репортеров»²⁷. Динамов попросил Рут Кеннел написать сопроводительную статью для «тома путешествий» собрания сочинений, что и было сделано. Перевод для издательства подготовила Вера Станевич, но том так и не вышел в свет²⁸. Очевидно, оценка, которую Кеннел дала книге Драйзера о России (она «даст обильную пищу одинаково и друзьям, и противникам России») совпала с мнением советской редакции, так что было решено отказаться от издания этого слишком амбивалентного текста. Однако перевод первой главы, выполнявшийся, очевидно, в ходе подготовки собрания сочинений, был отредактирован и издан под названием «Что я увидел в Советской России» в юбилейном сборнике, посвященном 15-летию Октябрьской революции²⁹. Сама же книга в России будет долго ждать своего часа. Полностью она выйдет у нас лишь в 1998 г. Однако к публикации фрагментов драйзеровского травелога в СССР (как книги, так и его «Русского дневника») возвращались неоднократно. Как известно, «Русский дневник» (на основе которого потом

²⁷ Кенель Р. Драйзер о Советской России // Вестник иностранной литературы. 1929. № 1. С. 221.

²⁸ Подробнее об издании драйзеровского собрания сочинений 1928–1933 гг. и публикацию статьи Р. Кеннел для «тома путешествий» см.: [Панов, Панова 2015].

²⁹ Драйзер Т. Что я увидел в Советской России // Глазами иностранцев. 1917–1932. М.: ГИХЛ, 1932. С. 253–265.

была написана книга) печатала по заданию Драйзера Рут Кеннел на машинке, а Драйзер прочитывал и от руки поправлял и дополнял ее машинопись. После отъезда Драйзера из СССР Рут передала часть писавшегося ей для Драйзера русского дневника в ВОКС без разрешения писателя. М. Дэвид-Фокс, посвятивший приезду Драйзера в СССР несколько публикаций, объясняет ее поступок «чувством лояльности по отношению к советским работодателям» [Дэвид-Фокс 2015: 293; Дэвид-Фокс 2006: 228]. Позже переданный Кеннел фрагмент дневника был, по сложившейся традиции, опубликован к очередной годовщине Октября — в юбилейном номере «Иностранной литературы» 1967 г. [Николюкин 1989].

Рут Кеннел участвовала и в подготовке американского издания книги «Драйзер смотрит на Россию» — ее редактура и советы, касавшиеся композиции, содержания и стиля были с благодарностью приняты писателем. Близко затронул Рут Кеннел и литературный скандал, разыгравшийся сразу после выхода книги в свет, — дело о «плагиате».

Скандал разразился после того, как вернувшиеся из СССР Драйзер и журналистка Дороти Томпсон (ставшая женой Синклера Льюиса 14 мая 1928 г.)³⁰ опубликовали книги, в которых описали свои впечатления от поездки на празднование 10-летия Октября: «Драйзер смотрит на Россию» (*Dreiser Looks at Russia*, New York: Horace Liveright, 1928) и «Новая Россия» (*New Russia*, New York: Henry Holt, 1928) соответственно. Книга Томпсон вышла 7 сентября, книга Драйзера — 10 ноября 1928 г. Томпсон немедленно приобрела травелог Драйзера, и уже 14 ноября в газетах появились сообщения о том, что в двух книгах имеются практически идентичные фрагменты, в связи с чем миссис Синклер Льюис считает себя вправе обвинить мистера Драйзера в плагиате. Первую статью поместил Перси Уиннер в *Evening Post*, газете, для которой писала сама Томпсон. Именно там были опубликованы не только обвинения, но и доказательства: отрывки из обеих книг были представлены для удобства сравнения в виде двух колонок, так, чтобы было ясно, что речь идет о дословных совпадениях. Перечень Уиннера насчитывал двенадцать фрагментов. Сходство было обнаружено в описании Москвы и московского быта: Драйзер и Томпсон в одних и тех же словах охарактеризовали не

³⁰ О пребывании на Октябрьских торжествах в СССР Д. Томпсон, С. Льюиса и Драйзера см.: [Щербинина 2017; Панов, Панова 2018].

только Кремль и Тверскую (туристические объекты, информацию о которых можно было почерпнуть в одних и тех же источниках), но и московские рынки, грязь на улицах и чад от примусов и т.п.

В ответ на вопросы журналистов Драйзер объяснил случившееся тем, что оба автора пользовались материалами, которые им выдали в Москве по указанию принимавшего иностранных гостей ВОКСа (Всесоюзного общества культурных связей с границей)³¹.

Пресса подняла шум вокруг этого скандала, который разыгрался как раз в тот момент, когда Драйзер и муж Томпсон Синклер Льюис были номинированы на Нобелевскую премию, которую в итоге получил Льюис. В литературных кругах США многие были убеждены, что этот скандал был хорошо спланированной провокацией со стороны Томпсон и Льюиса, сумевших дискредитировать соперника в глазах Нобелевского комитета. Состоявшийся по делу о плагиате суд вынес решение в пользу Драйзера, о чем он победно отрапортовал в письме к Рут Кеннел, однако Нобелевской премии он лишился³².

Скандал постепенно начал затихать: Томпсон призналась, что пользовалась стандартными информационными материалами и буклетами, которые предоставляла гостям принимающая советская сторона; было обнаружено сходство некоторых пассажей в книге Томпсон с другими травелогами американцев об СССР (например с книгой Анны О'Хара Маккормик «Серп и молот», вышедшей за полгода до книг Томпсон и Драйзера). Загадка истории с плагиатом так и не была окончательно разгадана, но представляется вероятным, что секрет действительно кроется в использовании стандартных информационных материалов, предоставлявшихся англоязычным гостям в СССР.

Реакция Динамова и Рут Кеннел на «дело о плагиате» также говорит скорее в пользу этой версии. Их возмутило, что Драйзера, в течение двух с половиной месяцев внимательно и глубоко изучавшего русский эксперимент, путешествовавшего по городам и весям в зимнее время, в тяжелых условиях, обвинила в плагиате Дороти Томпсон, которая провела в СССР всего месяц и не выезжала за пределы столицы. С. Динамов, красочно описав в статье «Теодор Драйзер и революция» разразившийся скандал, сделал специальное примечание: «Между прочим, я лично наблюдал работу Драйзера над книгой о «Советском Союзе», видел, как тщательно он собирал материал для

³¹ См., например: *The Los Angeles Times*, December 2, 1928, 51.

³² Подробнее про дело о плагиате см.: [Кузина 2020].

нее; конечно, ни о каком плагиате не может быть и речи, приведенные в свое время женой Синклера Льюиса, Дороти Томпсон, примеры говорят только о том, что были совпадения в использовании справочных работ о СССР»³³. Рут Кеннел в своих письмах поначалу горячо поддерживала Драйзера, предлагая разные правдоподобные объяснения случившегося. Но когда ее собственное имя стало возникать в связи с «делом о плагиате» (через «европейских друзей» до нее дошел слух, будто это она составила для Драйзера ту самую «ворованную» главу), Кеннел не на шутку встревожилась. Как раз в это время она пыталась начать собственную литературную карьеру, делая ставку на «русскую тему», и ее репутация «знатока России» оказалась под угрозой. Поведение Рут Кеннел в этой ситуации позволяет предположить, что она вполне могла приложить руку к случившемуся, воспользовавшись при составлении материалов для Драйзера готовыми текстами, которые потом переключались в драйзеровский травелог. Вероятно, Драйзер понимал это, но повел себя как рыцарь и джентльмен и отказался отбеливать свою репутацию, сделав то, о чем его просила Рут Кеннел: не губить ее реноме начинающего литератора и авторитетного эксперта по России.

Драйзер и первые шаги Рут Кеннел в профессии литератора

Драйзер по достоинству оценил способности Рут Кеннел как критика, журналиста и литератора. В самом первом письме к Кеннел сразу после отъезда из СССР Драйзер, планирующий сделать серию очерков о новой России, просит ее «прислать мысли» и сформулировать свою точку зрения на новое большевистское искусство, старый и новый театр, вопросы морали, брака и женский вопрос и т.д.: «Изложи эти мысли подробно в письме. Если у меня получится сделать из них очерки, я оплачу твой труд наличными. Знай, что я думаю о тебе и очень высоко тебя ценю. На самом деле, если бы не ты, кто знает, что бы со мной стало? Ты для меня очень близкий человек, и я всегда готов помогать тебе всем, чем только смогу. Ты это знаешь» (Драйзер — Кеннел, 24 февраля 1928 г.)³⁴. В первых письмах, которыми они обменивались в январе — марте 1928 г., Кеннел много пишет не только об общих знакомых (Динамов, Сергей Третьяков,

³³ Динамов С. Теодор Драйзер и революция // Кризис капитализма и союзники пролетариата в литературе Запада. М.; Л.: Гослитиздат, 1933. Сб. 1. С. 87.

³⁴ См. приложение к этой статье.

Осип Брик и «Лилечка», Маяковский и др.), но и об этих вопросах, интересовавших Драйзера, в особенности о театре и, в частности, о мейерхольдовской постановке «Горе уму», которую она посетила. Драйзер не случайно поручил Кеннел довести до конца начатые им переговоры с московскими театрами о постановке его пьес и просил ее поделиться «мыслями» о советском театре: Кеннел давно и достаточно глубоко интересовалась театральной жизнью Москвы. За год до приезда Драйзера в СССР, в сентябре — октябре 1926 г., она опубликовала тематическую серию очерков в органе американской компартии *Daily Worker*³⁵. Они были посвящены театру Мейерхольда (ГОСТиМ), Государственному еврейскому театру (ГОСЕТ), Малому театру, Камерному театру, МХАТу, Третьей студии МХАТ (будущий театр им. Е. Вахтангова), театру имени МГСПС (впоследствии Театр Моссовета). В каждой публикации Кеннел дает общие сведения о том или ином театре, останавливается на самых ярких фигурах московского театрального мира (Мейерхольд, Станиславский, Таилов, Грановский) и выбирает одну или две постановки, о которых рассказывает подробно — например, «Виринея» Л.Н. Сейфуллиной и «Турандот» (МХАТ), «Косматая обезьяна» О'Нила и «Розита» (Камерный театр), «200 000» Шолом-Алейхема (ГОСЕТ), «Земля дыбом» М. Мартинэ — С. Третьякова и «Рычи, Китай» (театр Мейерхольда), «Шторм» В.Н. Билль-Белоцерковского (театр им. МГСПС), «Загмук» А.Г. Глебова (Малый театр).

В конце 1920-х — начале 1930-х Рут Кеннел продолжает публиковаться в прессе — советской и американской, в основном на русские темы. Появляется ее рецензия на очередной русский травелог американских путешественниц по Сибири и Туркестану (по мнению Кеннел, в стойкости и оптимизме превосходивших путешественника Драйзера)³⁶, очередная публикация о советском театре³⁷. В статье о са-

³⁵ Ruth Kennell Epperson, "The Theater Season in Moscow 1925–1926," *Daily Worker*, September 18, 1926; "Meierhold Theater in Moscow," *Daily Worker*, September 25, 1926; "The State Jewish Theater in Moscow," *Daily Worker*, October 2, 1926; "The Theater Season in Moscow," *Daily Worker*, October 9, 1926; "The Theater Season in Moscow," *Daily Worker*, October 16, 1926.

³⁶ Ruth Kennell Epperson, "Two Women on the March," review of *Vagabonding at Fifty, from Siberia to Turkestan*, by Helen Calista Willson and Elsie Reed Mitchell, *Nation*, April 17, 1929, 483–484.

³⁷ Ruth Kennell Epperson, "Workers' Performances Entertain Communist Masses: Peasants Lead Russian Theatre Revival," *Los Angeles Times*, August 4, 1929.

Публикация Р. Кеннел в связи с самоубийством Маяковского: Ruth Kennell, "Strange Suicide of Russia's Poet-Idol," *Democrat and Chronicle* (Rochester, NY), October 19, 1930.

поддерживали и по возвращении на родину. Рут Кеннел делала ставку на то, что ее признают и будут ценить как «эксперта по России». В 1929–1932 гг. она — самостоятельно и в соавторстве со своей подругой журналисткой Милли Беннет — опубликовала серию статей об американцах в советской России в журнале Генри Л. Менкена *American Mercury*³⁹.

В переписке с Драйзером Рут обсуждает свои рецензии (в том числе и на драйзеровские сочинения) и статьи. Однако ее амбиции не ограничивались публицистикой: она хотела пробиться в литературу и прилагала большие усилия, чтобы сделать

писательскую карьеру. В этом она рассчитывала на помощь Драйзера, который действительно поддержал ее. В 1928–1929 гг. Кеннел, осевшая на семейной ферме в городке Пало-Альто неподалеку от Сан-Франциско, стремится использовать вынужденное одиночество и досуг для работы над своей первой книгой — большой повестью «Беспризорник Ваня». Драйзер старался помочь ей — давал советы, отредактировал текст, помогал связаться с издателями, чтобы пристроить повесть (именно через Драйзера Рут Кеннел познакомилась и с Менкеном, и с издателем Альфредом Кнопфом, издававшим журнал Менкена *American Mercury*). Переписка с Кеннел представляет

³⁹ Ruth Kennell Epperson, "The New Innocents Abroad," *American Mercury* 17, no. 65 (May 1929): 10–18; Ruth Kennell and Milly Bennett, "They All Come to Moscow," *American Mercury* 24, no. 96 (December 1931): 394–401; Ruth Kennell and Milly Bennett, "American Immigrants in Russia," *American Mercury* 25, no. 100 (April 1932): 463–479.

нам Драйзера еще в одной ипостаси — патрона и редактора, который опекает начинающего литератора и помогает сделать первые шаги в профессии. «Беспризорник Ваня» в итоге был опубликован в 1931 г.⁴⁰ Три следующие детские повести Рут также строились на русских сюжетах — «Товарищ Костыль» (*Comrade One-Crutch*, 1931)⁴¹, «Мальчик Николка» (*The Boy Nikolka*, 1943), «Приключения в России: призрак Киргизии» (*Adventure in Russia: The Ghost of Khirgizia*, 1947).

Темы, связанные с советской Россией и писательской профессией, — главные, но не единственные в переписке. Среди собственно американских проблем, волновавших Рут и Драйзера в конце 1920-х, — президентские выборы 1929 г., кампания солидарности за освобождение одного из самых известных политзаключенных — Тома Муни, в которой по просьбе Рут Кеннел принял участие и Драйзер, написавший письмо в поддержку Муни губернатору Калифорнии. Рут Кеннел принимала дело Муни особенно близко к сердцу, поскольку все события разворачивались в Сан-Франциско, можно сказать, у нее на глазах.

Рут Кеннел всегда оставалась человеком левых взглядов, хотя многое и в советской России, и особенно в компартии США вызывало у нее неприятие — о чем она, в частности, откровенно пишет Драйзеру. Вторая поездка в СССР в 1931 г. (против которой Драйзер возражал) заметно усилила критический настрой Кеннел по отношению к советскому эксперименту. Разрыв с ней Динамов констатировал в письме Драйзеру 13 декабря 1935 г.: «Ruth Kennell оказалась такой слабой и не сумела удержаться на позициях дружбы с нами»⁴², а когда Драйзер сообщил ему в письме новый американский адрес Кеннел, саркастически ответил 6 марта 1936 г.: «Почему Вы мне написали об адресе Ruth Kennell? Она плохо себя ведет по отношению к нам. Зачем? Глупая ~~девочк~~ girl! Это и жалко, и смешно — листок хочет свалить дуб, свалившись с его ветвей»⁴³.

⁴⁰ Ruth Kennell Epperson, *Vanya of the Streets* (New York: Harper & Brothers, 1931).

⁴¹ Русский перевод: Кеннел Р. Э. Товарищ Костыль. Приключения американского мальчика в Кемерове: сибирская хроника жизни юного Дэвида Пламмера, 1922–1924 / пер. С. Сафронова, В. Сухацкого. Кемерово: Рекламинформ, 2008.

⁴² РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 832. Л. 198; л. 21. (пер. на англ.).

⁴³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 26. Л. 4.

Новый всплеск симпатии к России был вызван событиями Второй мировой и Великой Отечественной войн — тогда Драйзер и Кеннел солидарно занимают антибританскую и просоветскую позицию. Но эти сюжеты уже касаются их переписки рубежа 1930–1940-х.

ЛИТЕРАТУРА

Александров 1998 — Александров В. Теодор Драйзер в Советском Союзе (Архивные находки) // Вопросы литературы. 1998. № 5. С. 365–373.

Драйзер 1988 — Драйзер Т. Жизнь, искусство и Америка. Статьи, интервью, письма. М.: Радуга, 1988. 416 с.

Драйзер 2019 — Драйзер Т. Русский дневник. Путешествие классика американской литературы по СССР. М.: ЭКСМО, 2019. 430 с.

Дэвид-Фокс 2015 — Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М.: Новое лит. обозрение, 2015. 568 с.

Дэвид-Фокс 2006 — Дэвид-Фокс М. Тройная двусмысленность. Теодор Драйзер в Советской России (1927–1928): паломничество, похожее на обвинительную речь // Культуральные исследования / под ред. А. Эткінда, П. Лысакова. СПб.; М.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., Летний сад, 2006. С. 290–319.

Засурский 1977 — Засурский Я.Н. Теодор Драйзер. Жизнь и творчество. М.: МГУ, 1977. 320 с.

Козько, Кривошеева 1979 — Козько Н., Кривошеева Е. Загадка Эрниты. Кемерово: Кемерово. кн. изд-во, 1979. 192 с.

Кузина 2020 — Кузина Д.Д. «Новая Россия» и старые обиды: о литературном скандале вокруг советских травелогов Т. Драйзера и Д. Томпсон // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5, № 4. С. 146–165.

Маликова 2014 — Маликова М.Э. «Время»: история ленинградского кооперативного издательства (1922–1934) // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде. По архивным материалам: сб. ст. / сост. М.Э. Маликова. М.: Новое лит. обозрение, 2014. С. 129–331.

Николюкин 1989 — Николюкин А.Н. Драйзер и сегодня смотрит на Россию (главы из книги Т. Драйзера «Драйзер смотрит на Россию») / пер. с англ. О. Кириченко // Вопросы литературы. 1989. № 11. С. 173–209.

Панов, Панова 2018 — Панов С.И., Панова О.Ю. Американские писатели на Октябрьских торжествах 1927 г. // Новый филологический вестник. 2018. № 3 (46). С. 174–184.

Панов, Панова 2015 — Панов С.И., Панова О.Ю. Послесловие к предисловию: материалы к истории (не)издания Драйзера в СССР // Новый российский гуманитарные исследования. 2015. Т. 10. <http://www.nrgumis.ru/articles/1957/>.

Панов, Панова 2014 — Панов С.И., Панова О.Ю. Теодор Драйзер в СССР: Заметки к теме // Новые российские гуманитарные исследования. 2014. Т. 9. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/272/>.

Панова 2017 — Панова О.Ю. У революции женское лицо: Джулия Микенберг об американках в Советской России // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 491–499.

Хоружий 1994 — Хоружий С.С. «Улисс» в русском зеркале // Джойс Дж. Собр. соч.: в 3 т. М.: ЗнаК, 1994. Т. 3. Улисс: роман (ч. 3). С. 363–605.

Щербинина 2017 — Щербинина О.И. Травелог Дороти Томпсон «Новая Россия»: история одной командировки в СССР // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 55–66.

REFERENCES

Aleksandrov 1998 — Aleksandrov, Vladimir. “Teodor Draizer v Sovetskom Soiuzе (Arkhivnye akhodka)” [“Theodore Dreiser in the Soviet Union: Archival materials”]. *Voprosy literatury*, no. 5 (1998): 365–373. (In Russ.)

Dreiser 1996 — Dreiser, Theodore. *Dreiser's Russian Diary*. Edited by Thomas P. Riggio, James L. W. West III. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1996.

Dreiser 2019 — Dreiser, Theodore. *Russkii dnevnik. Puteshestvie klassika amerikanskoi literatury po SSSR* [*Russian Diary: The American Classic's Travel in the USSR*]. Moscow: EKSMO Publ., 2019. (In Russ.)

Dreiser 1988 — Dreiser, Theodore. *Zhizn', iskusstvo i Amerika. Stat'i, interv'iu, pis'ma* [*Life, Art and America: Articles, Interviews, and Letters*]. Moscow: Raduga Publ., 1988. (In Russ.)

David-Fox 2006 — David-Fox, Michael. “Troinaia dvusmyslennost'. Teodor Draizer v Sovetskoii Rossii (1927–1928): palomnichestvo, pokhozhee na obvinitel'nuu rech'” [“Triple Ambiguity: Theodore Dreiser in Soviet Russia, 1927–1928: pilgrimage similar to a prosecutor's charge”]. In *Kul'tural'nye issledovaniia* [*Culture Studies*], edited by A. Etkind, P. Lysakov, 290–319. St. Petersburg; Moscow: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., Letnii sad Publ., 2006. (In Russ.)

David-Fox 2015 — David-Fox, Michael. *Vitriny velikogo eksperimenta. Kul'turnaia diplomatiia Sovetskogo Soiuzа i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody* [*Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. (In Russ.)

Kennell 1969 — Kennell, Ruth E. *Theodore Dreiser and the Soviet Union, 1927–1945: A First-Hand Chronicle*. New York: International Publishers, 1969.

Khoruzhii 1994 — Khoruzhii, Sergei S. “‘Uliiss’ v russkom zerkale” [“Ulysses in the Russian Mirror”]. In *Sobranie sochinenii: v 3 t.* [*Collected Works, in 3 vols.*], by James Joyce. Vol. 3, 363–605. Moscow: ZnaK Publ., 1994. (In Russ.)

Kozko, Krivosheeva 1979 — Kozko, Nina, and Evgenia Krivosheeva. *Zagadka Ernity* [*Enigmatic Ernita*]. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1979. (In Russ.)

Kuzina 2020 — Kuzina, Daria D. “Novaia Rossiia” i starye obidy: o literaturnom skandale vokrug sovetских travelogov T. Draizera i D. Tompson [“*The New Russia* and the Old Offenses: The Scandal around T. Dreiser’s and D. Thompson’s Soviet Travelogues”]. *Studia Litterarum* 5, no. 4 (2020): 146–165. (In Russ.)

Malikova 2014 — Malikova, Mariia E. “Vremia”: istoriia leningradskogo kooperativnogo izdatel'stva (1922–1934)” [“Vremia”: History of a Leningrad Cooperative Publishing House, 1922–1934”]. In *Konets institutsii kul'tury dvadtsatykh godov v Leningrade. Po arkhivnym materialam: sbornik statei* [The End of Cultural Institutions in Leningrad, 1920s: Based on Archived Materials; A Collection of Essays], edited by Mariia E. Malikova, 129–331. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. (In Russ.)

Mickenberg 2017 — Mickenberg, Julia. *American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream*. Chicago: University of Chicago Press, 2017.

Nikoliukin 1989 — Nikoliukin, Aleksandr N. “Dreiser i segodnia smotrit na Rossiia (glavy iz knigi T. Draizera ‘Draizer smotrit na Rossiia’)” [“Dreiser Looks at Russia Today As Well: Selected Chapters from T. Dreiser’s *Dreiser Looks at Russia*”]. Translated by O. Kirichenko. *Voprosy literatury* [Literary Issues], no. 11 (1989): 173–209. (In Russ.)

Panov, Panova 2018 — Panov, Sergei I., and Olga Yu. Panova. “Amerikanskii pisatel na Oktjabr'skikh torzhestvakh 1927 g.” [“American Writers at the October Revolution Celebrations, 1927”]. *Novyi filologicheskii vestnik* [The New Philological Bulletin], no. 3 (46) (2018): 174–184. (In Russ.)

Panov, Panova 2015 — Panov, Sergei I., and Ol'ga Yu. Panova. “Posleslovie k predisloviu: materialy k istorii (ne)izdaniia Draizera v SSSR” [“An Afterword to a Foreword: Materials on (non)publication of T. Dreiser’s Book about the USSR”]. *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniia* [New Russian Humanitarian Studies] 10 (2015). <http://www.nrgumis.ru/articles/1957/>. (In Russ.)

Panov, Panova 2014 — Panov, Sergei I., and Olga Yu. Panova. “Theodore Dreiser v SSSR: Zametki k teme” [“Theodore Dreiser in the USSR: Draft for a Study”]. *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniia* [New Russian Humanitarian Studies] 9 (2014). <http://www.nrgumis.ru/articles/272/>. (In Russ.)

Panova 2017 — Panova, Olga Yu. “U revoliutsii zhenskoe litso: Dzhuliia Mikenberg ob amerikankakh v Sovetskoi Rossii” [“The Revolution Has a Woman's Face: Julia Mikenberg about American Women in Soviet Russia”]. *Literatura dvukh Amerik* [Literature of the Americas], no. 3 (2017): 491–499. (In Russ.)

Shcherbinina 2017 — Shcherbinina, Olga I. “Travelog Doroti Tompson ‘Novaia Rossiia’: istoriia odnoi komandirovki v SSSR” [“Dorothy Thompson’s Travelogue *New Russia*: An Assignment to The USSR”]. *Literatura dvukh Amerik* [Literature of the Americas], no. 3 (2017): 55–66. (In Russ.)

Zasurskii 1977 — Zasurskii Iasen N. *Draizer. Zhizn' i tvorchestvo*. [Theodore Dreiser. Life and Work.]. Moscow: MGU Publ., 1977. (In Russ.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕПИСКА ТЕОДОРА ДРАЙЗЕРА
И РУТ ЭППЕРСОН-КЕННЕЛ (1928–1929)¹

1. Р. Кеннел — Т. Драйзеру

January 17, 1928

Moscow

Dear Mr. Dreiser:

I am enclosing the last of the notes — I shall miss doing them for they seemed to bring me nearer to you. I do so hope that you arrived home safely and with some kindness left in your heart for ‘us’.

I am also enclosing a letter from Serge which he asked me to write to you. I went out to see him this afternoon. The poor boy is ill in bed with influenza which is prevalent here now. I cannot send you now the signed agreement because Serge must get it from Gossizdat.

I received a passionate letter from Gaik and a clipping of your statement to the Tiflisians. It sounds very charming in the Russian; I think it is the best interview you gave all along the road. Serge took it so I cannot send it to you now.

I have several of your matters still to attend to: I want to take your plays to the Kamerni, take your article for the Russian press to Wood and write a letter to that translator who wrote you such a pathetic letter to Odessa. I shall forge your name quite shamelessly so that she will be satisfied. By the way, Stalin’s first name is Joseph, I shall send you his interview

¹ Письма Р. Кеннел публикуются по источнику: ОР ИМЛИ РАН. Ф. 384. Оп. 2. Ед. хр. 14–15. Перевод писем Т. Драйзера к Р. Кеннел выполнен по изданию: [LW: 200–204, 214–216].

В примечаниях приняты следующие сокращения (ссылки на них даны в квадратных скобках):

ДСР — *Драйзер Т.* Драйзер смотрит на Россию / пер. с англ. О. Кириченко // Собрание соч.: в 12 т. М.: Терра-Книжный клуб, 1998. Т. 12. С. 9–234.

РД — *Драйзер Т.* Русский дневник. Путешествие классика американской литературы по СССР / пер. с англ. Е. Кручиной. М.: ЭКСМО, 2018. 320 с.

LW — Theodore Dreiser, *Letters to Women: New Letters*, vol. 2 (Urbana: University of Illinois Press, 2009).

NR — Dorothy Thompson, *The New Russia* (New York: Henry Holt, 1928).

RD — Dreiser’s Russian Diary, edited by Thomas P. Riggio, James L. W. West III (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1996).

TD&SU — Ruth Kennell Epperson, *Theodore Dreiser and the Soviet Union, 1927–1945: A First-Hand Chronicle* (New York: International Publishers, 1969).

with the trade union delegation. If there is anything you want me to look up or attend to, please write me.

Perhaps you will be interested to hear that I'm fired! My chief thinks he is getting even with me (he says I left without his permission), and yet after receiving the terrible blow, I feel quite relieved and happy. It was the only thing that could ever have made me leave Russia — now I think I shall be able to clear out in a few weeks. A fitting climax to my Russian career!

Oh, delicious gossip: Madame K. is out of her job; if the same thing happens to T., then we can feel properly avenged.

Serge let me have "The Book About Myself" today and I have already devoured about half of it. I am glad I met you knowing nothing of the man, so that I could form my own opinion. Now I can read your autobiography with real understanding. I feel as though I know you better than any other human being, including myself.

Beautiful, clear, frosty weather; you would feel better here. As always,

Your faithful, Ruth.

Перевод:

17 января 1928 г.
Москва

Дорогой мистер Драйзер!

Отправляю вместе с письмом последние записи — мне будет не хватать работы над ними, потому что мне казалось, что они приближают меня к Вам. Я надеюсь, что Вы благополучно добрались домой, и в Вашем сердце осталось теплое воспоминание о «нас».

Также отправляю письмо от Сергея, которое он попросил меня написать Вам. Я навестила его сегодня днем. Бедняга лежит в постели с гриппом, который сейчас здесь бушует. Не могу пока прислать Вам подписанный договор, потому что Сергей сначала должен забрать его в Госиздате.

Я получила прочувствованное письмо от Гаика¹ и газетную вырезку с Вашим обращением к жителям Тифлиса. По-русски оно звучит чудесно; я думаю, это лучшее Ваше интервью за все время поездки. Газету взял Сергей, так что пока я его Вам послать не могу.

Мне еще предстоит выполнить несколько Ваших поручений: собираюсь отнести Ваши пьесы в Камерный театр², Вашу статью для русской прессы Вуду³ и написать письмо той переводчице, которая прислала Вам в Одессу такое трогательное письмо⁴. Я бессовестно

подделаю Вашу подпись, чтобы она была довольна. Кстати, Сталина зовут Иосиф, и я пришлю Вам его интервью профсоюзной делегации⁵. Если Вы хотите, чтобы я выполнила еще какие-то ваши поручения, пожалуйста, напишите мне об этом.

Может быть, Вам будет интересно узнать, что меня уволили! Мой босс считает, что он поступил справедливо (он утверждает, что я бросила работу без его разрешения), и тем не менее после такого удара я чувствую себя счастливой и свободной. Это единственное, что могло заставить меня уехать из России — и я думаю, что отправлюсь восвояси через несколько недель. Достойный финал моей русской карьеры!⁶

О, а вот и изумительная сплетня: мадам К. выгнали с работы, если то же самое случится с Т., мы будем полностью отомщены!⁷

Сергей сегодня дал мне «Книгу о самом себе»⁸, и я уже проглотила ее почти наполовину. Я рада, что мы с Вами встретились, когда я еще ничего не знала о Вас, и смогла составить собственное мнение. Теперь, читая Вашу автобиографию, я по-настоящему понимаю ее. У меня такое чувство, будто я знаю Вас лучше, чем кого бы то ни было из людей, и даже лучше, чем саму себя.

Стоит прекрасная ясная морозная погода. Вы бы сейчас хорошо чувствовали себя здесь. Неизменно Ваша Рут.

С. Динамов — Т. Драйзеру⁹

January 17th, 1928

Broshevsky 18, Moscow

Dear Mr. Dreiser:

I am sorry that I could not write to you while you were in Russia, but I was ashamed of my bad English — my secretary left me for a more distinguished employer.

Gossizdat will send you \$1000 in a few days. I shall send you a signed copy of the agreement as soon as I am well again. I have sent you the plates which you bought in Moscow. It was very difficult getting them off; the whole business consumed five days, because as works of art we had to obtain the permission of the General Scientific Committee to send them out of the country.

I received a book about you by Burton Rascoe. In regard to your sending me your books as you so kindly offered to do, I wish to list here those I already have:

*The Genius
Book About Myself
American Tragedy
Chains.*

I hope I shall hear from you about your impressions of Soviet Russia and about how you feel after your hard trip. Affectionately yours, S.S. Dinamov.

Перевод:

17 января 1928 г.
Москва, Брошевский пер., 18

Дорогой мистер Драйзер!

Мне жаль, что я не мог написать Вам, пока Вы были в России, но мне было стыдно за мой плохой английский: моя секретарша ушла от меня к более солидному начальнику.

В ближайшие дни Госиздат вышлет Вам тысячу долларов. Как только я поправлюсь, отошлю Вам подписанный экземпляр договора¹. Отправил Вам тарелки, которые Вы купили в Москве. Это было нелегко и заняло целых пять дней: для их вывоза за границу, поскольку они считаются предметами искусства, требовалось разрешение Главнауки¹¹.

Я получил книгу о Вас Бертона Раскоу¹². Поскольку Вы любезно предложили прислать мне Ваши книги, я составил список тех, которые у меня уже есть: «Гений», «Книга о самом себе», «Американская трагедия», «Цепи».

Надеюсь узнать о Ваших впечатлениях от Советской России и о том, как Вы себя чувствуете после утомительного путешествия. Сердечно Ваш С.С. Динамов.

¹ С «молодым армянином из Тифлисского финотдела» Гаиком Эльчибековым («Гайкой») Драйзер и Кеннел познакомились, когда ехали на поезде из Кисловодска в Баку [РД: 371; TD&SU: 165]. Когда американцы прибыли из Баку в Тифлис (где и встретили новый 1928 г.), Гаик разыскал их в гостинице. Рут Кеннел подробно описывает, как Гаик постоянно сопровождал их в экскурсиях по городу, излагает рассказы Гаика, его разговоры и споры с Драйзером; в «Русском дневнике» о встрече с Гаиком в Тифлисе говорится кратко и без особой симпатии [TD&SU: 165, 175–180; РД: 387–388].

² Находясь в СССР, Драйзер с интересом знакомился с советским театром. Он посетил МХАТ, беседовал с К.С. Станиславским, отдал ему свою инсценировку «Американской трагедии», однако его надежды, что спектакль по его знаменитому роману будет поставлен Станиславским, не оправдалась, так как режиссера

предупредили, что пьеса не пройдет цензуру. Рассерженный Драйзер вышел, не попрощавшись, и не стал предлагать Станиславскому свою пьесу «Рука гончара» (*The Hand of the Potter*, 1918), которую тоже хотел видеть на сцене МХАТа [РД: 294–295; TD&SU: 43–44]. А.Я. Таирова и Камерный театр Драйзер посетил 18 ноября 1927 г. [РД: 180]. Р. Кеннел пишет, что американский режиссер Герберт Дж. Биберман, находившийся тогда в Москве, «посоветовал Драйзеру посмотреть пьесу в Еврейском Камерном театре»; Драйзер хотел посетить спектакль «137 детских домов» по мотивам гоголевского «Ревизора», но Биберман советовал спектакль «200 тысяч» по Шолому-Алейхему [TD&SU: 48–49]. Государственный еврейский камерный театр (ГОСЕКТ или ГЕКТ, осн. 1920) под руководством А.М. Грановского в 1925 г. был переименован в ГОСЕТ — из его названия исчезло слово «Камерный». Однако по старой памяти его продолжали называть «Еврейским камерным театром». В письме Р. Кеннел речь идет о Камерном театре Таирова (как явствует из следующего ее письма от 8 февраля 1928 г.); однако, вполне возможно, что Кеннел имеет в виду оба «Камерных» — в том числе и ГОСЕТ, куда Драйзер вполне мог попытаться предложить свою пьесу «Рука гончара», действие которой происходит в еврейском гетто.

³ Джуниус Б. Вуд (Junius Boyd Wood, 1877–1957) — журналист, зарубежный корреспондент *Chicago Daily News* (1907–1934), в 1925–1928 гг. командированный в СССР. В 1928–1930 гг. Кеннел и Вуда связывали деловые и любовные отношения, как явствует из их переписки (Ruth Epperson Kennell papers, box 7, folder 11, University of Oregon Libraries). Под «статьей для русской прессы» имеется в виду «прощальное письмо» Т. Драйзера, продиктованное им Рут Кеннел 13 января 1928 г. в Одессе накануне его отъезда из СССР. В нем Драйзер суммировал свои впечатления от поездки и размышления об увиденном: «Вечером мы поужинали в гостинице Bolshaya Moskovskaya, пришли к себе в холодный номер, и пока он прогревался, я продиктовал статью для российской прессы о моих общих впечатлениях от России» [РД: 410]. Текст письма см.: [RD: 287–292; TD&SU: 311–315], в русском переводе: [РД: 420–430].

⁴ Вера Александровна Барбашева (1875–1943) — писательница и переводчик с английского и французского. В первом собрании сочинений Т. Драйзера (1928–1933) ею переведены сборник рассказов «Цепи», роман «Дженни Герхардт», книга очерков «Галерея женщин» (совместно с В. Станевич; очерк «Эрнита», прототипом заглавной героини которого стала Рут Кеннел, перевела В. Барбашева).

⁵ Сталин И.В. Беседа с первой американской рабочей делегацией 9 сентября 1927 г. // Правда. 1927. 15 сентября.

⁶ В личном деле Рут Кеннел, хранящемся в РГАСПИ (Ф. 495. Оп. 261. Ед. хр. 5528), имеется запись от 18 января 1928 г. за подписью зав. Бюро личного состава ИККИ Шматко: «Отчислить т. Кеннел как самовольно отлучившуюся с 5/XI по сей день. Поставить о сем в известность т. Шубина и библиотеку и местком. Отберите документы». Кеннел работала с Драйзером, сопровождая его в поездке по СССР с 5 ноября 1927 г. до его отъезда из Советского Союза 13 января 1928 г. Проводив Драйзера на поезд в Одессе, Кеннел сразу вернулась в Москву. Борис Шубин — на тот момент руководитель Информационного отдела ИККИ (упраздненного в 1929 г.), в ведении которого находилась и Библиотека Коминтерна, где с 1925 г. работала Рут Кеннел.

⁷ Речь идет о председателе ВОКС (1925–1929) Ольге Давидовне Каменевой (1883–1941) и референте ВОКС по англо-американским странам Сергее Петровиче Тривасе. Отношения с ними у Т. Драйзера и Р. Кеннел не сложились. Драйзер, прибывший в СССР 4 ноября 1927 г., был рассержен тем, что его приезд полностью

проигнорировали, и все первые дни пребывания в Москве он был предоставлен сам себе. Недоразумение объяснялось тем, что формально Драйзер считался гостем по линии МОПР, а не ВОКС или Коминтерна. После скандала на приеме делегатов Конгресса друзей в Моссовете 15 ноября 1927 г. О.Д. Каменева извинилась перед Драйзером, и ситуация была исправлена (см.: [РД: 155–157]). С.П. Триваса, который сопровождал американского гостя в его поездке в Ленинград (26 ноября — 2 декабря 1927 г.), Драйзер невзлюбил: «А теперь о Тривасе, моем основном гиде. Какой же это ловкий приспособленец-еврей! Я уверен, что в глубине души он не больший коммунист, чем я, но все время о коммунизме говорит. Вдобавок он, по-моему, делает какие-то деньги на стороне. Утверждает, что получает всего 225 рублей в месяц, но, если только мои догадки не ошибочны, имеет навар со счетов, которые собирает и столь бережно хранит. Но если заговорить с ним — о, что творят казнокрады и частные концессионеры, эти змеи, которые прокрались в самое сердце великой Советской системы. Расстреливать их надо. Но что он сам мелкий жулик... об этом я не только догадываюсь, а имею веские основания так предполагать» [РД: 250–251]. Неприязнь Драйзера усиливалась тем, что он подозревал Триваса в ухаживаниях за Рут Кеннел [РД: 278]. Каменева и Тривас возражали против того, чтобы вместе с гидами-переводчиками ВОКС при Драйзере оставалась Рут Кеннел: «Директор ВОКС мадам Каменева, сестра Льва Троцкого, сразу выразила недовольство тем, что Драйзер нанял секретаря, не посоветовавшись с ними. Понятное дело, она возражала против частным образом нанятого секретаря, который не подчинялся ВОКС и, с ее точки зрения, был недостаточно квалифицирован. Близоручо прищурившись, она взглянула на меня и сказала по-русски: “Она не совсем советская женщина”. “Что она там говорит на этом тарабарском языке?” — потребовал объяснений Драйзер. Я еще не успела открыть рот, как Тривас, любимчик Каменевой, услужливо перевел это на английский. “Что вы имеете в виду под ‘советской женщиной’?” “То, что она ненадежная”, — вкрадчиво пояснил Тривас. Мадам Каменева, которая, когда хотела, могла отлично говорить по-английски, стала торопливо объяснять: “Я имела в виду, что она беспартийный технический сотрудник...” “Великолепно, — прервал ее Драйзер. — Это лучшая рекомендация”» [TD&SU: 32]. В своей книге «Теодор Драйзер и Советский Союз» Рут Кеннел неоднократно припоминает Каменевой этот эпизод. Описывая их отъезд в Ленинград Кеннел замечает: «Нас сопровождал наглый, самодовольный, безвкусно одетый Тривас, переводчик от ВОКС. Я не доверяла ему, подозревая, что его послали приглядывать за мной, так как я “не совсем советская женщина”. И он давал мне основания его подозревать. Когда мы выходили из Гранд-отеля на мраморной лестнице, Тривас взял меня за руку и доверительным тоном сказал: “Надеюсь, мы будем путешествовать вместе несколько недель. Мы должны руководить стариканом, но это так, между нами”» [TD&SU: 88].

⁸ Эта автобиографическая книга Драйзера была в сокращении напечатана в журнале «Интернациональная литература», когда главредом там был Динамов: *Драйзер Т. Книга о себе самом* / пер. Г. Прокуниной // Интернациональная литература. 1935. № 7–12. Отдельным изданием книга в СССР / России не выходила.

⁹ Приложено к письму Р. Кеннел от 17 января 1928 г. Кеннел выполнила перевод письма на английский.

¹⁰ Во время пребывания в СССР Драйзер вместе с Рут Кеннел и при участии С. Динамова провел переговоры в Госиздате с заведомом художественной литературы О.М. Бескиным, в ходе которых была достигнута договоренность,

что Драйзер получает тысячу долларов за все его произведения, ранее изданные в СССР без его ведома и разрешения, предоставляет эксклюзивные издательские права Госиздату и будет высылать рукописи для публикации не ранее, чем через месяц после выхода американского или английского издания, а Госиздат будет платить ему от 600 до 1000 долларов за каждую книгу. Было решено, что за «Галерею женщин», над которой Драйзер начал работу, он получит 1000 долларов. См. подробнее: [РД: 169; TD&SU: 58–60], *Панов С.И., Панова О.Ю.* Послесловие к предисловию: материалы к истории (не)издания Т. Драйзера в СССР // Новые российские гуманитарные исследования. 2015. Т. 10. <http://www.nrgumis.ru/articles/1957/>

¹¹ До 1930 г. разрешения на вывоз из СССР художественных ценностей выдавала Комиссия по контролю за вывозом за границу предметов искусства и старины при Главнауке Наркомпроса.

¹² Артур Бертон Раскоу (Arthur Burton Rascoe, 1892–1957) — американский журналист и литературный критик, редактор *New York Herald Tribune*, автор книги «Теодор Драйзер» (*Theodore Dreiser*. New York: R.M. McBride & Co, 1925).

2. Р. Кеннел — Т. Драйзеру

February 8, 1928

Hotel Lux Room 336, Moscow

Dear Mr. Dreiser:

I received your letter from Paris some time ago. Yes, you were glad to get out of here, I can see, and I can't blame you. I hope you feel better. Serge showed me your letter from the Riviera and another from London — any news of you are precious, even second hand.

The day after I left my old work, I went to see Wood, as you advised me to do, and gave him a copy of your article. At the same time I talked a little bit (as guardedly as it is possible for me to talk) about your trip. He took notes, but I noticed that he was most interested in the mishaps. When I got home I worried all night about what I had said, and early next morning called him up — but it was too late, the sly fox had already sent the article with comments. He let me read a copy, and I must say he did garble the incident of the visa. But he is no worse than all newspapermen, a nice fellow. By the way, he asked me to come and work for him, as his secretary is ill, and I have been with him ever since. Now that I accepted the job, I have to stick it out until his secretary comes back, so my departure is delayed still longer. But it is just one more valuable experience. Of course they didn't publish your "farewell message" here, (Not favorable enough — so stupid of them!) but it will appear in the American press.

Many people have asked me about your impressions, but I have tried to be non-committal and let you give out what you like. The general

impression seems to be that you were terribly dissatisfied and that you will write unfavourably when you get back. This idea I tried to dispel. Among those who speak very nicely of you is Miyakovsky and Lilichka and the Tretyakovs. Lilichka stoutly maintains, to the astonishment of the VOXS and “émigré” groups, that you are a most charming, affable and spiritual person, exceedingly witty and jolly. I was at Tretyakovs to dinner this evening, and they both also talked about the pleasant time we had at Miyakovsky’s, and how much they liked you. Tretyakov’s new play “I Want a Child” (perhaps I told you the plot of it?) is now being produced. I had a big argument with him about utilitarian art, which is the religion of the “Left” group. “Left” goes hand in hand with industrialization in Russia: down with the old and on with the new! Constructivism in art against aestheticism. All very well, I also am a disciple of industrialization. But when he extended it to tearing down all the old churches in Moscow, even the Kremlin, which he maintains only take up space needed to widen streets and for new useful buildings, I made a row. I told him they should go and build their city in a new place if there wasn’t room here, since there is plenty of land in Russia, that these things have a great historical as well as artistic value and must be preserved. He said he would build a cardboard city for the tourists (especially Americans) and put in it all the old things, and he advised me to go skeeing oftener and not go mooning about dirty old ruins. I said that perhaps in a hundred years or so they wouldn’t like his new city Moscow either and it would be torn down. He wants to come to America, loves American efficiency and utilitarianism. Tretyakov is charming and clever, even if a fanatic, and I think such an extreme movement away from the past and toward mechanization is very wholesome here. Of course, they won’t tear down the Kremlin — Lunacharsky won’t let them.

Glorious cold weather we have been having, crisp and sunny, very good for your chest it would be. The papers are talking a lot about the spring building program and a foreign company has been given permission to come in and build houses this year, I do hope housing conditions will somewhat improve. Serge’s new flat is to be on the fifth floor, and I tell him I’m afraid they will never get that far inside the building. I am really in luck temporarily. W[ood] is out of town for a couple of weeks and I am staying in his princely apartment in the Bolshaya Moskovskaya. But how can I go back to the L[ux] after this! I have not seen Reswick, but hear of him often and sent him your greetings through W[ood].

Now my work, among other things, is to read about eight Russian papers every day and look over about eight more American. And while I

get fed up with the conferences, and various campaigns, and economic and political reports, etc. in the Russian press, the American newspapers give me a sick feeling: murders, electrocutions, divorces, robberies, kidnappings. I am beginning to be afraid again — I need your reassurances. How do you find it after Russia? Please tell me. I shall be here another month at least.

I gave your play *American Tragedy* to Tairov, of the Kamerni, and he will let me know in a week. I made a copy of the letter of instructions you wrote to the National Theater which I will send you if Tairov keeps the play.

Oh, I almost forgot — I was upset when Serge brought me your letter to the dear old lady translator. My God! What had I done? I already wrote and sent her with your signature a nice little note. I was so sure that you should never write, and you told me to do it. Well, I read your letter, and I must say it was an improvement on mine and I would not have deprived that poor woman of the pleasure of it for the world. (She was very much pleased with mine, nevertheless.) So I told Serge to call her up and carefully explain that you had dictated the first letter to me when you were very ill, had felt dissatisfied with it, and therefore when you felt normal again had sent another. He told her and she answered: “Oh, how wonderful. What a happy day. I feel like a young girl again”.

T[rivas] asked W[ood] if I were working for him. T[rivas] said: “She is a very good interpreter, but, you know, she’s an American, and she can’t get our Soviet point of view...”

I am so anxious to hear from you from New York. Let me know if there is any material you want me to get, or anything you want me to attend to. Affectionately, Ruth

Перевод:

8 февраля 1928 г.

Москва, гостиница «Люкс», номер 336

Дорогой мистер Драйзер!

Недавно получила Ваше письмо из Парижа. Ясно, что Вы были рады выбраться отсюда, и я не могу винить Вас за это. Надеюсь, Вы чувствуете себя лучше. Сергей показал мне Ваше письмо из Французской Ривьеры, и другое — из Лондона¹. Любые сведения о Вас драгоценны, даже если получены через третьи руки.

На следующий день после того, как я ушла с моей прежней работы, я по Вашему совету отправилась на встречу с Вудом, дала ему

экземпляр Вашей статьи и немного рассказала (со всей осторожностью, на которую только я способна) о Вашей поездке. Он записывал за мной, но я заметила, что особенно его интересуют всякие неприятные ситуации. Вернувшись домой, я весь вечер переживала из-за того, что наговорила, и наутро позвонила ему — но было поздно, прожженный лис уже успел отправить статью со своими комментариями. Он дал мне ее прочитать, и должна сказать, он искажил историю с визой². Но в конце концов он славный малый, просто такой же, как все газетчики. Кстати, он предложил мне работать с ним, поскольку его секретарь заболела, и я все это время замещала ее. Я приняла это предложение, и буду работать, пока не выйдет его секретарь, так что мой отъезд опять откладывается. Но это будет еще один полезный опыт. Конечно же, они здесь не стали печатать Ваше «прощальное послание» (отзыв, видите ли, недостаточно благоприятный — как это глупо с их стороны!), но оно появится в американской печати³.

Многие спрашивали меня о Ваших впечатлениях, но я старалась быть сдержанной и позволить Вам высказываться так, как Вы этого хотели. Общее впечатление сводилось к тому, что Вы были страшно разочарованы и по возвращении будете писать о России недоброжелательно. Я постаралась опровергнуть это мнение. Среди тех, кто очень хорошо отзывается о Вас — Маяковский, Лилечка и Третьяковы. Лилечка упорно твердит, к удивлению ВОКСа и наших «эмигрантов»⁴, что Вы самый очаровательный, обходительный и духовный человек, необыкновенно веселый и остроумный. Сегодня вечером я была в гостях у Третьяковых, и они оба вспоминали, как прекрасно мы провели время у Маяковского, и говорили, как Вы им понравились. Сейчас ставят новую пьесу Третьякова «Хочу ребенка» (наверное, я пересказывала Вам ее сюжет?)⁵. У нас с Третьяковым вышел большой спор по поводу принципа утилитарности искусства, этого кредо группы ЛЕФ. ЛЕФ идет в ногу с индустриализацией России, их лозунг — долой старое, да здравствует новое! Конструктивизм — это искусство, направленное против эстетизма. Это все замечательно, я и сама сторонник индустриализации. Но Третьяков заявил, что во имя индустриализации в Москве, даже в Кремле, надо снести все старинные церкви, которые только занимают место и мешают расширять улицы и строить новые современные здания. Тут я не выдержала и ринулась в бой. Я сказала ему, что в России полным-полно земли, и пусть они идут и строят свой новый город на новом месте, если здесь мало пространства, а старые церкви, как и все,

что имеет огромную историческую и художественную ценность, необходимо сохранить. Он ответил, что построит игрушечный город для туристов, где будет собрано всякое старье, а мне посоветовал больше ходить на лыжах и перестать ныть по поводу старых грязных развалин. Тогда я сказала, что, может быть, уже через сто лет кому-то не понравится их новая Москва, и ее тоже снесут. Он хочет поехать в Америку и восхищается американской эффективностью и утилитаризмом. Третьяков обаятельный и умный человек, хоть и фанатик, и мне кажется, что здесь такое радикальное отвержение прошлого и стремление к механизации — это повсеместное явление. Но они, конечно же, не снесут Кремль — Луначарский им не позволит.

Стоит прекрасная морозная солнечная погода, она была бы очень хороша при Вашем бронхите. В газетах много пишут о весенней строительной программе, об иностранной компании, которой дали разрешение в этом году строить здесь дома. Надеюсь, это послужит улучшению жилищных условий. Новая квартира Сергея будет на пятом этаже, и я сказала ему, что у них вряд ли получится туда забраться. Мне пока везет. Вуда не будет в городе ближайшие две недели, и я проживаю в его королевских апартаментах на Большой Московской. Как после этого возвращаться обратно в «Люкс»⁶, я не представляю! Я еще не видела Резвика⁷, но часто слышу о нем и передавала ему привет от Вас через Вуда.

Сейчас моя работа, в числе прочего, состоит в том, чтобы ежедневно прочитывать восемь русских газет, а также просматривать восемь газет американских. Так что сначала я бываю сыта по горло тем, чем заполнена русская пресса, — конференциями, разными кампаниями, экономическими и политическими репортажами и т.д., а потом меня начинает тошнить от американских газет: убийства, казни на электрическом стуле, разводы, ограбления, похищение людей. Меня снова охватывает страх, и мне нужна Ваша поддержка. Как Вам дома после России? Пожалуйста, расскажите мне. Я буду здесь по крайней мере еще месяц.

Я отдала Вашу пьесу «Американская трагедия» Таирову в Камерный театр⁸, и он обещал ответить мне через неделю. Я сделала копию Вашего письма с указаниями, написанного для National Theater⁹, и пришлю его Вам, если Таиров возьмет пьесу.

О, чуть не забыла: я так расстроилась, когда Сергей принес мне Ваше письмо к милой старой леди, переводчице. Боже мой! Что я наделала? Я уже написала ей короткое любезное письмо за Вашей

подписью. Я была совершенно уверена, что Вы так и не соберетесь ей написать, да и Вы мне разрешили это сделать. Что же, я прочла Ваше письмо, и, надо сказать, оно лучше, чем мое, так что я, конечно же, ни за что на свете не лишила бы бедную женщину такой радости (хотя она, на самом деле, была очень рада и написанному мной). В общем, я попросила Сергея позвонить ей и деликатно объяснить, что первое письмо Вы мне продиктовали, когда были очень больны, но оно Вам не понравилось и, поправившись, Вы отправили ей новое. Сергей так и сказал ей, и она ответила: «Ах, как чудесно! Какой счастливый день! Я словно помолодела и опять стала юной девушкой!»

Т[ривас] спросил В[уда], правда ли, что я работаю у него, и сказал: «Она отличный переводчик, но, видите ли, она американка, и не может понять нашу советскую точку зрения...»

С нетерпением жду Вашего письма из Нью-Йорка. Пожалуйста, сообщите, если Вам нужно достать здесь какие-нибудь материалы, или если нужно что-то еще сделать для Вас. С любовью, Рут.

¹ Возвращаясь в США из СССР, Драйзер проезжал через несколько европейских стран, в том числе через Францию и Британию, откуда и отплыл в Нью-Йорк.

² Драйзер вначале планировал отправиться из Одессы морем в Константинополь, где должен был встретиться с ожидавшей его там Элен Ричардсон. Однако выяснилось, что рейса придется ждать не меньше десяти дней, и Драйзер решил отменить заезд в Константинополь, отправившись на поезде из Одессы через Польшу в Париж. В течение трех дней (10–12 января 1928 г.) Драйзеру и его сопровождающим пришлось преодолеть разные сложности и задержки, чтобы получить выездную визу из СССР и польскую визу. На этой почве произошел очередной конфликт Драйзера с гидом ВОКС Софией Давидовской: Драйзер считал, что ВОКС ничего не сделало, чтобы помочь ему быстро и бесплатно решить вопрос с разрешением на выезд из СССР [РД: 401–405, 410]. Вуд допустил неточность в своей преамбуле к публикации драйзеровского «прощального письма» в *Chicago Daily News*, написав, что визит в Константинополь не состоялся из-за проволочек с выездной визой (см.: [РД: 422]).

³ «Прощальное письмо» Драйзера с предисловием Дж. Б. Вуда было оперативно напечатано в газете, где работал Вуд (“Theodore Dreiser Finds Both Hope and Failure in Russian Soviet Drama,” *Chicago Daily News*, February 6, 1928, 1–2). Русский перевод этой публикации вместе с предисловием Дж. Вуда см.: [РД: 422–430].

⁴ Имеются в виду американские экспатрианты, жившие и работавшие в Москве.

⁵ Пьеса Третьякова, написанная в 1926 г. и посвященная новой морали в области пола и брака в условиях «нового быта», вызвала много споров и критики за радикальность и физиологичность, подвергалась цензурным изменениям. За право на ее постановку соперничали Игорь Терентьев и Всеволод Мейерхольд. В итоге Главрепертком принял решение ставить пьесу в ГОСТИМе (режиссер — Вс. Мейерхольд, художник сцены — Эль Лисицкий), однако работа над спектаклем пришлось на момент, когда театр оказался на грани закрытия из-за подозрения,

что Мейерхольд, выехавший на лечение во Францию, не вернется в СССР. Главискусство при Совнаркоме учредило ликвидационную комиссию, однако возвращение Мейерхольда сняло вопрос о расформировании театра. Из-за всех этих пертурбаций пьеса Третьякова так и не была поставлена.

⁶ «Люкс» (ул. Тверская, 36) — гостиница Коминтерна.

⁷ Уильям Резвик (William Reswick) — московский корреспондент Associated Press (1922–1934), который подал Драйзеру идею организовать гастроли русского балета в США.

⁸ Как явствует из письма Р. Кеннел, Драйзер не оставлял попыток добиться постановки этой своей пьесы на советской сцене даже после неудачи с МХАТ и К.С. Станиславским.

⁹ Имеется в виду National Theatre (осн. 1835) в Вашингтоне, округ Колумбия.

3. Т. Драйзер — Р. Кеннел

24 февраля 1928 г.

Дорогая Рут!

Очень рад был получить сегодня твое письмо. Я не ожидал, что оно будет таким интересным и придет так быстро. Да, я вернулся¹ — и уже кинулся в бой, как явствует из этих газетных вырезок. Есть еще много другого в вечерних газетах. Возвращение к нормальным условиям жизни, которые даже лучше, чем в Европе, располагает к неторопливым раздумьям. Я понимаю, что не должен путать испытанные мной неудобства и свою импульсивную реакцию на этот новый мир с подходом к делу у русских. Главное — я решил, что не буду никоим образом пытаться всерьез повредить их идеалистическим устремлениям. К тому же я обнаружил, что у нас здесь стоят очереди за хлебом — впервые с 1910-го, и это привело меня в ярость: как можно терпеть такое, когда столько богатства тратится попусту! Итак, честно рассказывая, что мне понравилось, а что нет, я буду показывать контраст между тем, что я видел в России, и здешним расточительством, мотовством и безразличием к проблемам общества. При этом я могу попасть из огня да в полымя. Ну что ж, и отлично.

Я рад, что ты работаешь с Вудом. Он мне нравится. Он славный малый. И Резвик тоже. Передай им обоим, что они были для меня светом в окошке во время моего русского путешествия. А сейчас о личных делах. Если приедешь в Америку, задержись в Нью-Йорке и повидай меня. Если понадобятся деньги — телеграфируй. Что касается данных из России — пришли мне свои мысли обо всем этом в набросках, где будет выражена твоя точка зрения на: 1. новое большевистское искусство; 2. театральное дело — старое и новое;

3. женский вопрос (т.е. вопросы морали, брака-развода); 4. условия жизни крестьянства — как ты их видишь. И, наконец, те отличия, которые ты заметила между сибирскими и русскими крестьянами. Изложи эти мысли подробно в письме. Если у меня получится сделать из них очерки, я оплачу твой труд наличными. Знай, что я думаю о тебе и очень высоко тебя ценю. На самом деле, если бы не ты, кто знает, что бы со мной стало? Ты для меня очень близкий человек, и я всегда готов помогать тебе всем, чем только смогу. Ты это знаешь. Ты все еще немножечко меня любишь?

Кстати, моя дорогая, Отто Киллман, президент *Constable & Company* в Лондоне (его адрес 10 & 12 Orange Street, Leicester Sq. W.C.) очень хотел бы раздобыть хорошие книги о России. Это прекрасный человек, добрейший, мудрейший и обаятельнейший². Я обещал связать его с тобой (если ты все еще там), Динамовым и [нрзб]. Я хочу, чтобы ты и Динамов написали и помогли ему. Он влиятельный человек в Лондоне — его влияние сопоставимо с *London Times*, он руководит *19th Century* и *Hibbard Journal* и просто волшебник по части добывания европейского материала — это и книги, и авторы, и журналы, все, что душа пожелает. Если ты еще побудешь в России, напиши ему, сошлись на меня и налажь с ним контакт. Если Сергей поедет в Лондон, Киллман захочет и сможет, в ответ на мою просьбу, сделать его пребывание там чудесным. Засим, прощаюсь с тобой, моя дорогая. Будь плохой девочкой! Т.Д.

Почему бы не отправить Киллману книгу о новой любви в России, о которой ты мне рассказывала?

Оригинал письма см.: [LW: 200–201].

¹ Драйзер вернулся в Нью-Йорк после своего русского путешествия 21 февраля 1928 г.

² Драйзер познакомился с Отто Киллманом (Otto Kyllmann, ?–1958), директором (1909–1950) издательства *Constable & Co.* в Лондоне в 1926 г. С начала 1920-х он занимался изданием драйзеровских книг. Киллман был одним из немногих редакторов и издателей, которых Драйзер почтил дружбой и доверием. В архиве Драйзера в Библиотеке университета Пенсильвании хранится большая переписка Драйзера с О. Киллманом и издательством *Constable & Co.*, начиная с 1920-го и до смерти Драйзера (Theodore Dreiser papers, box 22, folders 1220–1224; box 223, folders 1225–1227, Penn Libraries, University of Pennsylvania).

4. Р. Кеннел — Т. Драйзеру

March 19, 1928

Moscow

Dear Mr. Dreiser:

I received your letter some days ago, along with the clippings. I was very happy to hear from you so soon after your arrival, and especially pleased with the clippings. I have written a resume of them for *Izvestia* and also for the *Magazine of Foreign Literature*. I knew that as your secretary I was quite important, but didn't expect to be equal to two secretaries, and then in the *Chicago Daily News*, three secretaries! If you are responsible for this report, I hope that distance lends enchantment as well as size to your view of your Russian secretary. Or perhaps you were leading a triple life...???

I have been thinking a lot about your requests for information. The subjects are somewhat staggering to me in their scope; I don't feel at all equal to writing my opinions on them but shall do the best I can. I am a little more scatter-brained than usual now because I am getting ready to go away, in fact the date is set for the 27th of March, and I expect to be in New York by the first of May. I shall go through Berlin to get a new passport, stop in London with O'C[allaghan] a few days and then get Jimmie, who will go home with me. Am buying my ticket through on the Cunard Line. I shall not be long in New York, but of course shall look you up at once. New York holds just one person, as far as I am concerned. After a few days in New York, I shall hurry to my dear family in Oklahoma, who have invited me to take an automobile trip to San Francisco. Mysister will also join us on the road in her car, so you see it will be an up-to-date family reunion.

I was glad to hear about Otto Kyllmann. I am writing him that I shall be in London and putting him in touch with the people here. I shall have a number of Russian books with me, which I can show him. The Tretyakovs as well as Ossip and Serge should be able to help him. Tretyakov and his wife asked me to tell you that they will be glad to send you any books or information you may want. I gave your publisher's address to Lilichka, who is sending you the book of the poet, Miyakovsky, which she promised you. Tretyakov's address is: Serge Tretyakov, Malaya Bronnaya, Spiridonsky Pereylok 13, Apt. 25.

On another page I shall now proceed to write my opinions on the subjects you indicated, and shall bring you some more material when I come.

Until we meet in the Homeland,
Affectionately, Ruth.

P.S. You can reach me in London at O'Callaghan's address: 21 Somerset Terrace, Duke's Road, London W.C.1.

Перевод:

19 марта 1928 г.
Москва

Дорогой мистер Драйзер!

Несколько дней назад я получила Ваше письмо вместе с газетными вырезками. Я была счастлива получить от Вас вести сразу после Вашего прибытия, и я особенно была рада вырезкам. Я сделала их резюме для «Известий» и для журнала «Вестник иностранной литературы»¹. Я знаю, что выполняла важную работу, когда была Вашим секретарем, но я совсем не думала, что буду выполнять секретарскую работу за двоих, а, считая *Chicago Daily News* — даже за троих! Если этот отчет о поездке действительно Ваш, значит, есть надежда, что расстояние добавляет очарования и масштаба личности Вашей русской секретарши. Или, быть может, Вы вели здесь тройную жизнь?..

Я как следует обдумала Вашу просьбу собрать информацию. Я не очень ясно представляю себе эти темы во всем объеме. Не думаю, что изложить мое мнение будет достаточно, но я, конечно, постараюсь сделать все, что смогу. Сейчас мне особенно трудно собраться с мыслями, поскольку я готовлюсь к отъезду, который намечен на 27 марта. Я рассчитываю быть в Нью-Йорке к первому мая. Я поеду через Берлин, где мне надо будет получить новый паспорт, побуду в Лондоне с О'К[аллаган]², заберу Джимми³ и отправлюсь с ним домой. Билет я покупаю в компании «Кунард Лайн». В Нью-Йорке надолго не задержусь, но конечно сразу же постараюсь с Вами повидаться. В Нью-Йорке меня интересует только один человек. После нескольких дней в Нью-Йорке я постараюсь как можно быстрее добраться до моих дорогих родных в Оклахоме, которые пригласили меня прокатиться на автомобиле в Сан-Франциско. По дороге к нам присоединится моя сестра, так что, как видите, это будет семейная встреча на современный лад.

Была рада узнать про Отто Киллмана. Я написала ему, что буду в Лондоне и помогу ему связаться с людьми здесь. Я повезу с собой русские книги, которые смогу ему показать. Третьяковы, Осип⁴ и Сергей смогут ему помочь. Третьяков и его жена просили меня передать, что они всегда будут рады послать Вам книги с нужными сведениями. Я дала адрес Вашего издателя Лилечке, которая

отправляет Вам обещанную книгу поэта Маяковского. А вот адрес Третьякова: Сергей Третьяков, Малая Бронная, Спиридоновский переулок 13, кв. 25.

На другой странице я напишу свое мнение по темам, которые Вы назвали, и когда приеду, привезу Вам еще кое-какой материал.

До встречи на родине! С любовью, Рут.

P.S. В Лондоне я буду по адресу О'Каллаган: 21 Somerset Terrace, Duke's Road, London W.C.1

¹ К моменту, когда было написано это письмо, вышли две статьи Драйзера о советской России: "Theodore Dreiser Finds Both Hope and Failure in Russian Soviet Drama," *Chicago Daily News*, February 6, 1928, 1–2 (рукопись отправлена из Одессы 3 января 1928 г.); "Stalin's Apartment in the Kremlin," *New York Times*, February 28, 1928, 24 (письмо в редакцию датировано 22 февраля 1928 г.).

² Мэй О'Каллаган (Julia Mary "May" O'Callaghan, 1881–1973) — ирландско-британская суфражистка, была в числе создателей компартии Британии (осн. 1919). Филолог по образованию (окончила Венский университет), некоторое время преподавала английскую и ирландскую литературу. С 1919 г. сотрудничала с видным деятелем компартии Британии и издателем левой периодики Сильвией Пэнкхерст, была редактором ее журнала *Workers' Dreadnought*. С 1924 по 1928 гг. работала в Москве в Отделе печати Коминтерна. В Москве О'Каллаган и Кеннел стали близкими подругами.

³ Джимми (р. 1923) — сын Рут Эпперсон-Кеннел и ее мужа Фрэнка Кеннела, названный так в честь «уоббли» Джеймса Прайса — рабочего активиста, посаженного в тюрьму. Во время пребывания Рут Кеннел в СССР Джимми находился на попечении родственников со стороны мужа Р. Кеннел.

⁴ Именем «Осип» (Ossip) в своих письмах Рут Кеннел называет Осипа Мартыновича Бескина (1892–1969). Литературный критик, редактор, в период пребывания Драйзера в Москве — зав. отделом художественной литературы и член правления Госиздата — именно он проводил переговоры с Драйзером в Москве об издании его сочинений (см. примечания к письму Кеннел от 17 января 1928 г.). Впоследствии работал в Институте литературы и искусства Комакадемии (1929–1931), в Изогизе (Главное издательство изобразительного искусства) и Наркомпросе, был главным редактором журналов по искусству («Искусство и творчество», «Искусство»). Осип Бескин был одним из мужчин, с которыми у Рут Кеннел был роман в России. Дж. Микенберг склонна считать, что под именем «Осип» скрывается Осип Брик: «Расставшись с Фрэнком (Кеннелом, мужем. — О. П.) в Сибири, Рут еще два года прожила в Москве, работая англоязычным библиотекарем в Коминтерне. У нее были романы с несколькими мужчинами, русскими и американцами, в том числе с выдающимся русским литературным критиком, которого она называет просто "Осип" (возможно, Осип Брик), и с корреспондентом *Chicago Daily News* Джуниусом Вудом» (Julia Mickenberg, *American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream* (Chicago: University of Chicago Press, 2017), 161). Однако то, как Рут Кеннел пишет о Бескине в письмах и книге «Теодор Драйзер и Советский Союз», позволяет с уверенностью утверждать, что ее возлюбленным был именно Бескин, а не Брик.

5. Р. Кеннел — Т. Драйзеру

March 20, 1928

Moscow

Dear T.D. I just received your second letter. Serge says that Gos-sizdat has already sent you the remainder of the thousand dollars — they claimed it was a mistake only. Dined with Ossip today, and he asked me to tell you that he is not responsible, for he left Gossizdat some weeks ago. He sends you his “Prevyet” (Greetings) and is collecting some interesting books and magazines for me to bring you.

Shall write further on the other subjects later. Awfully busy now.
Ruth

Перевод:

20 марта 1928 г.

Москва

Дорогой Т.Д., только что получила Ваше второе письмо. Сергей говорит, что Госиздат уже выслал Вам остаток тысячи долларов — а они заявили, что это была ошибка. Сегодня обедала с Осипом, и он просил меня объяснить, что он не виноват, потому что уже несколько недель как ушел из Госиздата. Он передает Вам привет и собирает для Вас кое-какие интересные книги и журналы, которые я Вам привезу.

Позже напишу подробней. Страшно занята сейчас. Рут.

6. Р. Кеннел — Т. Драйзеру

March 25, 1928

Moscow

Dear Mr. Dreiser:

Serge called me up yesterday evening and was distressed because his letters and telegram to you had been returned. He had forwarded some letters which came here for you. I think the trouble was that he omitted to write *Boni & Liveright* in the address, although he says he has always so addressed his letters to you. He received two books from you yesterday. I forgot to mention in my last letter that you wrote about receiving only one letter from me. I have written you two: the first was quite bulky: it contained a letter from Serge, notes on a trip from Odessa to Moscow consisting of several pages which would complete your files, and a letter from me. I am afraid you did not receive it. I shall bring you the copies of the notes.

I shall leave in a few days. It is very hard to go. I keep hoping for further delays. The weather is rarely beautiful — one mild sunny day after another, with melting snow and a touch of spring in the exhilarating air, nights starry and cold.

I went to see *Gorye Oomy* (Grief from Thought) at the Meierhold. It is a very old Russian play written in 1730 and one of the classics of the Art Theater. With his usual presumption, Meierhold has taken it and produced it in his latest style. Just as his *Revizor* (*General Inspector*) of Gogol caused a furor in theatrical and Party circles, so has this play. At one meeting he was so ridiculed and denounced by the indignant critics and Party leaders that he burst into tears. His wife, formerly the wife of the poet Yesenin (who committed suicide), for whom he especially made the leading role, as he did also in *Revizor*, also wept. I am sorry, but not ashamed to say, that I did not stay for the last act. It was so unbearably cold in the second row (you remember how I suffered the night we went with Serge, and that they refused to let me take my coat into the theater) that I couldn't endure it any longer. The first act was terrible, but the second had some original staging. All the sets were on wheels, and in the semi-darkness between each episode — of which there are 17 — platforms went rolling off into the barn-like open wings and new ones with the players all ready for action came rolling in. In striking contrast to the crude and shabby sets and particularly rich and colorful against the rough scaffolding, stairways and rude platforms are the costumes of the actors. Sophia, the charming young wife of the old man, played by Meierhold's wife, changes her dress every time she leaves the stage, and each costume is still more rich in texture and daring in color. Party leaders complain of this, saying that neither the wives of Soviet commissars (for instance, Lunacharsky), or of theatrical directors should dress so lavishly. Lunacharsky's wife made a scandal in diplomatic circles when she accompanied her husband to Geneva to attend the Disarmament Conference and attracted wide attention by her conspicuously expensive and fashionable clothes. She is a well known actress.

One of the episodes is in the billiard room in the old man's house when he and his distinguished military guest play billiards. The details are quite amusing. Another is in the shooting gallery, where an elaborate background of targets has been constructed and the guests carry on a rapid-fire dialogue as they shoot, causing the cardboard figures to drop down and disclose other funny figures at just the right moment to be appropriate to the dialogue. The last episode of the second act is the dining room, when a grand ensemblage of distinguished guests sit down facing the audience at a

long table just back of the footlights, squeezed close together like sardines. It is delicious satire of high society. The inane conversation ripples down the line, and it is interesting to observe the faces of the different characters.

But Meierhold should consider the comfort of his audience just a little more. You have to get indignant at the play in order to keep warm.

I had thought I might go on with your next topic — the woman question. But it's such a big question, I don't feel equal to it now. You will remember you have some material in your interview with the Woman's Section of the Russian Party.

Shall write more when I have more time and the typewriter gets over its drunk. As ever, Ruth

Перевод:

25 марта 1928 г.

Москва

Дорогой мистер Драйзер!

Вчера мне позвонил Сергей — он был очень расстроен, потому что обратно вернулись его письма и телеграмма, которые он Вам посылал. Он отправил несколько писем для Вас, которые снова пришли сюда. Думаю, проблема в том, что он не написал в адресе «Boni & Liveright», хотя он уверяет, что всегда отправлял Вам письма именно так. Забыла сообщить в моем последнем письме, что Вы пишете, будто получили от меня только одно письмо, а я написала Вам два. Первая отправка была довольно объемной, там были письмо от Сергея, записи на нескольких страницах о моем возвращении из Одессы в Москву, которые должны были дополнить Ваши материалы, и собственно мое письмо. Боюсь, что все это до Вас не дошло. Привезу Вам копию своих записей.

Я уезжаю через несколько дней. Уезжать очень тяжело. Все еще надеюсь, что будут новые поводы отложить отъезд. Погода на редкость хороша — чередой идут солнечные, ясные дни, тает снег, в воздухе волнующий запах весны, а ночи холодные и звездные.

Ходила смотреть «Горе уму» в театре Мейерхольда¹. Это старинная русская пьеса, написанная в 1730 году², одна из классических постановок Художественного театра. Со своей обычной бесцеремонностью Мейерхольд взял и переделал ее в своем современном стиле. Как и его «Ревизор» (пьеса Гоголя)³, постановка произвела фурор в театральных и партийных кругах.

На одной из встреч его так высмеивали и осуждали негодующие критики и партийные лидеры, что он разрыдался. Плакала и его жена, которая была раньше замужем за Есениным⁴ (он покончил с собой), и для которой, как и в «Ревизоре», предназначалась главная роль. Мне не стыдно признаться, что я, как ни жаль, ушла с последнего акта. Я сидела во втором ряду, где было невыносимо холодно (помните, как я страдала от холода в тот вечер, когда мы ходили в театр с Сергеем и мне не разрешили взять в зал пальто?), так что терпеть было просто невозможно. Первый акт был ужасен, но второй был поставлен весьма оригинально. Все декорации были на колесах, и в затемнениях между эпизодами — их было 17 — платформы выкатывали со сцены в открытые, похожие на амбар кулисы, а на смену им катили новые, с актерами, для следующего эпизода. Костюмы актеров сильно контрастировали с грубыми и убогими декорациями, конструкциями и платформами и казались особенно красочными и роскошными⁵. Софья, очаровательная юная жена старика⁶, которую играла жена Мейерхольда, во время каждого выхода появлялась на сцене в новом платье, и каждый ее костюм был из еще более дорогой ткани и еще более яркой расцветки. Это вызвало нарекания партийных начальников, которые заявили, что ни жены советских комиссаров (например, Луначарского), ни жены директоров театров не должны одеваться так роскошно. Жена Луначарского, известная актриса⁷, спровоцировала скандал в дипломатических кругах: отправившись вместе с мужем на конференцию по разоружению в Женеве⁸, она привлекла всеобщее внимание своим вызывающе дорогим, модным нарядом.

Один из эпизодов был в бильярдной в доме старика, где он со своим почтенным гостем-военным играет на бильярде. Там много забавных деталей. Другой эпизод игрался в тире: в глубине сцены была тщательно выстроенная конструкция с мишенями, и гости вели диалог со скоростью автоматной очереди, при этом стреляя по картонным фигуркам: они падали, а за ними открывались другие забавные фигурки — как раз в самый подходящий момент, соответствующий диалогу. Последний эпизод второго акта проходил в столовой, все почтенные гости были в сборе и сидели, тесно прижатые друг другу, как сельди в бочке, лицом к зрительному залу за длинным столом, который располагался сразу за рампой. Прекрасная сатира на высшее общество. Они лопотали пустые фразы, и было интересно наблюдать за лицами разных персонажей.

Однако Мейерхольду стоило бы хоть немного позаботиться о публике. А так возмущаться спектаклем — это единственный способ согреться, сидя в зале.

Я думала дальше перейти к следующей теме — женскому вопросу. Но это такая большая тема, что я сейчас к ней не готова. Не забудьте, что у Вас есть кое-какой материал в Вашем интервью с Женотделом ВКП(б)⁹.

Напишу еще, когда будет время, и машинка будет исправна. Неизменно Ваша Рут.

¹ Работа над этим спектаклем началась с января 1927 г., премьера состоялась 12 марта 1928 г. Спектакль, хоть и был единодушно осужден критикой, в первой редакции шел два с половиной года и был показан около 70 раз. При подготовке текста М.М. Коренев пользовался изданием грибоедовской комедии под редакцией Н.К. Пиксанова (Госиздат, 1927), куда были включены все основные источники и варианты. Названием спектакля стал заголовок одного из вариантов пьесы.

² А.С. Грибоедов работал над пьесой «Горе от ума» в 1820–1824 гг. Первая публикация (фрагмент 1-го действия и 3-е действие) — альманах «Русская Талия» (1825), затем с сокращениями была напечатана в 1833-м. Первая полная разрешенная цензурой публикация — 1862 г. Первые постановки — 1829 г. (отдельные сцены), 1831 г. (в Ревеле в переводе на немецкий).

³ Премьера этого знаменитого спектакля состоялась 9 декабря 1926 г. Драйзер видел его в Москве 4 декабря 1927 г. и записал впечатления от него в «Русском дневнике» [РД: 280].

⁴ Зинаида Николаевна Райх (1894–1939); в браке с Есениным с 1917 до 1921 г.; в браке с Мейерхольдом с 1922 до 1939 г. Спектакль «Горе уму», как и другие постановки Мейерхольда, вызвал споры и столкновение мнений в печати, на диспутах, однако на сей раз превалировали отрицательные отзывы, так что можно было констатировать дружное неприятие премьеры 1928 г. критикой. Через неделю после премьеры Театральная секция ГАХН организовала ее обсуждение под председательством А.А. Бахрушина, на котором присутствовало огромное число участников — более 300 человек. Самым резким было выступление литературоведа и критика Н.К. Пиксанова: «Оратор оценивает режиссерскую работу резко до грубости, называя спектакль “стряпней”, Фамусова, которого играл Ильинский, — “плюговой фигурой”, а Чацкого в исполнении Гарина — “какой-то неврастенической глистой”. Находит, что Софья “перенасыщена сексуальностью”, гиперболична, чрезмерна, она довлеет в спектакле; возмущен тем, что постановка наполнена бессмысленными трюками, разламывающими действие. И заключает оскорбительным для режиссера заявлением, что ключевую антитезу крепостничества и декабризма театр Мейерхольда “разработал по схемам новейшего упрощенчества провинциального клубного театра”. [...] Мейерхольд срывается, выкрикнув в публику: “Такие тупые люди, как Пиксанов...” Председательствующий (Бахрушин) делает ему замечание, и взбешенный Мейерхольд покидает сначала сцену, потом зал.

Один из сотрудников Литературной секции ГАХН, Б.В. Горнунг, присутствовавший на обсуждении, записывал в дневнике: “[...] Доклад Пиксанова был верхом подлости и издевательства... Хлопали Пиксанову довольно сильно,

и меня это поразило. Когда говорил Сахновский (предпоследний), появился Мейерхольд и З. Райх. По окончании речей от ГАХН Бахрушин <...> предложил слово Мейерхольду. Его встретили хотя и энергичными, но жидкими хлопками (вернее, хлопали очень немногие, но старались). [...] Мейерхольду почти не давали говорить... Наконец, когда он сказал ‘...только такие глупые люди, как П[иксанов]....’, — поднялся всеобщий вой... Пиксанов побагровел. Бахрушин потребовал, чтобы М[ейерхольд] извинился. Тот сказал: ‘Тогда я могу и кончить’, — и под свист сошел с эстрады, а Бахрушин предоставил <слово> П[иксанову].

М[ейерхольд] пошел на свое место, но тут стали кричать: ‘Вон из зала! Долой!’ Райх вскочила и стала тянуть его к выходу. Тогда мы, очень небольшая кучка, встали и, аплодируя вслед ему, сами пошли под тот же свист. <...> Когда мы вышли на лестницу, оказалось, что нас всего человек 15–18. [...] На лестнице с Райх сделалась истерика, продолжавшаяся минут 10. Она кричала на всю Академию: ‘Сволочи! Хамы! Совсем затравили! Есенина убили, скоро и его убьете!’ Еле-еле ее успокоили”» (*Гудкова В.В.* Театральная секция ГАХН: история идей и людей, 1921–1930. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 290, 292–293). 2 апреля был организован еще один диспут — в театре Мейерхольда. А.К. Гладков вспоминает: «Диспуты о театре непрерывно шли весь сезон и в Доме печати, и в Доме Герцена, и в Доме Рабиса, и в подвальном, но уютном, популярном Театральном клубе на Пименовском, а иногда даже в помещении цирка и Мюзик-холла. В них участвовали не только критики и режиссеры, но и политические деятели. Нарком А.В. Луначарский дискутировал на трибуне с Мейерхольдом и Маяковским. Вот афиша диспута “Споры о ‘Горе уму’” 2 апреля 1928 года. Называю имена участников: Л. Авербах (критик), Н.Л. Бродский (историк литературы), М.Ф. Гнесин (композитор), Генри Дана (американский историк), Тарас Костров (редактор «Комсомольской правды»), П.А. Марков (критик), Дизго Ривера (художник), Демьян Бедный (поэт-публицист), В. Сарабьянов (профессор-философ), Б. Асафьев (историк музыки, композитор) и другие» (*Гладков А.К.* Мейерхольд: в 2 т. М.: СТД РСФСР, 1990. Т. 2: Пять лет с Мейерхольдом. Встречи с Пастернаком. С. 25).

⁵ Художественное оформление спектакля создавали В.А. Шестаков (конструкции) и П.М. Ульянов (костюмы). Сложная, громоздкая, состоящая из множества элементов конструкция Шестакова критиками была признана неудачной.

⁶ Роль Фамусова в премьерном спектакле исполнял И. Ильинский.

⁷ Наталья Александровна Розенель-Луначарская, в девичестве Сац (1900–1962), снималась в кино, работала в Малом театре; была замужем за А.В. Луначарским (1922–1933).

⁸ Н.А. Розенель постоянно сопровождала Луначарского в Женеву на сессии подготовительной комиссии конференции по разоружению, работа которых началась с 1925 г.

⁹ См. запись о посещении женотдела ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1927 г. [РД: 135–138].

7. Р. Кеннел — Т. Драйзеру

April 17, 1928

The Nest, Dymchurch, Kent

Dear Mr. Dreiser:

I hoped to be able to write you once more before I left Moscow, but it was a grand rush at the last. Leaving the country after five and a half years' sojourn meant pulling up roots quite deeply embedded.

Well, everything thus far on the prodigal daughter's journey home has been as satisfactory as you predicted. I went through Latvia and Lithuania which seemed just as backward as Russia, but as soon as I got over the German border the atmosphere cleared and I began to experience the joy of a starving person in orderliness, cleanliness, good food, courtesy, prosperity — in fact everything Russia lacked. The day I left Moscow there were lines a block long in front of every dairy waiting to buy butter. I was five days in Berlin and loved it. Mr. Wood had written letters to the newspaper people there who entertained me royally. I stayed a week with my friend O'C[allaghan] in London and on Sunday she and I came down here to my family on the sea. But wretched weather followed us — gray and rainy with a cold wind. For two days we have done nothing but hug a grate fire and listen to the waves dashing against the seawall just in front of our cottage. Oh dear, will I ever find a warm place!

But this morning we woke on a changed world. The sun was shining and while my big, strong son built a castle on the beach, O'C[allaghan], Frank and I walked to the nearest "pub" and warmed ourselves with up with cherry brandy, ale and whiskey soda. This is just to make you jealous. I shall never forgive myself for forgetting in the last rush to bring a bottle of vodka to smuggle to you.

Honey, I am most awfully proud of you (and of your Russian secretary) for the articles syndicated by the NANA which I have run into in every town along the way. In Amersfoort, Holland, where I spent a restful day, my Dutch friends showed me the Amsterdam paper with your articles. In London, I received the first five clipped from the *Buffalo News* and forwarded to me by Mr. Wood, and down here at the Nest, the family had received the whole 11 articles clipped from the *Morning Oregonian*. The last we read aloud all sitting around the fire. Of course, there are some errors, misstatements, omissions, etc. but I think you got in an enormous amount of information and drew, considering the time you had and the space, a good bird's eye picture. I noticed there were some incidents I

didn't know about, so I conclude that you either invented them, or got by with some things when I wasn't looking. But heavens, I certainly tried to keep an eye on you!

In a word, the articles are so favorable to Soviet Russia that VOKS ought to feel ashamed of the way they treated you, and Comintern repent of having fired me.

My son, Jimmie, and I are sailing from Liverpool on the Caronia on the 28th of April. When I arrive in New York I shall drop you a note at *Boni & Liveright's* (I don't have your home address). I believe the ship will arrive the 7th of May.

Your request for information on certain subjects in extended letter form is always on my conscience, but I find it very hard to sit down and write under the circumstances. However I now have a few days of leisure and quiet here and shall continue the work hoping that the material will not come too late for you to use. Tretyakov, like a good Russian, had not yet written out the statement of principles of LEFT, which I asked him to prepare for you. I am bringing a whole box of Russian books and things, among them those gifts you discarded, and perhaps you will find some of the material useful. On another page I shall continue my notes. You must remember in dealing with the subject of Soviet art the exhibit you saw down in the Ukraine at Kharkov, about which you will find comments in your notes.

While in London, I called on your friend Mr Kyllmann, of *Constable and Co.* I found him all you described, just a perfect type of the cultured English liberal. O'C[allaghan] went along with me and between us we gave him some wild Red ideas to ponder on. As a business proposition it's all too vague and difficult, but we shall try to help him all we can. You see, he says he knows absolutely nothing about Russia, and therefore, must be very careful in publishing anything on the recommendation of others; that English people will believe nothing out of Russia. We suggested that we might get something new (of course he would prefer the manuscript of something not yet published) and write a summary of it, translating selected parts and submit to him. I shall leave this to O'C[allaghan] to do as she is located here in London. Another difficulty is that Mr. Kyllmann seems to have some émigré Russians advising him and as we pointed out, they can't see that there is anything good being done in Russia today. Also Stephen Graham who is rather surreptitiously anti—. I have given him Serge's address, but one must remember that Serge devotes all his time to English and American literature. At any rate, though nothing came out of

the visit, it was a great pleasure to meet this charming and gentle person, with his beautiful, kindly dark eyes. I noticed your portrait on the mantle.

By the way, our Serge is ill again. He works so hard and lives so wretchedly that he is always getting colds. I hope he can get away to America this year. Hope to talk with you about this when I see you. Ruth.

P.S. I have a cure for your bronchitis!

Перевод:

17 апреля 1928 г.

Гостиница «Нест», Димчерч, Кент

Дорогой мистер Драйзер!

Я собиралась написать Вам еще раз перед отъездом из Москвы, но не успела из-за сильной спешки. Когда уезжаешь из страны, где ты прожила пять с половиной лет, приходится выкорчевывать очень глубоко пущенные корни.

Однако возвращение блудной дочери прошло вполне благополучно, как Вы и предсказывали. Я ехала через Латвию и Литву, которые, кажется, пребывают в таком же отсталом состоянии, как и Россия, но как только я пересекла границу с Германией, атмосфера прояснилась, и я стала испытывать радость человека, изголодавшегося по порядку, чистоте, хорошей еде, вежливости, процветанию — по всему тому, чего так не хватает в России. В день моего отъезда из Москвы там стояли очереди за сливочным маслом длиной в целый квартал. Я провела пять прекрасных дней в Берлине. Мистер Вуд написал письма коллегам-газетчикам, и они приняли меня по-королевски. Потом я провела неделю со своей подругой О'Каллаган в Лондоне и в воскресенье приехала сюда, на море, вместе со своей семьей. [...] Никогда не прощу себе, что в предотъездной спешке забыла захватить бутылку водки и контрабандой провезти ее Вам!

Мой дорогой, я страшно горжусь Вами (и Вашей русской секретаршей) за те статьи, которые пошли в Североамериканский газетный синдикат¹ — я вижу их в каждом городе, через который проезжаю. В Амерсфоорте (Голландия), где я провела спокойный, тихий день, мои голландские друзья показали мне амстердамскую газету с Вашими статьями. В Лондоне я получила вырезки первых пяти статей из *Buffalo News*, отправленные мне мистером Вудом, а здесь, в «Нест», мы с семьей получили все одиннадцать статей² — вырезки из *Morning Oregonian*. Мы читали их, сидя у камина. Конечно, там есть ошибки, пропуски, неточности и проч., но, по моему мнению,

Вы собрали огромное количество сведений и, учитывая краткие сроки и объем материала, сумели сделать хороший обзор, дав картину с высоты птичьего полета. Я заметила, что там рассказывается о случаях, про которые я ничего не знала, и я делаю вывод, что Вы либо это придумали, либо Вам удалось это проверить, когда я ослабила бдительность. Но честное слово, я старалась глаз с Вас не спускать!

Словом, статьи представляют Советскую Россию в таком благоприятном свете, что ВОКСу должно быть стыдно за то, как они к Вам относились, а Коминтерну — за то, что они выгнали меня с работы. [...]

О Вашей просьбе дать информацию по некоторым темам с помощью развернутого письма я помню, но мне очень трудно в нынешних обстоятельствах сесть и написать это. Однако впереди у меня несколько спокойных и свободных дней, так что я продолжу работу в надежде, что не опоздаю, и Вы успеете это использовать. Третьяков, как и положено нормальному русскому, все еще не прислал мне изложение принципов ЛЕФа, о чем я его просила — для Вас. Я везу с собой целый ящик книг и всяких вещей из России, в том числе и подарки, которые Вы не забрали, и может быть, кое-что из этого Вам пригодится. На следующей странице я продолжу свои записи. Что касается советского искусства, Вы наверняка помните выставку, которую Вы видели на Украине, в Харькове, и о которой есть комментарии в Ваших записях³.

Будучи в Лондоне, я видела Вашего друга мистера Киллмана из *Constable & Co*. Он точно такой, как Вы описывали, — законченный тип культурного английского либерала. О'Каллаган пошла на встречу с ним вместе со мной, и мы с ней подкидывали ему всякие безумные красные идеи — для размышления. Что касается делового предложения, тут все сложно и неопределенно, но мы постараемся помочь ему всем, чем можем. Видите ли, он говорит, что совершенно ничего не знает о России, и, следовательно, должен быть очень осторожен, соглашаясь опубликовать что-то, основываясь на рекомендациях других людей, а англичане не верят ничему, что исходит из России. Мы предложили достать для него какой-то новый материал (он, конечно, предпочел бы то, что еще не опубликовано), сделать его резюме, перевести из него фрагменты и прислать ему. Этим займется О'Каллаган, поскольку она живет в Лондоне. Другая трудность состоит в том, что у мистера Киллмана, похоже, есть советчики из русских эмигрантов, и они внушают ему, как я уже говорила, что в сегодняшней России нет

ничего хорошего. Также Стивен Грэм, тайный анти—⁴. Я дала ему адрес Сергея, но тут нужно помнить, что Сергей целиком посвятил себя английской и американской литературе. Тем не менее, хотя этот визит ничего не дал, было очень приятно познакомиться с таким обаятельным и обходительным человеком, у которого к тому же такие красивые добрые темные глаза. Я заметила Ваш портрет у него на каминной доске.

Между прочим, Сергей опять болеет. Он так много работает и ведет такой неправильный образ жизни, что все время простужается. Надеюсь, он сможет в этом году побывать в Америке. И надеюсь обсудить это с Вами, когда увижу Вас. Рут.

P.S. У меня есть лекарство от Вашего бронхита!

¹ NANA (North American Newspaper Alliance, 1922–1980) — крупнейший газетный синдикат, с которым работали многие знаменитые писатели и журналисты: Ф.С. Фицджеральд, Э. Хемингуэй, Лотроп Стоддарт, Дороти Томпсон и др. Агентство приобретало статьи и передавало их для одновременной публикации сразу в нескольких изданиях, в том числе и зарубежных.

² Речь идет об 11 статьях Драйзера, посвященных его поездке в СССР, вышедших в американской прессе: 10 статей цикла «Драйзер смотрит на Россию» (*Dreiser Looks at Russia*), напечатанные в ежедневной газете *New York World* 19–28 марта 1928 г., а также статья “Soviet Plan to Spread to US, Dreiser Thinks” в той же газете от 18 марта 1928 г. Одновременно они были опубликованы через NANA в целом ряде американских и зарубежных газет. Кеннел прочла 5 статей, присланных ей Дж. Вудом из *Buffalo News*, остальные были присланы ей родственниками мужа из газеты *Morning Oregonian*. Эти 11 статей впоследствии вошли в книгу «Драйзер смотрит на Россию» (*Dreiser Looks at Russia*), выпущенную издательством Horace & Liveright 1 ноября 1928 г.

³ См.: [РД: 330–331].

⁴ Стивен Грэм (Stephen Graham, 1884–1975) — британский литератор и путешественник. Грэм обошел и объехал значительную часть территории Российской империи до 1917 г. и изложил свои впечатления в серии статей и книг, которые внесли значительный вклад в формирование представлений о России в Британии и США, в том числе: *A Vagabond in the Caucasus* (1911), *Undiscovered Russia* (1912), *Changing Russia* (1913), *With the Russian Pilgrims to Jerusalem* (1913), *Russia and the World* (1915), *Through Russian Central Asia* (1916), *Russia in 1916* (1917). В 1925 г. вышла его книга «Разделенная Россия» (*Russia in Division*), где он описал коммунистический переворот как катастрофу для России. В конце 1920-х–1930-е появились его книги, посвященные русским царям: *Peter the Great: A Life of Peter I of Russia Called the Great* (1929), *Ivan the Terrible of Russia* (1932), *Boris Godunov* (1933), *A Life of Alexander II, Tsar of Russia* (1935).

С. Грэм также много путешествовал по Европе и Северной Америке, был знаком со многими крупными писателями, в том числе Г. Уэллсом, Э. Хемингуэем. С. Грэм был автором ряда романов и биографий, которые были популярным чтением по обе стороны Атлантики.

8. Р. Кеннел — Т. Драйзеру

May 18, 1928

15 Meadow Ave., Bronxville

Dear T.D.

I thought about you all day yesterday and through the night and this morning your note came with enclosure. Your other letter was waiting in the evening. I am so worried about your health — your wanness and weaknose haunts me and further, the realization that my presence only tired you more, when nothing would make me happier that to make you well. “But each man kills the thing he loves”.

Nothing definite at Amtorg yet, and I must go in again tomorrow (Saturday) to learn something more definite. I shall look up the people you mention at the same time. When the manuscript comes I shall read it and then type my ideas about it, because when we meet there are so many things to talk about, we never get anywhere on a particular subject.

I am sorry I tried to lecture you yesterday when you hadn't enough pep to argue or even to spank me. I suppose in the end I shall make the best of things as they are, compromise with myself and build some kind of new life. As far as you are concerned, I suppose I am so discontented and restless because I have only known you in an association where there was constant companionship and I can't adjust myself to seeing you once a week. However such an adjustment is no doubt in a future busy life quite possible to make. Then there is of course the possibility of my not returning but settling in the west, where life, if not quite so exciting, might be kinder.

I shall call up as soon as I have decided when we are leaving. You are so dear to go to so much trouble on my behalf, and thank you for the enclosure. Don't be too persistent in your fast. I think your figure has become quite sylph-like enough at five days. What it would be at twelve days might take away your greatest charm for at least one of your admirers! But seriously, don't overdo it, and please get well soon. [Ruth.]

Перевод:

18 мая 1928 г.

Бронксвилл, штат Нью-Йорк

Дорогой ТД!

Думала о тебе вчера весь день и всю ночь, а утром от тебя пришла записка с приложенным материалом. Другое твое письмо ждало меня вечером. Я так волнуюсь о твоём здоровье — постоянно вспоминаю, какой ты был бледный, с насморком, и понимаю, что

встреча со мной только еще больше тебя утомила, а между тем ничто не могло бы обрадовать меня больше, чем твое хорошее самочувствие. «Ведь каждый, кто на свете жил, любимых убивал...»¹.

С Амторгом² пока ничего не ясно, так что завтра (в субботу) я опять должна буду пойти туда и постараться узнать что-то более определенное и в то же время поищу людей, которых ты упоминаешь. Когда придет рукопись, я прочту ее и напишу на машинке, что я о ней думаю, потому что когда мы встречаемся, у нас столько тем для разговора, что никак не получается решить какой бы то ни было конкретный вопрос.

Прошу прощения за то, что вчера пыталась прочесть тебе лекцию, в то время как ты не был готов спорить со мной или уложить меня на обе лопатки. Думаю, в конце концов, я извлеку из нынешнего положения дел максимум выгоды, пойду с собой на компромисс и начну какую-то новую жизнь. Что касается тебя, мне кажется, что я так недовольна и все время беспокоюсь, потому что мы с тобой познакомились в ситуации, которая предполагала постоянное общение и дружбу, и сейчас я никак не привыкну к тому, что мы встречаемся только раз в неделю. Однако в скором будущем, когда у меня появится занятие, я, несомненно, приспособлюсь к этому. Кроме того, есть вероятность, что я больше не вернусь в Нью-Йорк, осяду на Западе, где жизнь не такая интересная и насыщенная, но зато более мирная и спокойная.

Я сообщу, как только мы определимся с отъездом. Ты так добр ко мне, а я создаю тебе столько неудобств! И спасибо за приложение к письму. Не надо морить себя голодом. В последние пять дней ты таешь на глазах и, кажется, скоро превратишься в бесплотного ангела. На двенадцатый день ты окончательно растеряешь все, что так нравится в тебе по крайней мере одной из твоих поклонниц! А если серьезно, пожалуйста, не слишком усердствуй с диетой и скорее выздоравливай! [Рут.]

¹ Цитата из «Баллады Редингской тюрьмы» Оскара Уайлда (перевод с английского Н. Воронель).

² Амторг (Amtorg American Trading Corporation) — акционерное общество, созданное в США (штат Нью-Йорк) в 1924 г. для развития торговых отношений между СССР и США. Амторг выступал посредником при экспорте и импорте, установлении деловых контактов, трудовой миграции. В 1924–1933 гг., до открытия дипломатического представительства СССР в США, Амторг фактически выполнял функции и посольства, и торгпредства, служил главной закупочной организацией Советского Союза в Америке и источником экономической информации о США.

Драйзер поддерживал контакты с некоторыми работниками Амторга, в том числе с П.А. Богдановым, возглавлявшим Амторг в 1930–1934 гг.

9. Р. Кеннел — Т. Драйзеру

July 4, 1928
Farm, Hobart, Okla

Dear TD:

I am afraid you will think I haven't appreciated your dear letter of June 29th, since I am so long in answering. But I just returned yesterday after an absence of two weeks. I was visiting my brother at Amarillo, Texas and my mother did not forward my mail as she expected me to return sooner. However, I got stomach trouble I suppose from the ice water, iced tea, soda pop and terrific heat, all of which I am unaccustomed to, and couldn't travel. And I certainly did have a hard trip yesterday. Up at four and traveling all morning in the heat, then changed at Clinton, Oklahoma, waiting two hours and a half for the jerk-water, Frisco. Red dust two inches deep in the coach, and windows shut to keep out the hot wind. A hot box which had to be attended to every few miles. At 5 p.m. Hobart and the poor old farm.

The glorious Fourth is living up to middle western traditions and is hottern hell. Do you remember, honey, how we used to talk about warm places to try to keep warm on the journey, and how I despaired of ever finding a warm place again on this earth? Well, the Lord brought me to Oklahoma just to restore my faith in HIM! Well, I take it all back, and only ask to be permitted meekly to pack my bags and flee to San Francisco, where July is the coolest month.

Seriously, I came back to take my mother away from this terrible place as she is really sick, and I know she will never break away if I don't go with her. So I shall help her to get ready and in a few days she and Jimmie and I will leave for California. Mr. T. can follow later if he ever gets around to it. Mamma has to back to look after her little ranch near Palo Alto which is lying empty, and will try to sell it. So, much as I want to see you, I must delay my return to New York for awhile. Anyhow, I am afraid it's pretty hot there now. And I shall be keeping my promise to mamma to go with her to California. How do you stand the summer in New York? Don't you feel like going away? You wrote nothing about your health.

Your letter was very sweet and comforting. I am an idiot to get so discouraged, but I disagree with you about taking the world's troubles

too seriously. I am back-sliding terribly in that respect, not doing a thing worthwhile, and just “enjoying” life in Oklahoma and Texas. Just nothing but a rotten “boorjooie” as the Russians say.

About returning to New York, I received a letter from the manager of Amtorg saying among personal things that he thought there would be work for me, but I don’t think I want to work for him, as he is too personal. About your reference to working with you, the same applies, except that I happen to be very fond of you — which makes it all the more dangerous! However, I appreciate the possibility and may avail myself of it, if there seems no better way out. This sounds rather disparaging, but you know what I mean. If I can’t work on my own, then there is no individual I should like better to work for than you.

The letter from Vera is certainly emotional. She seems to like the letter I wrote since she quotes from it. Poor woman, she does have a hard life. Present-day Russia is merciless with the older generation who fared better under the old regime. I shall write her address in Russian on separate pieces of paper and you can paste them on the packages. You will note that she says you must send the books in a “registered bandroll” (I suppose registered package she means) and write nothing inside, only on the outside address and “book used”. I don’t understand why the latter. Here is her address in English: Miss Vera Barbashoff, Tverskaya 68, Apt.3, Moscow.

The clippings sent are reviews and notices of the Russian edition of your *Financier*. I shall translate and enclose. I think Dinamov probably wrote them. How long *Chains* is in being published. I wrote the preface for it long before I left Moscow. I imagine Vera has done a good translation. She loves the stories, as I also love them.

The old question of “Ernita” again. I see you don’t want to re-write in third person. How can I urge? Only do leave out that unfortunate incident with the Kuzbas director. That is not generally known and I don’t want it known. Don’t you think I would be ashamed?

I hope McCall accepts the article. Thanks awfully for your letter. I too want very much to see you, but think I must get out of his heat and rest before attempting the long journey to New York. I shall mail this tomorrow and not hold it up for the translations. With much love, Ruth.

P.S. I am taking the liberty of enclosing a little story which my mother wrote, to get your opinion. I like it, and think there should be some publication which would want it. Also some Texas snapshots just to assure you that Gloomy Gus has cheered up a little.

Перевод:

4 июля 1928 г.

Элк Хорн Фарм, Хобарт, штат Оклахома

Дорогой ТД!

Боюсь, ты подумал, что я не оценила твое сердечное письмо от 29 июня, раз так долго не отвечаю. Но я только вчера вернулась после двухнедельного отсутствия. [...]

Как ты переносишь лето в Нью-Йорке? Тебе не хочется уехать? Ты ничего не написал о своем здоровье.

Твое письмо такое ласковое и успокаивающее. Я просто идиотка, что так расстраиваюсь, но не согласна с тобой, что я принимаю мировые проблемы слишком близко к сердцу. В этом смысле я легко иду на попятный — не приношу никакой пользы, просто наслаждаюсь жизнью в Оклахоме и Техасе. Типичная «загнивающая буржуйка», как сказали бы русские.

Насчет возвращения в Нью-Йорк: я получила письмо от менеджера Амторга, где кроме личных тем он пишет, что для меня может найтись работа, но мне, пожалуй, не хочется работать с ним, слишком уж он неформален в общении. То же касается и твоего замечания о возможности работать с тобой, с той разницей, что я очень тебя люблю — и это еще опасней! Однако я очень ценю такую возможность и, быть может, воспользуюсь ей, если у меня не будет лучшего выхода. Это звучит обидно, но ты понимаешь, что я имею в виду. Если у меня не получится работать самостоятельно, самый лучший человек на свете, для которого я могла бы работать, — это ты.

Вера¹ прислала очень эмоциональное письмо. Кажется, ей понравилось письмо, которое я ей написала, раз она его цитирует. Бедная, какая трудная у нее жизнь. В нынешней России безжалостно относятся к людям старшего поколения, благополучно жившим при старом режиме. Я напишу ее адрес по-русски на нескольких кусочках бумаги, и ты сможешь наклеивать их на почтовые отправки. Не забудь, она писала, что книги надо отправлять заказной бандеролью, ничего не писать изнутри, только снаружи должен быть адрес и пометка «подержанные книги». Я, впрочем, не понимаю, зачем это нужно. Вот ее адрес на английском: Miss Vera Barbashoff, Tverskaya 68, apt. 3, Moscow.

Присланные вырезки — это рецензии и заметки о русском издании «Финансиста»². Я сделаю перевод и приложу к письму. Вероятно, это писал Динамов. Как долго готовятся к публикации

«Цепи»! Я написала к ним предисловие задолго до своего отъезда из Москвы. Думаю, Вера сделала хороший перевод. Она любит рассказы — и я тоже их люблю³.

И снова все тот же старый вопрос — об «Эрните». Я так понимаю, что ты не хочешь переписать очерк, сделав повествование от третьего лица. Не могу настаивать на этом. Прошу только об одном — убери эту злосчастную историю с директором Кузбасса. О ней почти никто не знает, и я не хочу предавать ее огласке. Тебе не приходит в голову, что мне будет стыдно?⁴

Надеюсь, *McCall's*⁵ примет статью. Огромное спасибо за твое письмо. Я тоже очень хочу повидать тебя, но мне нужно выбраться из этой жары и как следует отдохнуть перед долгой поездкой в Нью-Йорк. Отправлю это письмо завтра — не буду его держать до тех пор, пока будут готовы переводы. Со всей любовью, Рут.

P.S. Осмелюсь приложить к письму маленький рассказ, который написала моя мама, и спросить твое мнение о нем. Мне он понравился, и, думаю, найдется издание, которое захочет его опубликовать. И еще несколько снимков из Техаса: они должны убедить тебя, что нытик Иа-Иа немного приободрился.

¹ Переводчик В.А. Барбашева.

² Драйзер Т. Собрание соч. / под общ. ред. С. Динамова. М.; Л.: Земля и фабрика, 1928. Т. 2: Финансист. Прил.: Мишо Р. Личность и взгляды Драйзера / пер. М. Левиной, предисл., прим. С. Динамова. 656 с.

Речь идет, видимо, о предисловии Динамова к тому. К моменту написания этого письма в СССР вышла одна рецензия на «Финансиста» И. Анисимова (Вестник иностранной литературы. 1928. № 5. С. 161–163).

³ Драйзер Т. Собрание соч. / под общ. ред. С. Динамова. М.; Л.: Земля и фабрика, 1928. Т. 7: Цепи / пер. В. Барбашевой, предисл. Р. Кенель. 344 с.

⁴ Имеется в виду Себальд Юстинус Рутгерс (Sebald Justinus Rutgers, 1879–1961) — по образованию инженер-строитель, марксист-теоретик, левый журналист, сыгравший видную роль в социалистической, а затем коммунистической партии США. В 1917 г. после Октябрьской революции проехал Россию от Владивостока до Москвы, встречался с Лениным в Кремле, участвовал в I Конгрессе Коминтерна. С 1922 по 1926 г. был директором Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» (АИК «Кузбасс», Кемерово) и одним из трех ее создателей вместе с «уоббли» Гербертом Стэнли Калвертоном и Уильямом Хейвудом. Для участия в АИК «Кузбасс» Фрэнк и Рут Кеннел летом 1922 г. приехали в СССР. Драйзер выполнил обе просьбы Р. Кеннел: повествование в «Эрните» идет от третьего лица, со вставками прямой речи Эрниты — они оформлены как цитаты из ее рассказа автору. Драйзер убрал и некий смущавший Кеннел эпизод с Рутгерсом.

⁵ *McCall Corporation* — издательская компания, которая выпускала популярный женский журнал *McCall's* (осн. 1873), в котором печатались произведения известных писателей, в том числе Джилетта Берджесса, Уиллы Катер, Ф.С. Фицджеральда,

Дж. Стейнбека и др. Скорее всего Рут Кеннел отправила в журнал одну из своих статей, написанных в 1928-м о женском вопросе в СССР.

10. Р. Кеннел — Т. Драйзеру

August 8, 1928
Palo Alto, California

Dear TD:

The check came yesterday morning and pleased me very much. I am quite satisfied with the amount as my aspirations are as yet modest. The most important thing is to have the article read. It was good of you to advance me the money. You ARE a dear friend.

This letter was all ready to mail with a special question, when I heard for the first time that you are publishing a book on Russia, which you never once mentioned to me! True, you referred in your letter yesterday to “the book is coming out soon”, but, while not understanding why this should affect the article, I supposed was *Gallery of Women*. This news rendered obsolete my suggestion contained in the first draft of my letter, i.e. I have been trying to interest the NEA representative in San Francisco in a series of articles on Russia. When the question of subject matter arose, he, learning that I had been your secretary in Russia, suggested that I write about your trip. I had never thought of exploiting you that way and told him so. He said, well of course, only with your consent, and that I should submit the articles to you for your approval. Not having any inkling that you were preparing a book on Russia, I thought you might have closed your Russian career without touching on the personal experience of the trip, or if you ever did, probably it would be from an entirely different angle. However, I think this should knock my plan in the head, unless you would like me to write something which might serve to advertise your book. I have drawn up an outline of another series, which if accepted would make it unnecessary to use the other subject. These articles would sketch the main differences between United States and Soviet Russia (apart from the fundamental differences of races, customs and industrial development) showing the actual contrasts which are due to the new system. Please write me what the nature of your book is, now it is my turn to be hurt that you didn't consult me! I should have loved to help you.

Is *Gallery of Women* coming out soon? I wrote the second page of this letter thinking it was, hence the suggestion about sending ms to Serge at once.

This is altogether an incoherent letter pieces together, but you get the idea, I hope, of what I had intended to write, with your approval: a lively and humorous narrative of your trip — not too personal, but with some anecdotes and characterizations of you and your reactions — and with lots of description of the country, and perhaps even some revenge on Trevis and Kameneva (whom, by the way, Clare Sheridan, in her new book, calls a “bitchovitch”) — such gossiping as you, perhaps, wouldn’t want to indulge in. What DID you write about, honey?

I enclose the translations of the reviews of your two novels in the Russian editions: *The Financier* and one of *American Tragedy*. The long preface of Serge to *The Titan* I have not yet found time to do. Do you find the Russian criticisms of your works interesting? They are to me. I think you make a particularly strong appeal to the Russian temperament, more than to the American, and with proper presentation, your books should have a big sale.

I wrote a letter to the manager of Gosizdat, the English of which I am sending in carbon copy to you. I also wrote to Serge and asked him to look up the matter, telling him that I also was writing. Thus we should be sure of some results. A problem arises: if *The Gallery of Women* is almost ready shouldn’t you, to keep your part of the agreement, send it at once to Gosizdat? Wouldn’t it be too late if you wait for a reply which will certainly not come for another month? It might be wiser to send it to Serge who could turn it over to Gosizdat. If they are prepared to remit the stipulated sum. I think they will do it without any difficulty. Send to Serge at *Magazine of Foreign Literature*, Rozhdestvenka, 4, Moscow center since this is the Gosizdat building. Shall enclose slap with address in Russian.

There has been perfect weather since I arrived at Palo Alto. Day after day of bright sunshine, chilly, moonlight nights, never any fear of rain, and just out of the fog belt. It is a good place to write in, if Jimmie were not so obstreperous. My mother doesn’t want me to go to New York. But I must deliver Jimmie to his father and grandmother, who have prepared to keep him in Bronxville. I could send him, even at that, but I don’t see how I could send him and see YOU at the same time! This is my chief objection to sending him — in fact, I think it would be quite impractical! But I use up all my funds traveling about, and I fear, will never become wealthy.

Please write to me very soon about everything discussed and anything else of mutual interest. Bushels of love, Ruth.

Перевод:

8 августа 1928 г.

Пало-Альто, Калифорния

Дорогой ТД!

Вчера пришел чек, что меня очень порадовало. Я очень довольна суммой, поскольку мои ожидания пока еще весьма скромны. Самое главное — чтобы статью читали. Это было очень великодушно с твоей стороны прислать мне денег вперед. Ты в самом деле настоящий друг.

Это письмо с одним особым вопросом уже было готово к отправке, когда я впервые услышала, что ты выпускаешь книгу о России, о которой ты ни разу мне не говорил! Конечно, во вчерашнем письме ты упоминал «книгу, которая скоро выйдет», но я предполагала, что речь идет о «Галерее женщин» и не поняла, как это может повлиять на статью. Из-за этой новости предложение, которое было в предыдущем варианте письма, отпало: речь шла о моих попытках заинтересовать представителя NEA¹ в Сан-Франциско серией статей о России. Когда обсуждался этот вопрос, он, узнав, что я была твоим секретарем в России, предложил мне написать о твоей поездке. Мне никогда не приходило в голову подобным образом эксплуатировать знакомство с тобой, и я так ему и сказала. Он ответил, что, разумеется, это возможно лишь с твоего согласия, и я должна буду показать тебе статьи, чтобы ты их одобрил. Даже не предполагая, что ты готовишь книгу о России, я подумала, что ты уже закрыл русскую тему², не касаясь своего личного опыта, приобретенного во время поездки, а если бы ты когда-нибудь его и коснулся, то, вероятно, под совсем другим углом зрения. Теперь, однако, я думаю, что это на корню зарубит мой план, если только ты не захочешь, чтобы я написала что-нибудь такое, что может послужить рекламой для твоей книги. Я набросала план еще одной серии, которая, если будет принята, не потребует обращения к другим темам. Эти статьи должны будут обозначить основные отличия между Соединенными Штатами и Советской Россией (исключая базовые отличия в области рас, традиций, промышленного развития) и покажут контрасты, возникшие благодаря новой системе. Пожалуйста, напиши мне, какой будет твоя книга. Настала моя очередь обижаться на то, что ты со мной не посоветовался! А я бы с радостью помогла тебе.

Скоро ли выйдет «Галерея женщин»³? Я писала вторую часть этого письма, рассчитывая, что это будет вскоре, и я тут же сообщу об этом Сергею.

Вместо письма получился бессвязный набор разных кусков, но, надеюсь, ты понял, что я хотела написать и показать тебе для одобрения: живой, с юмором рассказ о твоей поездке — но не слишком личный, характеризующий тебя и твои реакции, с некоторыми забавными случаями и с множеством описаний страны, и, может быть, с маленькой мстью Тревису и Каменевоу (которую, кстати, Клэр Шеридан в своей новой книге⁴ называет «стервозовна») — такие сплетни, от которых ты, возможно, предпочел бы держаться подальше. А о чем же, ВСЕ-ТАКИ, написал ты, мой милый?

Прилагаю переводы рецензий на русские издания двух твоих романов — «Финансист» и «Американская трагедия»⁵. У меня еще не было времени перевести длинное предисловие Сергея к «Титану»⁶. Находишь ли ты русскую критику, посвященную твоему творчеству, интересной? Мне она интересна. Думаю, что твои сочинения гораздо ближе русскому темпераменту, чем американскому, и при правильной подаче твои книги должны там отлично продаваться.

Я написала письмо менеджеру Госиздата⁷ и шлю тебе копию на английском. Также я написала Сергею и попросила его проконтролировать вопрос, сообщив ему, что я тоже писала об этом. Это должно наверняка дать результат. Возникает проблема: если «Галерея женщин» почти готова, должен ли ты, соблюдая свою часть соглашения, тут же отправлять ее в Госиздат? Не будет ли слишком поздно, если ты станешь еще месяц ждать ответа? Может быть, лучше было бы послать ее Сергею, который ее передаст в Госиздат — если они готовы перевести соответствующую сумму? Думаю, у них не будет с этим никаких трудностей. Отправь Сергею на адрес журнала «Вестник иностранной литературы» — Рождественка, 4, Москва-Центр, это здание, где находится и Госиздат. Приложу к письму наклейку с русским адресом.

С тех пор, как я приехала в Пало-Альто, здесь стоит чудесная погода. Все дни яркое солнце, прохладно, лунные ночи, ни намек на дождь, туманы до нас не добрались. Прекрасное место для того, чтобы писать, если бы только Джимми не был таким неслухом. Мама не хочет, чтобы я ехала в Нью-Йорк. Но мне нужно отвезти Джимми к дедушке и бабушке, которые согласны присмотреть за ним в Бронксвилле. Я могла бы просто отправить его, но если я просто отправлю его, то как же я увижу ТЕБЯ? Это мое главное возражение против того, чтобы отправить Джимми — на самом деле я веду себя совершенно непрактично! Трачу деньги на то, чтобы ездить вместе с ним. Боюсь, что мне никогда не разбогатеть.

Пожалуйста, напиши поскорее по всем вопросам и о прочем, что интересует нас с тобой. Тонны любви, Рут.

¹ NEA (New Enterprise Association, осн. 1902) — агентство по продаже газетам материалов (статей, редакционных колонок, комиксов).

² Как явствует из этого письма, Р. Кеннел полагала, что Драйзер ограничится публикацией серии статей об СССР, и не знала о его планах издать свой русский травелог в виде книги.

³ Первое издание «Галереи женщин» вышло 1 января 1929 г.: Dreiser, Theodore. *A Gallery of Women*. New York: Horace Liveright, 1929. 823 p.

⁴ Клэр Шеридан (Clare Consuelo Sheridan, 1885–1970) — английская журналистка, писательница и скульптор, двоюродная сестра У. Черчилля. Поддерживала Октябрьскую революцию, в 1920 г. по приглашению первой советской торговой делегации в Лондоне посетила Советскую Россию, где сделала несколько скульптурных портретов лидеров советского государства. Среди ее моделей были Ленин, Троцкий, Дзержинский и Каменев. Ходили слухи, что ее роман со Львом Каменевым негативно повлиял на его отношения с первой женой О.Д. Каменевой. Шеридан также приезжала в Россию в 1923 и 1924 гг. России посвящена ее книга «Русские портреты» (*Russian Portraits*, 1921), опубликованная в США под названием «Мэйфэр в Москве: дневник Клэр Шеридан» (*Mayfare in Moscow: Clare Sheridan's Diary*, 1921). Р. Кеннел, очевидно, имеет в виду автобиографическую книгу Шеридан *Nuda veritas* (1928).

⁵ Соответственно т. 2 и т. 6 собрания сочинений Т. Драйзера, выходявшего в 1928–1933 гг. Т. 2 («Финансист») — см. примечания к письму 9.

Драйзер Т. Собрание соч. М.; Л.: Земля и фабрика, 1928. Т. 6: Американская трагедия. Прил.: Поунс Д.К. Драйзер и его творчество / пер. З. Вершининой, предисл. С. Динамова. 831 с.

К моменту написания письма в 1928 г. вышли рецензии на «Финансиста»: И. Анисимов (Вестник иностранной литературы. 1928. № 5. С. 161–163), М. Головин (Читатель и писатель. 1928. 7 июля. № 27. С. 4), Ф. Жиц (Книга и профсоюзы. 1928. № 5–6. С. 44) — и на «Американскую трагедию»: Ю. Данилин (На литературном посту. 1928. № 13–14. С. 110–114), Ф. А. (Книга и профсоюзы. 1928. № 7. С. 36–37).

⁶ *Драйзер Т.* Собрание соч. М.; Л.: Земля и фабрика, 1928. Т. 3: Титан. Прил.: Сайгель С. Американская действительность и «Трилогия желания» / пер. З. Вершининой, предисл. С. Динамова. 694 с.

⁷ Очевидно, председателю правления Госиздата Артемию Багратовичу Халатову (настоящее имя Арташес Халатянц, 1894–1937).

11. Р. Кеннел — Т. Драйзеру

August 17, 1928
Palo Alto, California

Dear TD:

I received your telegram, and expect the letter and book proofs to follow tomorrow. I hope you were not uneasy, as the telegram indicated, as you should have known that I would do nothing until you replied to my

letter. I already submitted my outline of a series on the subject I mentioned in my letter, which has nothing whatever to do with you and it was only in case they should reject this that I thought with your approval I might use the other, — since they themselves suggested it. I prefer not to. I hate the whole damned business of commercializing ideas, connections and friends, but as everyone seems to be doing it in this, as I said before, glorious country of private initiative, I guess I'm getting the spirit too.

They are making quite a fuss over me in San Francisco — you know the old adage about the big duck... I wrote an article for a local paper, Harry gave me his complete attention for one day in his column, and a civic forum has asked me to lecture on Russia in the St. Francis ballroom, with prospects of a lecture tour under their auspices. My old comrades in the struggle about the bay are trying to get me to talk for them, but I am afraid to be branded as a communist and thus scare the people away whom I want to reach. My friends are already convinced, although without much accurate information, and if I told them the truth they would be horrified and say I had come away “disillusioned”, since everything to them must be perfect over there, or all wrong. They make me tired. But what is not true of all of them, the best are on the outside of the Party here and have kept pace with me.

Did you see *The Fall of St. Petersburg* in New York? I saw it in San Francisco. If you did, you must have discovered your friend the Red director of the rubber factory in Leningrad, in the role of the worker who leads the strike in the factory and afterward the revolt of the soldiers. I couldn't believe it was he until I saw the close-up at the very end. There was no mistaking this face — you remember I sketched it. That would have been an interesting item in your book. This, of course, is the Eisenstein picture, snatches of which you saw in his studio in Moscow, under the title of *October*. The stupid censors have cut out much of the revolutionary scenes, and made the end flat, but they were not clever enough to remove the most dangerous propaganda: the part showing conditions in Russia before the revolution, and the horrors of the war with Germany and how the rich gambled on stock in ammunition factories while the men were dying in the trenches.

I am enclosing my translation of Dinamov's preface to *The Titan*. I think our young friend did some good work here, and some original thinking, distasteful as some of his observations may be to the author. I reluctantly translated quotations back into English, but I suppose I got the

idea anyhow. I didn't translate some of them fully if they long, for instance Sandburg on the first page.

I hope your letter comes soon, and forgive me for troubling you about the articles. As ever, Ruth.

Перевод:

17 августа 1928 г.

Пало-Альто, Калифорния

Дорогой ТД!

Получила твою телеграмму, завтра жду твое письмо и верстку книги. Надеюсь, что ты не беспокоишься, как это заметно из телеграммы, потому что ты наверняка должен был понимать, что я ничего не стану предпринимать, не получив твой ответ. Я уже отдала проект своей серии статей, которую упоминала в письме, и которая никакого отношения не имеет к тебе, так что только в случае, если бы они ее отвергли, я могла бы с твоего одобрения воспользоваться другой серией, раз они сами это предложили. Ненавижу этот проклятый бизнес — торговлю идеями, знакомствами, друзьями, но, поскольку, кажется, в нашей славной стране частного предпринимательства этим занимаются все поголовно, похоже, и я поддалась этому духу.

В Сан-Франциско вокруг меня подняли большой шум — как в той истории про лягушку-путешественницу. Я написала статью для местной газеты, в один из дней Гарри полностью посвятил мне свою колонку, а Гражданский форум попросил меня прочитать лекцию о России в зале Сен-Фрэнсис и подумать о возможности устроить лекционное турне под их эгидой. Мои старые боевые товарищи в Заливе [Сан-Франциско] стараются залучить меня для выступления, но, боюсь, что меня запишут в коммунисты, и я только распугаю публику, так что результат будет прямо противоположный тому, чего я хотела бы достичь. У моих друзей уже сложились свои убеждения, хоть и не основанные на точных фактах, и если я расскажу им правду, они придут в ужас и решат, что я уехала оттуда «разочарованной», — они ведь считают, что там должно быть либо все идеально, либо все плохо. Я от них устала. Но это касается не всех: лучшие из них не в Партии и идут в ногу со мной.

Смотрел ли ты в Нью-Йорке «Конец Санкт-Петербурга»? Я смотрела в Сан-Франциско. Если смотрел, то должен был заметить там твоего знакомого — красного директора ленинградской резиновой фабрики² в роли рабочего, который возглавляет забастовку

на фабрике, а затем солдатский бунт. Я не могла поверить, что это действительно он, пока не увидела его в самом конце крупным планом. Ошибиться я не могла — как ты помнишь, я зарисовала его портрет³. Интересный момент для твоей книги. Это, конечно, картина Эйзенштейна, фрагменты которой под названием «Октябрь» ты смотрел в его студии в Москве⁴. Бестолковые цензоры вырезали большую часть революционных сцен и финал сделали плоским, но у них не хватило ума убрать самую опасную пропаганду — ту часть, где показаны условия жизни в дореволюционной России и ужасы войны с Германией, и как богачи наживаются на военных заказах, пока солдаты умирают в траншеях.

Прилагаю свой перевод предисловия Динамова к «Титану». Думаю, наш молодой друг хорошо поработал и продемонстрировал оригинальное мышление, хотя некоторые его наблюдения могут не понравиться автору романа. Я неохотно делала обратный перевод цитат на английский, но, как мне кажется, все-таки передавала их основной смысл. Некоторые из них я не стала переводить полностью — например, из Сэндбурга на первой странице.

Надеюсь, что твое письмо придет скоро. Еще раз прости меня, что побеспокоила тебя с этими статьями. Всегда твоя Рут.

¹ Немой фильм В. Пудовкина 1927 г. (производство «Межрабпом-Русь») о событиях 1913–1917 гг., показывающий, как большевики пришли к власти.

² Александр Адамович Янен, поляк по национальности, родился в 1886 г. в семье крестьянина в Прибалтике. До 20 лет помогал отцу и старшему брату вести хозяйство и подрабатывал батраком. В 1906-м перебрался в Ригу, поступил на завод «Проводник», где работал до 1915 г. Затем переехал в Петроград, устроился на завод «Треугольник», участвовал в нелегальных рабочих кружках, в апреле 1917-го вступил в РСДРП(б). После революции стал директором резинового завода «Красный треугольник», с сентября 1929 г. был назначен управляющим строительством Пышминско-Ключевского медеэлектролитного комбината на Урале, затем управлял строительством Ярославского резино-асбестовского комбината, электростанцией в Нижнем Тагиле и на Ангаре, конторой Главснаба цветной металлургии в Свердловске. О визите Драйзера на завод «Красный треугольник» 29 ноября 1927 г. и беседе с А.А. Яненом см.: [РД: 240–247].

³ «Утром я посетил резиновую фабрику “Красный треугольник”, самую крупную в России. Мы пришли в кабинет ее красного директора (это человек, который вышел из рабочих и обучался при новой власти). Александр Адамович Иснен (далее Драйзер и Рут Кеннел называют его Янен. — *О. П.*), невысокий, грузный мужчина с закрученными усами, густыми бровями и острыми, пронизательными глазами на широком добром лице» [РД: 240].

⁴ Очевидно, Р. Кеннел путает два известных советских немых фильма — «Октябрь» С. Эйзенштейна и «Конец Санкт-Петербурга» Вс. Пудовкина, вышедшие в 1927-м — к 10-летию революции.

12. Р. Кеннел — Т. Драйзеру

August 25, 1928
Palo Alto, California

Dear TD:

I am returning the book proofs, much read through and corrected, criticized and even amplified, all in the margins, which seems to make quite a hodge-podge. Note: I have used on the galleys parenthesis when I did not mean my notes as text but only comments.

Don't expect me to say whether the book is good, bad or indifferent. I really seem incapable of judging, having soaked up so much of Russia that I am like a super-saturated sponge. I suppose in a way the book is a bit of realism for its contradictions and various moods are just what any thoughtful person goes through when he looks at Russia. My main worry is: will it be read? For there doesn't seem to be a great interest in the subject, and some of your chapters are pretty heavy. Below, as a supplement to my notes on the galleys, I am setting down some general ideas, suggestions and criticisms. If I have enough time and energy tomorrow, which is Sunday, after I have prepared my lecture for the S.F. Communists tomorrow evening on the same everlasting subject, I shall try to write some more to your vignette on Lenin. If not, then I shall send Monday, registered, air mail too risky, without Lenin supplement, as I don't want to hold you up.

Monday morn.

You will see I found time to re-write Lenin with a few alterations and additions I put in Jesus in place of Washington + Crommwell and also Communism in place of dict[atorship] of pr[o]l[etariat].

ARRANGEMENTS OF THE CHAPTERS, ETC. I suppose Chapter I has to stay where it is, but it's rather rambling for an introduction, and for instance, pages 14 to 16 about working conditions could have been incorporated in Chapter XI. I think Chapter II "Capital of Bolshevism" which is one of the liveliest and best chapters in the book, is misplaced, but on the other hand, it sort of encourages the reader to plunge into another rather rambling and dull philosophical discussion in the next chapter. Further Chapter IV "Russian vs American Temperament" is another delightful bit and will revive the reader no end for the next plunge into philosophy, politics and economics of the soviets in Chapters V, VI, VII, but I doubt if he will keep up his spirits through three such chapters. I was seasoned and

hardened to your arguments after traveling with them for three months, so managed to get through VI and VII without bursting into tears of rage. But I can never become reconciled to the bad construction of your sentences, and the inexcusable superfluity of words and parenthetical clauses.

You'll probably feel like boxing my ears, and say you didn't invite me to give you a literary criticism. Do forgive me — as you say, it's not important, but still I notice that when you are writing about things you are really enthusiastic about and thoroughly acquainted with, your style is much more concise than in such chapters as III, V and VII. Chapter VIII, about Leningrad, is very good, the next, "Tyranny of Communism", again bad, while the remainder are uniformly good and interesting. I think you got through Bolshevik Art very well. I don't care much for your three restaurants, but no doubt the average reader, unacquainted with the country, will find them interesting. I added for your consideration a character who frequented the Tolstoy Rest[aurant].

Chapter XVII, "Random Reflections", is splendid — I think this is the best form to employ in order to give a perspective on the intricate of Russia. But your last chapter, "Vignettes", I already told you I did not like when I read the article in the *Saturday Evening Post* — your worst grouches registered in enduring black and white. Not that I object so much to your incorporating them in the book. It gives just that much more realistic picture of your impressions. But to end the book with them, and to put "Lenin" right after that wretched incident of the homeless child!

I would suggest, even urge, that you put "Random Reflections" last and incorporate "Lenin" in them and the "Vignettes" in place of them in the next to the last chapter.

In conclusion, I should like to emphasize here two of the suggestions or corrections I indicated on the proofs:

Harold Bell Wright could never be popular in Russia — there is nothing in his stuff to appeal to the Russian temperament, and to include him is to misrepresent the Russian taste in literature as well as temperament. But anything snappy, adventurous, pioneering, or depicting American civilization in big cities, factories, etc. is interesting to them. Curwood, Zane Gray, London, Rex Beach, Fanny Hurst, all supply this appetite, but Harold — never!

About your Russian secretaries — this is a delicate subject for one of them to tackle, but I shall do it, nevertheless. I don't ask you to give me any publicity in your writings, but I ask you to refrain from giving this. At your own suggestion, (and you even incorporated it in the letters of recom-

mendation you gave me) I have mentioned to friends and persons to whom I applied for work the evidently advantageous fact that I was your secretary in Russia, and they have taken my word for it, and have been duly interested and impressed. But the publicity you have given to the matter thus far certainly makes me a liar or impostor or something, for, according to you, you had a horde of “secretaries” at your heels, all of them Communists assigned you by the Soviet government to be constantly at your service and protect you from baneful influences and fill you with propaganda. You thus strengthen the charge that it was “one of those personally conducted tours”, etc. I may lay myself open to the accusation that I am a little vain in this, but so do you in making it appear that you were so important over there that you had a number of secretaries at your beck and call. I don’t believe this of you at all, and in fact, am inclined to believe that you wanted to protect me from undue publicity by multiplying me and thus hiding my identity. But, as I say, it reflects on me in another way. I think it would be more reasonable to change the word “secretary” to “guide” or “interpreter” throughout the text, as they are always more numerous and less personal.

I wish I could have been of more help on the book, but I suppose it was just as well to do it this way. You have covered an enormous field, have created some delightful and true pictures, and some of your philosophizing I agree with, all of it I respect, and I think it’s more than half favorable to the soviets. But that is not important, as long as you give your impressions sincerely.

Shall write a personal letter later. Ruth.

Godspeed the Book!

Перевод:

25 августа 1928 г.

Пало-Альто, Калифорния

Дорогой ТД!

Возвращаю верстку книги, которую я тщательно вычитала и выправила, с критическими комментариями и даже с дополнениями — это все на полях, так что получилась изрядная мешанина. Примечание: в верстке я писала свои соображения в скобках, чтобы отличить их от вставок в текст.

Не жди от меня, что я скажу, получилась ли книга хорошей, плохой или нейтральной. Я неспособна вынести суждение, потому что так пропиталась Россией, что похожа на мокрую губку. Думаю, что в книге присутствует определенный реализм: ее противоречивость

и чувствующаяся в ней смена настроений — это именно то, что испытывает каждый думающий наблюдатель России. Главное, что меня заботит, — будут ли ее читать, поскольку тема, кажется, не вызывает большого интереса, да и некоторые главы получились слишком тяжеловесными. Ниже в дополнение к моим комментариям, вписанным вверстку, я сформулировала некоторые общие соображения, предложения и критические замечания. Если завтра, в воскресенье, у меня останутся силы и время после подготовки лекции все на ту же вечную тему для коммунистов Сан-Франциско, я постараюсь написать кое-что еще по поводу твоей зарисовки о Ленине. Если не получится, отправлю заказным письмом в понедельник (авиапочтой — слишком рискованно) без дополнения о Ленине — не хочу задерживать тебя.

Утро понедельника [27 августа]

Как видишь, я нашла время переписать «Ленина», внести кое-какие изменения и дополнения, заменив Вашингтона и Кромвеля на Иисуса, и написав «коммунизм» вместо «дикт[атура] пр[о]л[етариата]».

ПОРЯДОК ГЛАВ И ПРОЧ. Я думаю, глава I должна остаться на своем месте, хотя она слишком сумбурна для введения, а, например, страницы 14–16 об условиях труда могли бы быть включены в главу XI. Глава II «Столица государства большевиков»¹, одна из самых живых и удачных в книге, явно не на своем месте, но, с другой стороны, она побуждает читателя погрузиться еще в одну сумбурную и скучную философскую дискуссию в следующей главе. Далее, глава IV «Характер русский и характер американский» тоже написана легко и приятно, и также освежает читателя перед следующим погружением в философию, политику и экономику советского строя в главах V, VI, VII — но я сомневаюсь, что читателю удастся сохранить свежесть после всех этих трех глав. Я человек закаленный, поскольку путешествовала с тобой три месяца и привыкла ко всем твоим аргументам, так что мне удалось прочитать главы VI и VII, не разрыдавшись от ярости. Но я никогда не смирюсь с твоим скверным синтаксисом, ненужным многословием и придаточными предложениями в скобках.

Возможно, ты сейчас готов выдрать меня за уши и объявить, что вовсе не просил меня выступать в качестве литературного критика. Прости меня, пожалуйста, это, как ты говоришь, совсем не важно, но все-таки я заметила, что когда ты пишешь о темах, которые тебя вдохновляют, которые ты хорошо знаешь, твой стиль становится

гораздо более лаконичным, как, например, в главах III, V и VII. Глава VIII о Ленинграде очень хороша, а следующая, «Самовластье коммунизма», — снова плохая, в то время как все остальные главы написаны ровно и очень интересны. Я думаю, что ты отлично справился с главами об искусстве в стране большевиков. Меня не слишком волнуют «Три московских ресторана», но для рядового читателя, незнакомого с Россией, это, конечно же, будет интересно. Я добавила твой рассказ о постоянном посетителе ресторана толстовцев.

Глава XVII «Наугад вспоминаемое о России» просто великолепно — мне кажется, что это лучший способ приоткрыть загадку России. Но, как я уже говорила, последняя глава «Несколько картинок из русской жизни» мне не нравится — еще с тех пор, как я прочла эту часть в виде статьи в *Saturday Evening Post*²: это худший образчик твоего брюзжания, картина, нарисованная в черно-белых тонах. Не то, чтобы я возражала против включения всего этого в книгу — это придает реалистичности твоим впечатлениям. Но зачем заканчивать так книгу, да еще и ставить «Ленина» сразу после гадкой истории о беспризорнике!

Я предложила бы сделать «Наугад вспоминаемое о России» последней главой и включить в нее «Ленина», а «Несколько картинок» поменять с ней местами и сделать предпоследней главой.

В заключение я хотела бы подчеркнуть два предложения (или поправки), которые я указала в верстке:

Гарольд Белл Райт³ никогда не мог бы стать популярным в России: в его сочинениях нет ничего, что было бы близко русскому темпераменту, называть его — значит исказить русский характер и литературные вкусы русских. Им интересна литература острая, открывающая что-то новое, приключенческая или описывающая жизнь американского большого города, фабрики и т.д. Кервуд⁴, Зейн Грей⁵, Лондон, Рекс Бич⁶, Фанни Херст⁷ удовлетворяют этим вкусам, но только не Гарольд!

Что до твоих русских секретарей — для одной из них это весьма деликатный вопрос, и, тем не менее, я его все-таки затрону. Я не прошу тебя рекламировать меня в твоих сочинениях, наоборот, прошу воздержаться от этого. Ты сам предложил мне (и даже вставил это в свои рекомендательные письма, которые ты дал мне), рассказать моим друзьям и людям, к которым я обращалась в поисках работы, о том во всех отношениях выигрышном для меня факте, что я была твоим секретарем в России. Они поверили мне на слово, проявили

интерес и должным образом оценили это. Но та реклама, которую ты мне делаешь, выставляет меня обманщицей, мошенницей или чем-то в этом роде, потому что ты пишешь, что в России к твоим услугам была целая «стая» секретарей — все коммунисты, приданные тебе советским правительством; всегда в твоём распоряжении, они защищали тебя от вредных влияний и накачивали пропагандой. Таким образом ты обосновываешь тезис, что это был «один из тех туров, которые проводились на индивидуальных условиях» и т.п. Я понимаю, что даю повод к обвинениям в тщеславии, но и ты поступаешь точно так же, делая вид, что в России ты был важной особой, что тебе предоставили несколько секретарей, готовых броситься к тебе по первому знаку или зову. Впрочем, я не верю, что тебе это свойственно, и склонна думать, что ты просто хотел защитить меня от ненужной известности и потому «размножил» меня, чтобы скрыть от публики одного реального человека. Но, как я уже написала, на мне это отразилось совсем иначе. Думаю, было бы разумно заменить на протяжении всей книги слово «секретарь» на «гид» или «переводчик», поскольку их всегда бывает много и отношения с ними более формальные, не такие личные.

Мне бы хотелось больше помочь тебе с книгой, но на сегодняшний момент я, как мне кажется, сделала все, что могла. Ты поднял колоссальную тему, нарисовал увлекательные и правдивые картины. Я уважаю все твои мысли, со многими из них я согласна и думаю, что более половины из них благоприятны для Советов. Впрочем, это не так важно, главное — ты пишешь о своих впечатлениях искренне. Позже напишу о личных делах. Рут.

Удачи с книгой!

¹ Мы приводим здесь названия глав так, как они даны в русском издании 1998 г. [ДСР].

² “Russian Vignettes,” *Saturday Evening Post* 200, April 28, 1927, 18–19, 80–82.

³ Гарольд Белл Райт (Harold Bell Wright, 1872–1944) — автор бестселлеров, очень популярный в первой половине XX в. и совершенно забытый после Второй мировой. За 1900–1945 гг. выпустил около 20 книг, создал ряд пьес и множество журнальных статей. По его романам, выходявшим огромными тиражами, было снято более 10 фильмов, в том числе был экранизирован его самый известный роман «Ковбой с холмов» (*The Shepard of the Hills*, 1919; фильм, 1941).

⁴ Джеймс Оливер Кервуд (James Oliver Curwood, 1878–1927) — автор бестселлеров в жанре приключенческой литературы в духе Джека Лондона. Действие его книг разворачивается у Гудзонского залива, на Юконе, на Аляске. Пик популярности Кервуда пришелся на первую половину 1920-х. По его книгам снято более 100 фильмов.

⁵ Зейн Грей (Zane Gray, 1872–1939) — автор около сотни приключенческих

романов-вестернов, ставший миллионером благодаря писательскому успеху; по его произведениям снято более 110 фильмов. Зейн Грей вдохновлялся творчеством основателя жанра вестерна Оуэна Уистера (Owen Wister) и его знаменитым романом «Виргинец» (*The Virginian*, 1902) и стал одним из создателей литературного мифа о «Старом Западе».

⁶ Рекс Бич (Rex Beach, 1877–1949) — писатель и спортсмен, автор приключенческих романов, в основном о золотой лихорадке на Аляске в духе Джека Лондона. Романы основаны на личном опыте — Р. Бич пять лет был старателем на Клондайке. Самые знаменитые из них — «Негодяи» (*Spoilers*, 1906), «Серебряная стая» (*Silver Horde*, 1909). Многие его романы экранизированы, некоторые несколько раз.

⁷ Фанни Херст (Fannie Hurst, 1885–1968) — автор сентиментально-романтических и любовных рассказов и романов-бестселлеров с элементами социальной проблематики (семья в обществе, положение женщины, расовый вопрос). В ее прозе заметно влияние Диккенса, Томаса Гарди. Пик популярности ее творчества пришелся на 1920 — начало 1930-х. Ф. Херст была одной из самых читаемых и продаваемых писательниц первой трети XX в.

13. Т. Драйзер — Р. Кеннел

25 сентября 1928 г.

Дорогая Рут!

Спасибо за твое суровое назидательное письмо, которое пришло в прошлую пятницу.

Я с величайшим тщанием и вниманием изучил и принял практически все поправки, которые ты предложила. Например, я поменял местами главы XVII и XVIII. Поместил Капитана Ленина¹ в самый конец. Размышлял над твоими пометами на полях, и внес те, которые были обоснованы (то есть, почти все). В паре мест ты не поняла, что я имел в виду. Так, например, и с философской, и с практической точки зрения есть большая разница между религией и догматической религией. Существует, например, религия, которая возникает как благоговейное и трепетное преклонение перед красотой и мудростью творческой силы. Ей наслаждаются многие люди, свободные от догм. А есть мировые догматические религии. Думаю, многие готовы признать это разделение. Что касается твоего возражения по поводу описания русской избы, в которой вместе с членами семьи живут коровы и свиньи, как ты думаешь, откуда я это взял? Дочь Толстого Ольга² самолично предложила мне задержаться на день-другой, чтобы показать мне не четыре избы, а пару дюжин. И все, примыкающие к Ясной Поляне. Я подробно расспрашивал ее об устройстве жилища, еде, санитарных условиях, одежде крестьян и т.д.

Это было днем, перед чтением произведений Толстого. Но если ты сомневаешься, спроси у своего друга Вуда, который рассказывал мне о том, что он видел своими глазами. Резвик тоже может подтвердить, каковы условия жизни в деревнях, поскольку он хорошо это знает, и Сергей³, который рассказывал мне в твоём присутствии, если я правильно помню, о том, что это часто встречается на Кавказе. Есть еще книга Альберта Риса Вильямса⁴, которую он недавно прислал мне, а также личное свидетельство Леона Левинсона⁵, еврейского критика, с которым я был в Еврейском художественном театре⁶ в Москве. Он видел это в двадцати милях к югу от Ростова, и его рассказ в точности совпадал с картинами, нарисованными Ольгой Толстой. Так что это — часть России 1928 года, и без этого картина не будет полной и честной.

Теперь о секретарях. Все твои «переводчики» включены в их число. Однако как быть с маленькой дурехой, с которой я ругался от Москвы до Баку?⁷ Или с твоим поклонником Тривасом, который ездил с нами в Ленинград, или с пареньком, который еще до того, как ты появилась, возил меня в московскую тюрьму, а потом сопровождал нас в Новгород?⁸ Или с разными советскими представителями в разных городах, которые занимались этим благородным делом? Так или иначе — и независимо от этого здесь в Америке могут возникнуть обстоятельства (личного свойства), которые потребуют (скажем так, из доброжелательности) хранить молчание о некоей конкретной секретарше⁹. Так что мы часто ясно представляем и четко формулируем свои собственные планы — но не понимаем планы других людей.

Что касается «скверно построенных фраз», «неоправданного многословия и придаточных предложений» — виноват, каюсь. Грешу этим всю жизнь. Все мои книги заполнены этим. Надо было начинать меня воспитывать еще с «Сестры Керри». Но по крайней мере одна глава написана хорошо, в этом я уверен, — о положении женщин в России. Думаю, что в этой области я чемпион — скажешь, нет?

Вот что меня в этой связи забавляет. Ты пишешь, что глава III — это «сумбурная и скучная философская дискуссия». На самом деле, эта глава — та самая статья в *Vanity Fair*¹⁰, о которой ты с таким энтузиазмом говорила, что она лаконичная, информативная, и что советское правительство должно быть благодарно за такое ясное и честное изложение сути дела. Утешает меня только одно: если ты ошиблась в первый раз, может статься, что и второе твоё суждение — не абсолютная истина. Не так ли?

А вот чего я действительно боюсь, так это того, что написав эту книгу, я в каком-то отношении перешел тебе дорогу. Если так, мне очень жаль. Но я не вижу, как можно было избежать этой ситуации. Международный газетный синдикат, который купил мою серию статей, хотел выпустить это в форме газетных публикаций. Издательство *Liveright*, у которого со мной подписаны договоры, стало возражать и потребовало от меня книгу. Издательства *Covici & Friede* и *Simon & Schuster* тоже меня торопили с публикациями, а *Constable* хотело напечатать меня в Англии. В конце концов я достал свой дневник и принялся за работу. В итоге появилась эта мешанина, которая так тебя огорчает. Но я обещаю, что постараюсь сделать все, что смогу, чтобы улучшить ее. Несмотря на это мое брюзжание и попытки кое-что оспорить, я, правда, очень благодарен тебе за то, что ты указала мне как на недостатки, так и на удачи. Я знаю, что ты хочешь мне только добра. И если я смогу тебе когда-нибудь пригодиться, только скажи — и увидишь, будет ли от меня толк, или нет.

От всего сердца с любовью — Т.Д.

Оригинал письма см.: [LW: 202–203].

¹ Так Драйзер шутливо называет Ленина.

² Драйзер в сопровождении Рут Кеннел посетил Ясную Поляну 20 ноября 1927 г. [РД: 188–193]. В записи об этой поездке в «Русском дневнике» Драйзер ошибочно называет Ольгой дочь Толстого Александру Львовну Толстую (1884–1979), которая стала хранителем музея в Ясной Поляне [РД: 190]. Эту же ошибку он повторяет в письме. Возможно, эта путаница произошла из-за того, что в день приезда Драйзера в Ясной Поляне находилась Ольга Константиновна Дитерихс-Толстая (1872–1951), бывшая замужем за сыном Л. Толстого А.Л. Толстым: ее Драйзер в «Русском дневнике» называет «племянницей Толстого».

³ С.С. Динамов.

⁴ Альберт Рис Вильямс (Albert Rhys Williams, 1883–1962) — американский левый журналист и публицист, очевидец и участник революционных событий в России в 1917 г. Горячо поддерживал Советскую Россию и СССР. Автор целого ряда статей, памфлетов и книг о России. Драйзер, очевидно, имеет в виду его книгу «Русская земля» (*The Russian Land*. New York: The New Republic, 1927).

⁵ Леон Левинсон (Leon Levinson, 1881–1936) — родился в Цфате, в семье раввина; принял христианство и переехал в Британию. Возглавил созданный в 1921 г. в Лондоне Международный еврейско-христианский альянс (International Christian Hebrew Alliance), поддерживавший разные еврейские христианские конгрегации и идеи политического сионизма.

⁶ ГЕКТ. См. примечание к письму Р. Кеннел от 17 января 1928 г.

⁷ София Давидовская, гид-переводчик ВОКС, сопровождавшая Драйзера вместе с Рут Кеннел во время поездки по разным городам и республикам СССР.

⁸ Пенитенциарные заведения входили в программу сталинских «культпоказов».

Экскурсия в тюрьму состоялась на следующий день после прибытия Драйзера в Москву — 5 ноября 1927 г. См. запись о ней: [РД: 104–106]. С небольшой группой (4 экскурсанта) поехал переводчик, очевидно от ВОКС. Никаких подробностей о нем Драйзер не сообщает — как ничего не говорит о том, что с ним в Нижний Новгород ездил кто-то еще кроме Кеннел и гида-переводчика ВОКС Софии Давидовской.

⁹ Драйзер объясняет, что не может назвать всех гидов, переводчиков, сопровождающих и прочих сотрудников, работавших с ним в России, и причислить их к своим «секретарям». Он также подчеркивает, что могут быть причины личного порядка скрывать имя и личность того или иного сотрудника, например, из деликатности, как в случае с самой Рут Кеннел, которая была одновременно и секретарем, и любовницей Драйзера.

¹⁰ Драйзер имеет в виду свою статью «Россия: великий эксперимент» (“Russia: The Great Experiment,” *Vanity Fair*, June 30, 1928, 47–48), которая затем в качестве главы была включена в книгу «Драйзер смотрит на Россию».

14. Р. Кеннел — Т. Драйзеру

October 2, 1928
Palo Alto, Calif.

Dear TD:

My friend, O’C[allaghan] is arriving in New York in a few days, and I won’t be there to look after her. She will probably try to find something to do in New York, or, if unsuccessful, may come out here for me. Or I may come to her in New York and we’ll set up a ménage. Anyhow, you know, she is awfully capable and clever and accomplished (or she wouldn’t be my friend), knows four languages and has had publishing experience. I have taken the liberty of giving her your address and telephone (the only person, and I’m sure she will use it discreetly) and perhaps you might help her in some way. What about Friede, who offered me the job plus? You know, O’C[allaghan] is a dear friend of Liam O’Flaherty and Friede is crazy about Liam. Only don’t tell Friede she is a friend of mine. It might bring up unpleasant memories! But O’C[allaghan] can take care of herself.

I have not heard from you for a long time, except the note accompanying the returned manuscript of my mother. Thank you very much for your trouble. We will follow your advice and send it to *Rejections*. She has another story which I like better and we will send them both.

I heard from Sergei yesterday. He writes that he will go to Gossizdat about your business: “In near time I shall ask in Gossizdat about D[reis-er]”. He enclosed a clipping from a Moscow paper which is a review of *American Tragedy* and *Chains*. I shall send you the translation.

I hope you are well and happy. It is very quiet here, almost lonesome, and I am trying to write. After weeks of perfect sunshine, there are rain clouds in the sky. Have you forgiven me everything, and do you still like me — or have I hurt you in some way? I still love you, honey, and want to be your helpful friend.

As ever, Ruth.

Перевод:

2 октября 1928 г.

Пало-Альто, Калифорния

Дорогой ТД!

Моя подруга Мэй О'Каллаган на несколько дней приезжает в Нью-Йорк, но меня там не будет, и я не смогу позаботиться о ней. Наверное, она найдет, чем заняться в Нью-Йорке, или, в крайнем случае, сможет приехать сюда погостить у меня. Может быть, я смогу приехать к ней в Нью-Йорк, и мы повидаемся все троим. В общем, ты знаешь, что она невероятно умна, способна и прекрасно воспитана (иначе она не была бы моей подругой), знает четыре языка и обладает опытом в издательском деле. Я позволила себе снабдить ее твоим адресом и телефоном (я дала их только ей одной и гарантирую, что она будет пользоваться ими благоразумно), и может быть, ты ей в чем-нибудь поможешь. А как насчет Фриде¹, предлагавшего мне работу? Ты знаешь, что О'Каллаган близко дружит с Лиамом О'Флаэрти², а Фриде обожает Лиам. Только не говори Фриде, что она моя подруга — это может пробудить неприятные воспоминания. Впрочем, О'Каллаган совершенно самостоятельный человек, и сама может позаботиться о себе.

[...] Вчера получила вести от Сергея. Он пишет, что пойдет в Госиздат по твоим делам: «В ближайшее время я спрошу в Госиздате про Д[райзера]». К письму он приложил вырезку из московской газеты с рецензией на «Американскую трагедию» и «Цепи»³.

Надеюсь, что у тебя все хорошо и ты счастлив. Здесь очень тихо, можно даже сказать, одиноко, и я пытаюсь писать. После прекрасных солнечных недель на небе появились тучи. Простил ли ты меня за все? Нравлюсь ни я тебе по-прежнему? Или я чем-то обидела тебя? Я по-прежнему люблю тебя, милый, и хочу оставаться твоим другом и помощником.

Всегда твоя Рут.

¹ Дональд Фриде (Donald Friede) — американский издатель, вице-президент издательства Boni & Liveright, в 1928-м вместе с Паскалем Ковичи создавший нью-йоркское издательство Covici & Friede, которое обанкротилось в 1937 г.

² Лиам О'Флаэрти (Liam O'Flaherty, 1896–1984) — англо-ирландский писатель, выходец из бедной крестьянской семьи, участник «кельтского возрождения», член компартии Ирландии с 1920 г., друг О'Каллаган, которая активно способствовала популяризации его творчества в СССР и завязыванию советских контактов. С. Динамов в 1920 — начале 1930-х состоял в переписке с Л. О'Флаэрти и посвятил ему несколько статей, характеризуя его как «революционного писателя».

³ Вероятно, речь идет о рецензии Е. Истоминой в еженедельнике «Читатель и писатель» (1928. 18 августа. № 33. С. 4).

15. Р. Кеннел — Т. Драйзеру

October 24, 1928
Palo Alto, California

Dear TD:

As if in telegraphic answer to my letter mailed the day before, yours of October 18, came yesterday. I hold up the letter and Mooney material several days thinking every day would bring a letter from you; but finally sent it just a day early! Well, you say there are no “hard feelings”, so I shall take that as an answer, though I wouldn't object to another answer, in more detail. Thank you for the information about your Russian book.

A letter from Sergius yesterday says he has sent you a “business letter”. In it he probably told you the same thing he writes me, i.e. that you will not be paid for *The Titan* because it was not published by Gossizdat, that you will receive money only for *A Gallery of Women*, if Gossizdat accepts it for publication — which he thinks they may not do, if the “ideology” does not suit them: I suppose this means that you will not be paid for *The Financier*, *Chains* and *American Tragedy* also published by *Land and Factory*, which they slyly refuse to recognize as being a part of Gossizdat.

Reading over the contract again, I can find no mention of anything which would bind them to paying for the above works, since they do not mention them, and only agree to pay you for future works which you are to send in manuscript. Does this apply also to your book about Russia, which Sergius says he has the proofs of. Did your publisher send them? Or perhaps I misunderstood his English.

So if they like your *Gallery of Women*, you will get a thousand dollars at least! You might as well send them the manuscript because they will publish it anyhow later and you will just lose \$1000. I'm sorry things are

so — I feel like apologizing as a mother would for a naughty child — but you know even American publishers won't pay any more than they have to pay to poor authors!

Are you enjoying the election campaign? You should be for Smith, since he's from your home-town, and by the same token I should be for Hoover. Mr. Wood is running around the country with Smith, but in a letter to me sounds quite cynical: he calls Hoover a "stuffed shirt", while Smith is a "BVD". I find this election very exciting — the candidates are such decided types, and while I say I don't care one way or the other, because it really can't make much difference, still — I do like Smith better personally, and I would like to see that old hunk of big business, Hoover, defeated. But I advise you to vote for Norman Thomas!

As ever, yours for the Revolution! Ruth.

Перевод:

24 октября 1928 г.

Пало-Альто, Калифорния

Дорогой ТД!

Вчера пришло твое письмо от 18 октября — словно ответ телеграфом на мое, отправленное позавчера. Я несколько дней откладывала отправку своего письма и материала о Муни¹, потому что каждый день ждала письма от тебя, и наконец отослала — на один день раньше! Ну что же, ты пишешь, что у тебя нет «горьких чувств», и я приму это как ответ, хотя была бы не против получить еще один ответ, более подробный. Спасибо тебе за сведения о твоей русской книге.

Во вчерашнем письме от Сергиуса сказано, что он послал тебе «деловое письмо». В нем он, вероятно, пишет тебе то же самое, что и мне, а именно, что тебе не заплатят за «Титана», потому что его опубликовал не Госиздат, что ты получишь деньги только за «Галерею женщин», если Госиздат примет ее к публикации — а этого может и не случиться, если она им не понравится «идеологически». Полагаю, это значит, что тебе не заплатят и за «Финансиста», «Цепи», «Американскую трагедию», поскольку все это опубликовано в издательстве «Земля и фабрика», и они хитрят, отказываясь признавать его частью Госиздата².

Перечитываю контракт и не вижу там ничего, что могло бы обязать их выплатить деньги за вышеперечисленные произведения, поскольку они там даже не упомянуты, и они обещают только выплаты

за будущие сочинения, которые ты должен высылать им в виде рукописей. Относится ли это и к твоей книге о России, о которой Сергиус пишет, что у него есть верстка? Это твой издатель послал ему верстку? Или, может быть, я неправильно поняла его английский.

Итак, если они хотят твою «Галерею женщин», значит, ты, наконец, все же получишь свою тысячу долларов! Ты мог бы спокойно послать им рукопись, потому что они в любом случае опубликуют книгу позже, а ты иначе потеряешь тысячу долларов. Мне очень жаль, что все так получилось, — я чувствую себя как мать, которая вынуждена извиняться за невоспитанного ребенка, но ты ведь знаешь, что даже американские издатели никогда не заплатят бедным авторам ничего сверх того, что обязаны заплатить!

Как тебе нравится выборная кампания³? Ты наверняка за Смита, он ведь твой земляк, а я по этой же причине должна быть за Гувера. Мистер Вуд мотается по стране со Смитом, но в письме ко мне высказывается весьма цинично: называет Гувера «чучелом набитым», а Смита «трусоватым»⁴. Я считаю, что выборы очень интересные: каждый кандидат представляет собой совершенно определенный типаж, и хоть я и говорю, что никому не отдаю предпочтения, потому что не вижу между ними разницы, все-таки мне лично больше симпатичен Смит, и я бы хотела, чтобы Гувер, этот старый толстосум, потерпел поражение. Но я советую тебе голосовать за Нормана Томаса⁵!

Всегда твоя революционерка Рут!

¹ Том Муни — Томас Джозеф Муни (Thomas Joseph Mooney, 1882–1942) — активист рабочего и профсоюзного движения, был арестован по ложному обвинению в организации взрыва в Сан-Франциско во время демонстрации 22 июля 1916 г. за вступление США в Первую мировую войну. После показательного судебного процесса в 1917 г. был приговорен к смертной казни, замененной в 1918 г. на тюремное заключение. Стал одним из самых известных политзаключенных в США. В США и в мире развернулась широкая кампания солидарности с Томом Муни, в которой участвовали социалисты, коммунисты, ряд знаменитых политиков, деятелей культуры. Муни вышел на свободу в 1939 г. Драйзер был участником кампании: он обращался к губернатору Калифорнии с ходатайством об освобождении узника, посетил Муни в тюрьме в мае 1930 г. и несколько раз выступал в прессе. Он осудил отказ губернатора Дж. Ролфа помиловать Муни (“Dreiser Denounces Infamous Rolph Decision on Mooney,” *Daily Worker*, April 22, 1932, 2), в апреле 1933-м опубликовал памфлет «Том Муни».

² «Земля и фабрика» — государственно-акционерное издательское общество (осн. 1922). В 1930-м вошло в состав Государственного издательства художественной литературы (ГИХЛ). Собрание сочинений Драйзера под общей редакцией Динамова в 1928–1929 гг. выходило в «ЗиФ». Были изданы тт. 2–7

и 10–12. Последний том без номера «Галерея женщин» был издан в 1933 г. в ГИХЛ.

³ Президентские выборы проходили 6 ноября 1928 г., на них соперничали губернатор штата Нью-Йорк демократ Альфред Смит и министр торговли республиканец Герберт Гувер, победивший на выборах и ставший 31-м президентом США. В 1918–1923 гг. Гувер возглавлял Американскую администрацию помощи (ARA), которая оказывала помощь разоренной войной и революцией голодающей России. Гувер не раз высказывал свое негативное отношение к большевизму. В 1928 г. в президентских выборах участвовали также Норман М. Томас от социалистической партии (см. ниже) и Уильям З. Фостер от компартии США. Драйзер высказался о выборах в прокоммунистическом еженедельнике *New Masses*: “Theodore Dreiser on the Elections,” *New Masses* 4 (November 1928): 17.

⁴ В оригинале Гувер — “stuffed shirt” (*идиом.* напыщенный зануда и ничтожество; *букв.* «набивная рубашка»), Смит — “BVD” («Брэдли-Вурхис-Дэй» — знаменитая фирма мужского нижнего белья, названная по фамилиям ее основателей). Саркастическая шутка Вуда построена на сравнении кандидатов с мужской одеждой: Гувера — с «набивной рубашкой», а Смита — с мужскими трусами.

⁵ Норман Томас (Norman Mattoon Thomas, 1884–1968) — священник пресвитерианской церкви, социалист, пацифист, на президентских выборах 1928 г. был кандидатом от Социалистической партии. Приветствовал Русскую революцию 1917 г., затем занял жесткую антисталинистскую позицию.

16. Р. Кеннел — Т. Драйзеру

November 5, 1928
Palo Alto, California

Dear TD:

I received your letter about Mooney — you are fine and generous, just as I knew you were. I am writing Mooney about it, to cheer the poor soul. Even if these efforts are in vain, they help pass his days, months and years and keep alive a bright ray of hope. In writing the Governor, you might mention that you are opposed to parole and why.

I also received your book! And noted your autograph. Thank you. It makes a very attractive book, beautifully bound and decorated, and now I glance through the text, not with an eye of a corrector and critic, but as an admirer and friend — and lo! it's a good book, very original, the first of its kind certainly about Russia and certainly the first humour that has been published about the Soviets (barring Will Rogers). That chapter on Moscow is the best, I believe, it's just you, so completely, and your peculiar reaction to Moscow, just how you used to talk about them! And the *primus*! And Chapter III (to open old wounds — and put salve on them) I really did make a blunder there when I included it in your dull and rambling chapters — honestly, honey, it was just an error, I didn't mean that chapter,

because just as I wrote you about it when it appeared in *Vanity Fair*, it is concise and fair, perhaps dull to some, but not rambling.

O'C[allaghan] wrote me that she saw you, that you were very friendly and helpful, that you were having your portrait painted, and had grown very thin and looked much younger. But, what care I how fare he be...

I am waiting for the letter about "us". As ever, Ruth.

P.S. Now that your book on Russia is out at last, I suppose the American Soviet professional patriots will proceed to criticize it — now for you the deluge! Still you must be given credit for remaining silent about VOKS and madame Kameneva (Bitchovitch).

Перевод:

5 ноября 1928 г.

Пало-Альто, Калифорния

Дорогой ТД!

Я получила твое письмо про Муни — ты все такой же чудесный, и щедрый, каким я всегда тебя знала. Я сейчас пишу об этом Муни, чтобы подбодрить беднягу. Даже если эти усилия пропадут даром, он помогут ему прожить эти дни, месяцы и годы и не дадут угаснуть яркому лучу надежды. В письме к губернатору¹ ты мог бы упомянуть, что ты против условно-досрочного освобождения и объяснить, почему.

А еще я получила твою книгу! С твоим автографом. Спасибо! Книга очень симпатичная, с красивым переплетом, и сейчас, когда я просматриваю текст уже не как корректор и критик, а как твой друг и поклонница — ух ты! Книга-то хорошая, очень оригинальная, бесспорно первая в таком роде о России, и, определенно первый рассказ о Советах с юмором (не считая Уилла Роджерса²). Глава о Москве, на мой взгляд, — самая лучшая, ты весь там со своими особенными реакциями на Москву, именно так ты обычно о ней и говорил! И примус! А глава III (открою старые раны — чтобы тут же положить на них бальзам) — это было с моей стороны грубым промахом причислить ее к скучным и сумбурным главам, честное слово, милый, это была моя ошибка. Я не имела в виду эту главу, потому что, как я написала тебе, когда она вышла в *Vanity Fair*, она хорошая, немногословная и выразительная, и никак не сумбурная, хотя кому-то может показаться скучной.

О'Каллаган написала мне, что видела тебя, что ты был с ней приветлив и помог ей, что ты сейчас позируешь для портрета, что ты

очень похудел и стал выглядеть очень молодо. Но что мне до того, как изменился он...³

Жду от тебя письма «про нас». Всегда твоя Рут.

P.S. Полагаю, что сейчас, когда наконец твоя книга о России вышла в свет, американские профессиональные патриоты Советов кинутся критиковать ее — готовься к настоящему потоку! Однако стоит отдать тебе должное за то, что ты хранил молчание о ВОКС и мадам Каменевой (Стервовозне).

¹ 26-й губернатор Калифорнии К. К. Янг (1927–1931).

² Уильям Пенн Эдер «Уилл» Роджерс (William Penn Adair “Will” Rogers, 1879–1935) — знаменитый американский комик, актер, журналист и путешественник. В 1926 г. был корреспондентом в Советской России от газеты *Saturday Evening Post*, автор книги «В России нет ни одного купальника, и другие голые факты» (*There's Not a Bathing Suit in Russia & Other Bare Facts*. New York: A. & C. Boni, 1927. 149 p.)

³ Цитата из стихотворения английского поэта Дж. Уитера (George Wither, 1588–1667) «Умру ль в отчаянии я...» (“Shall I Wasting in Despair”).

17. Р. Кеннел — Т. Драйзеру

November 21, 1928
Palo Alto, California

Dear TD:

Yesterday came your letter and the copy of your letter to the Governor. I was very much pleased with it. I should imagine the Governor will squirm a little over it, and it will be interesting to see what he will do. Of course, he may not know who you are! California is almost off the U.S. map, you know, and may ignore it. If he does, as you say, good publicity can be had by publishing your letter in the papers. You remember that Al Smith said: “I would rather be a lamp-post in New York than Governor of California”.

Speaking of politics, the Communists pulled off a very worth while demonstration Sunday night in Palo Alto, at the farewell ceremonies for Hoover. There were about 2,500 admiring and worshipping fellow-citizens gathered at the railroad station to see our next President off. As he came out on the observation platform to speak, six Communists unfurled concealed banners under his very nose. On them was written: “Down with American Imperialism” “Fight against Imperialist Wars. Not a Cent, not a Man, not a Gun for Imperialist Wars” “Remove our Troops from Nicaragua”. Hoover

beat a hasty retreat inside the car, police seized and handcuffed three young men, and arrested two more women — friends of mine, wealthy residents of Palo Alto. Unfortunately I was not arrested. Their case comes up Friday on a charge of disturbing a peaceful assemblage. I'll say it did that. The sedate and cultured Palo Alto-ins were so distressed. Hoover wired that he recommended their release since he thought it was a "foolish college-boy prank". But it spoiled his departure.

Honey, do tell me more details of this plagiarism business you mention so casually. Let me know if there is anything I can do to kill your enemies. It is certainly absurd on the face of it. But I have often wondered why American conservatives didn't launch a press attack on you and try to weaken, destroy, even, your prestige, and hence your influence. How is your Russian book selling and what do radicals and conservatives and liberals think of it?

O'C[allaghan] wrote me about your wonderful weather. Ours is too! We have had only three days of rain, and then it was very dreary. It is dull here and I am at the typewriter day and night. You will note that I have worn out one machine already, and have a new one. Yes, I am trying to write, using my Russian experiences as a start, am writing a children's book about Russia which *Bobbs-Merrill* may take. It is about the besprizorni (homeless children). Now don't swear! But it's not propaganda for or against, altho[ugh] it may explain the phenomenon to some prejudiced people, like yourself. I have also started some stories about Americans in Russia, which should be exciting (don't you think?). But why talk about what I am doing until it is done. If I fail to make a start as an author, then I'll have to get a job! But this is the first time in my life I have had leisure and quiet to write and I am trying to make the best of the chance. I long for New York and all my interesting friends, but if I were here, I should simply put all my energies into making a living and social life and have no time for writing. If I get a start, then of course New York will be wonderful to make up residence in. I suppose my ambitions make you smile, for you remember all your years of drudgery and hardships, but of course the Russian angle might get things published not on their literary merits, and this would give me a beginning.

Jimmie is going to school in Bronxville and has already learned to read and write and writes me appealing letters to come to him and bring his kitty. His father also writes less pointedly.

Mr. Tosh arrived and we are a snug little family. It costs me almost nothing to live here, or of course I shouldn't be able to live without a job.

I'm so glad you sound happy, which you must be to "dream the days away". How is you "Gallery of Women"? Did I really cause you a lot of trouble by withdrawing the portrait? I am enclosing the Tolstoy number of *Krasnaya Neva* (*Red Neva*) which may be interesting to you for the pictures. I have translated some of the headings and titles and little paragraphs. The other I shall translate if you wish me to, as I wrote at the bottom. The Moscow LEFT is dividing on theories and Mayakovsky has left them to do battle individually against "right" literature and art, still boosting for the industrially useful quality of art and the importance of the newspaper, movies and kino for its expression. It will take them some time to settle down to real work.

I could keep on gossiping this way for some time, but must get to work. Serguey writes me occasionally and sends me literature. By all means send the Russian clippings, if you really want to know what they are about.

As ever, affectionately, Ruth.

P.S. As you suggested, I sent my mother's story and another one of hers which I also like to *Rejections*. That was a month ago and they have not replied. I enclosed a stamped addressed envelope. I did not, of course, mention your name.

Did you know the Civil liberties Bureau has taken up the Mooney defense again?

Перевод:

21 ноября 1928 г.

Пало-Альто, Калифорния

Дорогой ТД!

Вчера пришло твое письмо вместе с копией твоего письма губернатору. Мне оно очень понравилось. Могу себе представить, что оно заставит губернатора немного понервничать, и интересно будет узнать, что он предпримет. Но, конечно, он может не знать, кто ты такой! Калифорния, как известно, почти за пределами карты США, так что он может и проигнорировать письмо. Если это будет так, можно придать делу хорошую огласку, опубликовав письмо в прессе. Помнишь, как сказал Эл Смит!: «Я предпочел бы быть фонарным столбом в Нью-Йорке, чем губернатором в Калифорнии».

Кстати, о политике: коммунисты устроили в Пало-Альто неплохую демонстрацию вечером в воскресенье на церемонии проводов Гувера. Прощаться с нашим новым президентом пришли около двух

с половиной тысяч наших сограждан, его обожателей и поклонников. Как только он вышел на смотровую площадку, чтобы произнести речь, коммунисты развернули спрятанные транспаранты прямо у него под носом. На них было написано: «Долой американский империализм!», «Все на борьбу с империалистическими войнами! Ни одного цента, ни одного солдата, ни одного автомата для империалистических войн!», «Требуем вывести наши войска из Никарагуа!». Гувер быстро ретировался и скрылся в автомобиле, полиция схватила трех молодых людей и надела на них наручники, а также арестовала двух женщин — моих подруг, состоятельных жительниц Пало-Альто. Меня, к сожалению, не задержали. Их дело будет рассматриваться в пятницу, им предъявят обвинение в нарушении общественного спокойствия. Ну что ж, они действительно его нарушили. Тихий, культурный Пало-Альто пережил такое потрясение! Гувер прислал телеграмму, в которой предложил отпустить всех, поскольку он считает происшедшее «глупой школьной выходкой». Но это испортило ему отъезд.

Милый, расскажи мне подробнее об этой истории с плагиатом, которую ты упомянул как бы между делом². Дай мне знать, могу ли я что-то сделать, чтобы расправиться с твоими врагами. Обвинение конечно абсурдное. Но я часто удивлялась, почему американские консерваторы не развязали против тебя кампанию в прессе, чтобы подорвать или вовсе разрушить твою репутацию, а значит, и твое влияние. Как продается твоя книга о России, и что о ней думают радикалы, консерваторы и либералы?

О'Каллаган написала мне, что у вас стоит прекрасная погода. У нас тоже! Дождь шел только три дня, и потом было очень пасмурно. Здесь очень скучно, и я днем и ночью сижу за пишущей машинкой. Ты можешь заметить, что у меня теперь новая машинка — старая уже совершенно износилась. Да, я стараюсь писать, для начала отталкиваясь от своих русских впечатлений. Я пишу детскую книжку о России, которую, может быть, возьмет издательство *Bobbs-Merrill*. Книжка будет о беспризорниках³. Только, пожалуйста, не сердись! Это не пропаганда — за или против чего-то, хотя она предлагает объяснение феномена беспризорщины для предубежденного читателя, такого, как ты. Еще я начала работать над рассказами об американцах в России⁴, которые, надеюсь, получатся увлекательными (как ты думаешь?). Впрочем, зачем рассказывать о том, что еще не сделано. Если у меня не получится стать писателем, придется найти работу!

Но сейчас впервые в жизни у меня есть досуг и спокойная обстановка чтобы попробовать писать, и я постараюсь как можно лучше использовать этот шанс. Я очень скучаю по Нью-Йорку, по друзьям, с которыми мне интересно, но если бы я была там, я бы тратила все силы на заработок и на общение, и у меня не осталось бы времени для писательства. Если начало будет успешным, конечно, было чудесно поселиться в Нью-Йорке. Думаю, мои честолюбивые планы вызывают у тебя улыбку, ведь ты помнишь, сколько лет тебе пришлось терпеть лишения и каторжный труд, но, может быть, произведения на русскую тему будут публиковать не ради их художественных достоинств, и это даст мне шанс начать писательскую карьеру. [...]

Я так рада, что ты счастлив, и, кажется, «водишь дни в мечтах». Как твоя «Галерея женщин»? Я и в самом деле создала тебе проблемы, изъязв портрет? Прилагаю номер «Красной нивы», посвященный юбилею Толстого⁵, — фотографии в нем могут тебя заинтересовать. Я перевела кое-какие названия рубрик, заголовки статей и разделов. Если ты захочешь, переведу и остальное, как я приписала там внизу. Московский «ЛЕФ» распался из-за теоретических споров, Маяковский от них ушел⁶, чтобы самостоятельно продолжать борьбу с «правыми» в литературе и искусстве. Они по-прежнему ратуют за производственное искусство, за газеты и кино как основные средства выражения. Нескоро еще они смогут приняться за настоящее дело.

Я могла бы продолжать сплетничать в этом духе, но пора вернуться к работе. Сергей время от времени пишет мне и присылает литературу. Я обязательно буду отправлять тебе вырезки из русской прессы, если тебе действительно интересно знать, о чем там идет речь.

С любовью, всегда твоя Рут.

[...] P.S. Ты уже знаешь, что Бюро гражданских свобод⁷ снова взялось за защиту Муни?

¹ Кандидат от демократов на президентских выборах в США 1928 г. См. примечание к письму 15.

² См. примечание к письму 18.

³ Книга Рут Кеннел для детей и подростков «Беспризорник Ваня» (*Vanya of the Streets*), была издана в 1931 г. нью-йоркским издательством Harper & Brothers.

⁴ Видимо, речь идет об очерках, которые составят книгу «Приключения в России: призрак Киргизии» (*Adventure in Russia: the Ghost of Kirghizia*. New York: J. Messner, 1947).

⁵ Красная нива. 1928. № 37. Драйзер откликнулся на юбилей Толстого публикацией: "Dreiser on Tolstoy," *San Francisco Bulletin*, September 29, 1928, 12.

⁶ В сентябре 1928 г. Маяковский и Брик вышли из ЛЕФа, и к 1929 г. ЛЕФ распался.

⁷ Национальное бюро гражданских свобод (National Civil Liberties Bureau, 1917–1920) — правозащитная организация в США, основанная во время Первой мировой в первую очередь для защиты прав граждан, отказывавшихся от мобилизации из идейных соображений. В числе ее основателей были Роджер Нэш Болдуин, Норман Томас, Кристал Истмен, Кларенс Дэрроу, Альберт Ф. Десилвер. В 1920 г. была преобразована в Американский Союз защиты гражданских свобод — АСЗГС (American Civil Liberties Union — ACLU, осн. 1920). АСЗГ значительно расширил сферу своей деятельности: его целью стала защита гражданских прав и свобод, гарантированных Конституцией США. АСЗГС обеспечивал юридическую помощь, участвовал в судебных процессах, законотворчестве, разработке образовательных программ. Очевидно, именно эту правозащитную организацию имеет в виду Р. Кеннел, называя ее «старым» названием.

18. Р. Кеннел — Т. Драйзеру

November 24, 1928
Palo Alto, California

Dear TD:

I received Sergey's article the same day I sent my last letter to you, and I shall translate it as soon as possible for you. Isn't he a pathetic boy? Trying so hard to be a good Communist and a litterateur at the same time, and they don't mix very well. I myself am quite interested to find out what dreadful things he has said about you. But why in reference to *Twelve Men*? This seems rather harmless, sociologically, to me.

A friend sent me two clippings from the New York papers about the plagiarism case — a long one from the *Evening Post*, with two parallel columns of quotations. I was furious about it. My natural dislike for Dorothy Thompson increased to the point where, if I had been within reaching distance of her, I should have had to restraint myself. I don't think this is because she is a woman, for there are men I dislike quite as heartily. What infuriated me was her giving the case over to the newspapers instead of consulting you first. The *Post* so apparently tries to put the things in a bad light for you. Its headlines and first paragraph are so misleading, as if your whole book was similar to hers, whereas the examples cited are all from P. 28 to 34 in your chapter on Moscow, which I feel sure, without having seen her book, is the only part at all like hers. I can't check up on the other case mentioned (to show that you are simply in the business of plagiarism) of George Ade, but if it is no more accurate than the second instance which is as follows? "Mr. Dreiser's *Dark Laughter* is said to have a character from Sherwood Anderson's *Winesburg, Ohio*."!!! Then it can be ignored.

Taking the parallel examples in yours and Dorothy's descriptions of Moscow, I find them rather remarkably alike in adjectives and comparisons; but if these are the choicest examples of your stealing, it is certainly a trivial case. I don't know how to explain the similarity, except, as I have always thought, you got the book together in too great a rush from a lot of jumbled up material and this got in; or, more logically, since I know what a remarkably retentive memory you have, perhaps in reading her description of Moscow, certain passages struck in your mind as being particularly vivid and came out again when you began describing it yourself. But after all, the descriptions are not so wonderfully original as to be copyrighted by any one of the many writers on Moscow. More than one writer has mentioned "apples and brassiers" as the chief articles sold on the streets; more than one writer, including Mr. Wood, has written humorously on the "primus", though I found your description, which certainly went much further than Dorothy's, of the primus army the funniest I have yet read; and I think we all write about the "cobblestoned streets" being muddy.

In writing what I thought of the case to two mutual friends of ours, I have quite exhausted my rage and indignation, so I've not much left to pass to you, for which I am sorry if it would be any consolation to you. However, you seem to be taking the affair quite calmly, and perhaps by the time this letter reaches you, it will have died out. My chief regret is that it may spoil the good effect (for Russia) of the book as a whole. You know I'm still at heart a propagandist for Soviet Russia, even if I'm opposed to propaganda as such! I had written anonymously a review of the book for *The Nation*, which I have not yet heard from. I suppose *The Nation* is waiting to see how the scandal ends. I'll say here that I defended the book in my review as being a piece of "realism" since it gave your real impressions even if they were often contradictory.

Of course, to be perfectly just and fair, as I always try to be (even though it may hurt those I love) if the report of your statement to reporters is true that you gave Dorothy material in Moscow and this accounts for the duplication — I think you made a mistake in saying such a thing. It only infuriated her and made a naturally very catty and hard woman perhaps even more venomous.

As the wife of your literary enemy, Sinclair Lewis, she is proving herself very loyal!

I hope you will send me all the facts in the case, for I feel in a way so closely bound up with the success of this book, that I think I am entitled to all the information. If there is anything I can do to help you in the case,

I shall be only too glad to do it. Of course, I know your vast amount of creative work too well to attach, for a moment, the slightest importance to any charge of “plagiarism”. The fact is, that there is nothing new under the sun. Writers don’t claim to create new words, phrases, plots and thoughts; all writers borrow from one another and from life. The important thing is the whole picture which they create: how true and how new is it?

As ever, faithfully, your friend Ruth Kennell.

Перевод:

24 ноября 1928 г.

Пало-Альто, Калифорния

Дорогой ТД!

Я получила статью Сергея¹ в тот же день, когда отправила тебе свое последнее письмо, и постараюсь как можно быстрее перевести ее для тебя. Бедный мальчик! Он так старается быть одновременно и хорошим коммунистом, и литератором, но одно с другим не слишком сочетается. Мне и самой интересно, что за ужасы он про тебя написал. Но почему «Двенадцать американцев»? Мне эта книга кажется совершенно безобидной с точки зрения социологии.

Один мой друг прислал мне две вырезки из нью-йоркских газет про дело о плагиате — длинная из *Evening Post*, где в две колонки приведены цитаты для сравнения². Я пришла в ярость. Моя инстинктивная неприязнь к Дороти Томпсон³ выросла до такой степени, что окажись она рядом — я бы едва сдерживала себя. И дело тут не в том, что она женщина — есть мужчины, к которым я испытываю точно такую же антипатию. Меня разозлило то, что она сразу отправилась в газеты, вместо того, чтобы вначале поговорить с тобой. *Evening Post* явно пытается выставить тебя в невыгодном свете. Заголовки и первый абзац вводят в заблуждение — создается впечатление, что вся твоя книга схожа с ее книгой, а между тем все примеры цитируются из твоей главы о Москве, со страниц 28–34, и я уверена, хоть и не видела ее книги, что это место у тебя лишь отчасти напоминает ее текст. Ничего не могу сказать про другой случай (который упомянут там только для того, чтобы выставить тебя заядлым плагиатором) — про Джорджа Эйда⁴, но если это так же «достойно доверия», как вот это утверждение — «Говорят, что в “Темном смехе” мистера Драйзера фигурирует персонаж из “Уайнсбурга, Огайо” Шервуда Андерсона» — то о чем здесь говорить?!⁵

Что касается приведенных параллелей из описаний Москвы у тебя и у Дороти, на мой взгляд, там есть явное сходство в определениях и сравнениях, но если это примеры, которые тщательно отбирали для доказательства твоего «воровства», то в них нет ничего особенного. Я не знаю, как объяснить это сходство, разве что тем, что, как я думаю, ты собирал эту книгу в большой спешке, пользуясь обширным и плохо разобранным материалом, и так это попало туда. Или же логично предположить, что ты читал ее описание Москвы, и в твоей необыкновенно цепкой памяти отложились несколько самых ярких мест, которые снова всплыли, как только ты сам стал писать об этом. Однако все эти описания отнюдь не отличаются такой яркой оригинальностью, чтобы закрепить их с помощью авторского права за кем-то одним из очень многих, писавших о Москве. Многие писатели упоминали, что на улицах Москвы продают «яблоки и бюстгальтеры»; многие, включая мистера Вуда, юмористически описывали «примус», хотя я считаю, что твое описание гораздо лучше, чем у Дороти, и самое смешное из всех, которые мне встречались; и, думаю, все пишут о том, что «улицы здесь мостят», но они все равно грязные.

Написав, что я думаю об этих двух наших друзьях, я выплеснула всю свою ярость и негодование, так что у меня мало что осталось для тебя, за что прошу у тебя прощения — если только это тебя как-то утешит. Впрочем, ты, кажется, не принимаешь это дело близко к сердцу, и, может быть, когда это письмо дойдет до тебя, инцидент уже будет исчерпан. Больше всего я переживаю, что это может испортить хорошее впечатление от книги в России. Ты же знаешь, в душе я все еще осталась пропагандистом Советской России, хотя вообще я против пропаганды! Я написала анонимную рецензию на твою книгу для *Nation*⁶, но ответа от них пока нет. Думаю, *Nation* выжидает, чем кончится скандал. В рецензии я хвалила книгу за реализм — поскольку в ней даны твои подлинные, пусть и противоречивые впечатления.

Я стараюсь всегда быть до конца честной и справедливой (хотя это порой и ранит тех, кого я люблю), и если твое заявление журналистам — правда, и ты действительно в Москве давал Дороти материал, чем и объясняются совпадения, то с твоей стороны было ошибкой говорить об этом. Это только разозлит ее и сделает эту и без того коварную и жестокую женщину еще более опасной.

В качестве жены твоего литературного недруга Синклера Льюиса она демонстрирует верность и преданность!⁷

Надеюсь, что ты пришлешь мне все факты по этому делу, я ведь в каком-то смысле чувствую себя причастной к успеху книги, и думаю, что имею право знать все. Если я чем-то могу помочь тебе в этом деле, буду счастлива сделать это. Я слишком хорошо знаю твоё обширное творчество, чтобы хоть на мгновение допустить, что обвинение в плагиате имеет какое-то значение. Ведь ничто не ново под луной. Писатели не выдумывают новых слов, фраз, сюжетов и мыслей; писатели всегда заимствуют их из жизни и друг у друга. Важно лишь то, насколько в целом правдивой и новой оказывается создаваемая ими картина.

Твой неизменный и верный друг Рут Кеннел.

¹ Речь, очевидно, идет о предисловии С. Динамова к очередному тому собрания сочинений Драйзера: *Драйзер Т.* Собрание соч. М.; Л.: Земля и фабрика, 1929. Т. 10: Двенадцать американцев. Прил.: Ван Дорен К. Теодор Драйзер / пер. М. Волосова, предисл. С. Динамова. 434 с.

² Громкий скандал вокруг «дела о плагиате» разразился после того, как вернувшиеся из СССР Драйзер и известная журналистка Дороти Томпсон (1893–1961), 14 мая 1928 г. вышедшая замуж за Синклера Льюиса, опубликовали свои книги о советской России — «Драйзер смотрит на Россию» (*Dreiser Looks at Russia*. New York: Horace Liveright, 1928) и «Новая Россия» (*New Russia*. New York: Henry Holt and Company, 1928). Книга Томпсон вышла 7 сентября, книга Драйзера — 10 ноября 1928 г., и уже 14 ноября в прессе появились сообщения о том, что в книгах имеются практически идентичные фрагменты, в связи с чем Д. Томпсон обвинила Драйзера в плагиате. Первую статью об этом поместил Перси Уиннер в *The Evening Post* — газете, в которой Томпсон работала колумнистом (1920–1928) (P. Winner, “Dorothy Thompson Demand Dreiser Explain Parallel,” *The New York Evening Post*, November 14, 1928, 6). Были опубликованы не только обвинения, но и доказательства: отрывки из обеих книг были представлены для удобства сравнения в виде двух колонок, чтобы наглядно продемонстрировать дословные совпадения. Далее статьи на эту тему появились во множестве американских и британских газет. Перечень Уиннера оказался самым подробным и включал двенадцать фрагментов. Сходство было обнаружено в описании Москвы — Кремля, Тверской улицы, туристических объектов, московских рынков и т.п. См. подробнее: Кузина Д.Д. «Новая Россия» и старые обиды: о литературном скандале вокруг советских тревелогов Т. Драйзера и Д. Томпсон // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5, № 4. С. 146–165.

³ Журналистская карьера Дороти Томпсон началась с суфражистского движения; затем в 1920 г. она была командирована в Вену в качестве зарубежного корреспондента *The Evening Post*, и обзавелась широким кругом международных связей и знакомств. В 1927-м познакомилась с С. Льюисом. В СССР она была командирована для освещения Октябрьских торжеств и провела там около полутора месяцев (ноябрь — начало декабря 1927 г.) в Москве и ее окрестностях; путешествия по стране Томпсон не совершала. К 1 декабря 1927 г. по туристической визе к ней приехал ее жених С. Льюис, который провел в Москве примерно неделю. Тревелог

«Новая Россия» стал итогом советской командировки Томпсон. Подробнее см.: Щербинина О.И. Травелог Дороти Томпсон «Новая Россия»: история одной командировки в СССР // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 55–66.

⁴ Джордж Эйд (George Ade, 1866–1944) — прозаик, драматург, газетчик (репортер и обозреватель), прославившийся в начале XX в. реалистическими рассказами о Чикаго с использованием жаргона и разговорной речи. 7 сентября 1926 г. в *New York Herald Tribune* была напечатана статья, обвиняющая Драйзера в плагиате: утверждалось, что он использовал рассказ Дж. Эйда «Два мандолиниста и добровольный исполнитель» (“Two Mandoline Players and the Willing Performer”, 1898) и выведенного там персонажа (кузен Гас) для своего романа «Сестра Керри» (1900). Через два дня Дж. Эйд опроверг эти обвинения в адрес Драйзера (“George Ade Absolves Dreiser Of Lifting His ‘Swift Worker,’” *Herald Tribune*, September 9, 1926), хотя и не отрицал некоторого сходства между «несколькими абзацами из большого романа Драйзера» и своим рассказом.

⁵ Газетчики «вспомнили» еще один случай «плагиата»: в «отрывках из книги м-ра Драйзера “Темный смех” и фрагментах рассказа Шервуда Андерсона “Тоди”», в 1919 г. вышедшего в книге «Уайнсбург, Огайо», нашли «чрезвычайное сходство» (“Plagiarism Charged,” *The Chattanooga News*, December 20, 1928, 4). Журналисты в данном случае все перепутали, поскольку оба текста — и роман «Темный смех», и новелла «Тоди» принадлежат Шервуду Андерсону.

⁶ Видимо, в *Nation* рецензию Кеннел печатать не стали: там вышла рецензия Дж. Ллойд (Jessie Lloyd, “Two Americans Look at Russia,” *Nation*, March 13, 1929, 317). Джесси Бросс Ллойд-О’Коннор (1904–1925) — левая журналистка, общественный деятель социалистических взглядов. В 1926–1928 гг. работала в СССР в качестве корреспондента *London Daily Herald*.

⁷ Многие полагали, что громкий скандал вокруг «дела о плагиате» 1928 г. был сознательно спланированной акцией С. Льюиса и его жены Д. Томпсон с целью очернить имя Драйзера и обеспечить С. Льюису Нобелевскую премию, на которую были номинированы и он, и Драйзер. См.: James M. Hutchinson, Stephen R. Pastore, “Sinclair Lewis and Theodore Dreiser: New Letters and a Reexamination of Their Relationship,” *American Literary Realism* 32, no. 1 (1999): 78.

19. Р. Кеннел — Т. Драйзеру

December 13, 1928
Palo Alto, California

Dear TD:

It was sweet of you to express so much appreciation of my loyalty in the plagiarism case; it was really the most natural thing for me to do; I couldn’t imagine myself not defending anyone I admired enough to really care for, no matter what he was accused of. Because the fact would remain, there must be a lot to be said on his side.

I feel encouraged about the affair, after getting your letter and the clippings you sent. You know, I haven’t D[orothy]T[hompson]’s book,

so cannot compare for myself. I think, though, that in the second day's "deadly parallel" in the *N[ew] Y[ork] Eve[ning] Post*, they rather overstep themselves. When they begin trying to show a similarity between your ideas on education, etc. it's rather absurd. Especially that about taking the child until he is seven — a thought which I heard you utter several times in Russia.

Today the clipping came from *The New Yorker*. Queer, I had just bought it yesterday in Palo Alto; I was feeling out the manager of an artistic book shop in P.A. on the controversy (he did not know my personal connection) and he expressed great amusement at the charges and brought out the *New Yorker* to show me. I bought it and enjoyed the burlesque very much. Ridicule is the most deadly weapon, and this is what you should use.

I can't get her book in P[alo] A[lto] — but I can yours!

Has the scandal really increased the sales of your book? Good, the avid public will read to prove a bias and will get some other valuable information and ideas thrown in.

I noticed how the *N[ew] Y[ork] Times Book Review* cut you in its reviews, obviously because the two ladies had shown more prejudice against Russia, which was agreeable to the editors.

Yesterday I mailed my first book to Bobbs-Merrill! Yes, really! I wrote it in two months' very intensive work. Bobbs-Merrill had actually asked for it, or at least for a full-length manuscript from me, and as this was all I had, the children's story, I wrote to that effect. This nice Anne Johnston, person who had been writing to me, answered that she would love to see it, and perhaps they could take it. If they don't take it, then I shall have to peddle it, but I have a librarian-friend, in fact it was she who suggested that I write a children's book about Russia, who will try to place it for me.

Mamma got the stories back from Rejections. And I have not tried again. In fact, I am very busy sending manuscripts of my own — and getting them back!

I have not seen Mooney lately, but write to him often. You are a dear to make an effort in his behalf. I told you, didn't I, about Civil Liberties taking up his case again?

This is our rainy season, come at last, and it's rather depressing and such long hours of darkness, not helped by the radiance of the snow in Russia. Sometimes, I get homesick for the winter, especially in Siberia — but not in the south!

I wish I could see you; it would be very, very nice to be with you. Well, perhaps in the spring...

O'C[allaghan] seems unsuccessful, poor thing... Lovingly, Ruth.

MERRY CHRISTMAS: Do you remember your last Christmas morning riding to Mineralni Vodi from Kislovodsk, and the turkey at the station buffet?

Перевод:

13 декабря 1928 г.

Пало-Альто, Калифорния

Дорогой ТД!

Ты такой милый, что благодаришь меня за поддержку в деле о плагиате, но ведь для меня быть на твоей стороне совершенно естественно. Я не могла бы не встать на защиту человека, которым я восхищаюсь, который мне интересен, — в чем бы его ни обвиняли. Поскольку факт останется, в поддержку сказать нужно многое.

Твое письмо и вырезки из газет добавили мне оптимизма по поводу этого дела. Ты знаешь, что у меня нет книги Дороти Томпсон, и я не могу сама сравнить ее с твоей книгой. Но тем не менее, я думаю, что в «дословном совпадении» из второго дня в *New York Evening Post* они уже переходят все границы. Когда они пытаются показать сходство между мыслями о системе образования и т.п., получается просто абсурд. Особенно это касается того, что у родителей забирают ребенка, пока ему не исполнится семь лет — я несколько раз слышала, как ты бормотал эту мысль себе под нос, когда был в России¹.

Сегодня пришла вырезка из *New Yorker*. Удивительное дело, я только вчера купила этот журнал в Пало-Альто. Я решила узнать мнение по поводу спора о плагиате у менеджера книжного магазина в Пало-Альто (он не знает, что я знакома с участниками этой истории), он сказал, что эти обвинения просто смешны, достал *New Yorker* и показал мне. Я купила журнал и от души насладились этой пародией². Смех — вот смертоносное оружие, и именно его тебе следует использовать.

Я не могу достать ее книгу в Пало-Альто, а твою — могу!

Правда ли, что скандал способствовал росту продаж твоей книги? Отлично, жаждущие кинутся читать ее, чтобы найти там подтверждение своим предрассудкам, и при этом впитают много полезных сведений и мыслей.

Я заметила, что *New York Times Book Review* все-таки вставил в номер рецензию на твою книгу³ — конечно же, потому что обе дамы⁴ настолько предубеждены против России, что для редакции это было уже чересчур.

Вчера отправила свою первую книгу в *Bobbs-Merrill*⁵! Правда! Я написала ее за два месяца очень напряженной работы. *Bobbs-Merrill* попросило у меня книгу, или по крайней мере развернутый текст, а поскольку у меня не было ничего, кроме этой истории для детей, я и написала что-то в этом духе. Милая Энн Джонстон, которая мне писала от издательства, заверила, что с интересом познакомится с рукописью, и, может быть, они ее возьмут. Если же не возьмут, мне надо будет пытаться ее продать. Но у меня есть подруга, библиотекарь, на самом деле она-то и посоветовала мне написать книгу для детей о России, и она постарается ее пристроить. [...]

В последнее время я не видела Муни, но часто пишу ему. Спасибо тебе, что ты постарался помочь ему. Не помню, говорила ли я тебе, что Союз гражданских свобод⁶ снова взялся за его дело?

У нас уже наступило дождливое время года, день стал коротким, очень темно, все это удручает, здесь ведь нет снега, как в России, с его белизной и сиянием. Иногда я очень тоскую по русской зиме, особенно сибирской — а южная зима мне совсем не нравится!

Я бы очень хотела повидать тебя, как было бы хорошо оказаться рядом с тобой. Что же, может, получится весной...

У О'Каллаган, кажется, ничего не ладится, бедняжка...

С любовью — Рут.

С РОЖДЕСТВОМ! Помнишь, как в прошлом году рождественским утром мы приехали в Минеральные Воды из Кисловодска? Помнишь индейку в привокзальном буфете?

¹ Речь идет об абзаце из 7 главы книги Драйзера: «Всем известна древняя мудрость: свое дитя воспитывай сам лет до шести-семи, а уж потом отдавай его в люди. Похоже, что русские коммунисты, подобно католикам, а также и нам, американцам, по праву оценили этот принцип, и по-своему проводят его в жизнь, забрав дитя из рук церковников и из рук родителей — теперь воспитание ребенка начинается с общественных яслей и детских садов — большевики принимают насаждавать принципы коммунизма с колыбели» [ДСР: 87].

«Параллельное место» у Дороти Томпсон в главе IX “Making a New Mental Type”: “Here as in many other instances, the state takes its cue from religious rather than secular history. The importance of the Roman Catholic credo, ‘Give me a child until he is seven and I care not who has him afterwards,’ is fully recognized by the communists. The child is gotten out of his home and into a kinder-garten as early as possible, and as

rapidly as material prosperity makes it possible, the schools are extended into homes where children not only study, but play, eat and sleep” [NR: 215–216].

² В декабрьских выпусках «Нью-Йоркера» появились сразу две публикации о книге «Драйзер смотрит на Россию». Одна из них — рецензия У. Гиббса в рубрике «Новые книги»: W[alcott] G[ibbs], "Recent Books," *New Yorker*, December 1, 1928, 115. Кеннелл пишет о другом материале, в котором пародируются и высмеиваются комментарии Драйзера по поводу совпадений между его книгой и «Новой Россией» Д. Томпсон: Corey Ford [John Riddell], "A Sheer Case of Something or Other," *New Yorker*, December 8, 1928, 34–36.

³ Р. Кеннелл пишет о рецензии на книгу «Драйзер смотрит на Россию»: Alexander I. Nazaroff, "Soviet Russia at the Beginning of Its Second Decade," *New York Times Book Review*, December 2, 1928, 7, 28.

⁴ Имеются в виду Дороти Томпсон, автор книги «Новая Россия» (1928), и известная англо-американская журналистка, иностранный корреспондент *New York Times* Энн О'Хэйр Маккормик (1880–1954), дважды побывавшая в СССР, автор книги «Молот и серп: коммунистическая Россия вступает во второе десятилетие», также вышедшей в 1928-м: Anne O'Hare McCormick, *The Hammer and the Scythe: Communist Russia Enters the Second Decade* (New York: A.A. Knopf, 1928). В ходе разбирательств по делу о плагиате, в котором Томпсон обвинила Драйзера, были обнаружены текстуальные совпадения между книгами Томпсон и Маккормик.

⁵ Речь идет о повести Рут Кеннел «Беспризорник Ваня» (*Vanya of the Streets*).

⁶ См. примечание к письму 17.

20. Р. Кеннел — Т. Драйзеру

December 19, 1928
Palo Alto, California

Dear TD:

Just a few lines to acknowledge your manuscript *My City*. I have read it several times and each time I like it better. The first time I didn't get into the spirit of it, and was inclined to wish you'd stick to prose and a little afraid you had reached Sherwood Anderson's stage. But at the last reading I got the whole feel of it, and I think it is beautiful and meaningful. I believe you put very much of your heart into this. New York can't mean so much to everyone, but I know it means a great deal to you, you've put all of that meaning into these frugal (yes, really!) and choice words. Now I could read Sherwood Anderson's prose poems, for example, in *New Testament*, over and over again, and get less meaning each time, for he writes for the sake of words. Of course, you are a mystic too, you big, prosaic, materialistic, realistic, poetic bunch of contradictions! So this is what you were doing when you wrote me that you were "writing and dreaming the days away". That is pleasant. Is this piece being published? And do you want it returned?

I hear from your City that you are having snow which remains. But we are having frosts at night and in the morning it is deadly cold. Even the poor flowers are freezing: the first to go was the nasturtium vine at the side door on the east, and the red and pink geranium blooms, but not the plants, and the roses bloom on undisturbed.

I think there is time enough again to wish you a happy Christmas or at least a Happy New Year, and remind you once more of what you were doing this time last year — just so you will feel thankful for your present blessings. I am all alone this Christmas, and it's my first in America for six years. Mama and papa left this morning for Los Angeles, driving down, but I had too much work to leave. But a nice family at Palo Alto have invited me to spend Christmas with them.

Our mutual “young, tired friend” Sergei, writes me that he has attended to your “businesses”. Among a bundle of papers he sent is a Russian edition of your *Free and other stories* in the collected works published by ZEF and edited by Dinamov. I notice in the back in a list of these same collected works most of which have prefaces by Dinamov, the following: “*Chains*, short stories with a preface by Ruth Kennell”, and “*A Gallery of Women* with the preface by Ruth Kennell”. The first I admit, but the second is news for me. And would you note how speedy the Russian publishers are getting! Already advertising your *Gallery of Women*.

How are you, and D[orothy]T[hompson] & S[inclair] L[ewis] getting on? This was meant to be a sweet little note, but as usual it turned out a long letter. Yours, as ever, Ruth.

Перевод:

19 декабря 1928 г.

Пало-Альто, Калифорния

Дорогой ТД!

Пишу эти несколько строк, чтобы подтвердить, что получила твою рукопись «Мой город»¹. Я прочла ее несколько раз, и с каждым разом она нравилась мне все больше. В первый раз я еще не смогла вникнуть в нее, собиралась посоветовать тебе придерживаться прозы и боялась, что ты достиг стадии Шервуда Андерсона. Но когда я перечитывала рукопись в последний раз, я уже глубоко прониклась ее духом, и нахожу ее прекрасной и полной глубокого смысла. Думаю, что ты вложил в нее немалую часть души. Не для всех Нью-Йорк значит так много, но я знаю, что он очень много значит для тебя, и ты вложил все это в скупые (да, на самом деле!) и тщательно отобранные

слова. Но если бы я стала снова и снова перечитывать стихотворения в прозе Шервуда Андерсона, например, те, что вошли в «Новый Завет», то с каждым разом я находила бы в них все меньше смысла, потому что он пишет ради слов. Конечно, и ты тоже мистик — ты, прозаик, материалист, реалист, поэт, словом, огромный узел противоречий! Так вот чем ты занимался, когда писал мне, что ты «все дни напролет пишешь и гредишь наяву»? Это мило. Собираешься ли ты это публиковать? Нужно ли мне вернуть тебе рукопись?

Слышала, что у вас в Нью-Йорке снег, и он все еще не растаял. А у нас морозные ночи, и по утрам страшный холод. Замерзают даже бедные цветы: первой погибла настурция возле двери, которая выходит на восток, а потом завяли розовые и красные цветы герани — хорошо, что только цветы, а не сама герань. Розы не пострадали. [...]

Наш общий «молодой и уставший друг» Сергей пишет, что он заботится о твоих «делах». Среди присланной им кучи бумаг есть русское издание твоего «Освобождения» — в собрании сочинений под редакцией Динамова, которое публикует ЗиФ². В конце книги, где перечислены тома этого собрания сочинений, в котором почти все предисловия принадлежат Динамову, я увидела вот что: «Цепи. Рассказы с предисловием Рут Кеннел»³ и «Галерея женщин. Предисловие Рут Кеннел»⁴. С первым все понятно, а вот второе — неожиданность для меня. И заметь себе, как быстро стали работать эти русские издатели! Уже дают рекламу «Галереи женщин».

Как твои дела? И как Д[ороти]Т[омпсон] и С[инклер] Л[ьюис]? Я собиралась написать коротенькую нежную записку, но она, как водится, превратилась в длинное письмо. Всегда твоя Рут.

¹ В поэтический цикл Драйзера «Мой город» вошли стихотворение «Высокие башни» (“Tall Towers”) и одно стихотворение в прозе. Стихотворение «Высокие башни» впервые было напечатано в цикле “Five Poems” в *New York Evening Post Literary Review* (December 20, 1924, 8), а затем в двух изданиях (1926 и 1928 гг.) поэтического сборника «Настроения» (*Moods*). Первая публикация цикла «Мой город»: “My City,” *New York Herald Tribune*, December 23, 1928, sec. 3, p. 1. Книжное издание было выпущено ограниченным тиражом (275 экз.) с иллюстрациями Макса Поллака: T. Dreiser, *My City* (New York: Horace Liveright, 1929).

² Драйзер Т. Собрание соч. М.; Л.: Земля и фабрика, 1928. Т. 5: Освобождение. Прил.: Раско Б. Теодор Драйзер / пер. В.О. Станевич. 294 с.

³ Том 7-й собрания сочинений. См. примечание к письму 9.

⁴ Этот том сильно запоздал, он вышел без номера в ГИХЛ, уже после закрытия издательства «ЗиФ»: Драйзер Т. Галерея женщин. Прил.: Кенель Р. «Галерея женщин» Теодора Драйзера; Магил А.Б. Теодор Драйзер — прежний и новый; Менкен Г. Американский роман / пер. В.О. Станевич и В. Барабашевой; вступ. ст. С. Динамова. М.: ГИХЛ, 1933.

21. Р. Кеннел — Т. Драйзеру

February 6, 1929
Palo Alto, California

Dear TD:

I have been intending to write you for a long time, and now something unpleasant precipitates this.

Friends have written me that I have “the reputation in Europe of having put together the plagiarized chapter for Dreiser”. Of course, if I have it in Europe (I suppose this really means Moscow with echoes in Berlin and London) I would sooner or later get it in the U.S.

I think having been not so long ago a struggling writer yourself, you can understand that such a report would be more injurious to me than it has been to you. My whole career depends upon my reputation in regard to Russia. If I am discredited in this field, I have nothing to do but return to a hum-drum office or library job for the rest of my days. You may say that it's not your fault, that you tried hard enough to keep my connection with you secret — I'll agree to that — but of course without either of us telling it, it was certainly well enough known in Moscow and New York by the only circles I really care about, the radical-intellectual circles.

I knew I was in wrong, hopelessly, with communist circles through my work with you (morally and politically) but I had developed such a contempt for them as individuals that I did not care. But I do care that anyone should think m[e] guilty of plagiarism, and that on a subject in which I pose as an authority, and with material of a writer like Dorothy Thompson. It would be insufferably humiliating.

I don't know how your case has come out, have heard no news for a long time until this came yesterday, but I wonder what was your official explanation to your publishers and the courts? Was it satisfactorily substantiated? Will you please try to throw light on this matter and relieve my mind?

I have started letters to you so many times, only to throw them away. I felt impelled to lecture you about your latest serial novel in the *Cosmopolitan*, which I think unworthy of your reputation and achievements, and then I threw that away, for I thought, oh, why be such an idiot? I must suppress this “cosmic urge” (like yours to endless variety in the field of sex) to reform the world and individual friends, or I'll never get anywhere materially. And that's all that matters if you live in America, anyhow. I liked your little article on Hollywood which you sent me. It's all so true about the “luxury lust” and the prostitution of art in America. I liked your

portrait too, very lifelike, looking out at me from a gallery of famous people. Thanks for sending it.

What I really wanted to write to you about, before this unpleasant matter came up, was my book for young people. After keeping it more than a month, *Bobbs-Merrill* sent it back with praise but subterfuges about why they couldn't publish it. I was afraid such a publisher really couldn't do it, on account of the subject and the handling. Now I am indecisive about the next step, whether to let my librarian friend present it to *Harpers*, or whether to seek a more liberal publisher, who would not be likely to balk on the ticklish subject of Russia. You wrote me about Liveright, and I wonder if you would like to see my manuscript with a view to showing it to them or some other publisher?

I am enclosing a copy of the letter I got from *Bobbs-Merrill*, which may be enlightening to you as to why they rejected it. I think it's pretty evident that they wouldn't dare publish it, don't you? Let me know if you would care to see the book and I'll send it to you. A Russian girl in San Francisco and I are preparing illustrations in black and white, head and tail pieces and sketches running through the text. With best wishes and affection, as ever, Ruth.

Перевод:

6 февраля 1929 г.

Пало-Альто, Калифорния

Дорогой ТД!

Я давно собиралась написать тебе, и неприятные известия заставляли меня поторопиться с этим письмом.

Мои друзья написали мне, что «в Европе меня считают человеком, который составлял в книге Драйзера главы, где обнаружен плагиат». Понятно, что если так считают в Европе (думаю, на самом деле речь идет в первую очередь о Москве, а также слухах в Берлине и Лондоне), то рано или поздно это дойдет и до США.

Не так давно тебе и самому приходилось пробиваться в литературу, и поэтому ты можешь понять, что такие утверждения наносят моей репутации гораздо больший вред, чем твоей. Все мои перспективы в профессии сейчас зависят от моей репутации в связи с Россией. Если я буду скомпрометирована в этой области, мне не останется ничего другого, кроме как вернуться к литературной поденщине и заниматься этим всю оставшуюся жизнь. Ты можешь сказать,

что ты в этом не виноват, что ты изо всех сил старался держать наши отношения в секрете, и я согласна, что это так. Но все-таки, хотя мы никому ничего не рассказывали, это хорошо известно среди радикальной интеллигенции Москвы и Нью-Йорка, то есть в тех кругах, чье мнение только и важно для меня.

Я знаю, что меня бесповоротно осудили (в нравственном и политическом плане) в кругу коммунистов за то, что я работала с тобой, но у меня возникло такое презрение к этим индивидуумам, что меня это не волновало. Но меня очень волнует, что меня могут счесть виновной в плагиате в связи с темой, знатоком которой я хочу прослыть, и в связи с материалами такого автора, как Дороти Томпсон. Такое унижение я перенести не смогу.

Не знаю, как разрешилось это дело с твоей книгой, долгое время у меня не было никаких известий — до того, как вчера поступила эта новость, но мне очень интересно, какое официальное объяснение ты дал в суде и в издательстве? Было ли оно достаточно обоснованным? Не мог бы ты пролить свет на эти обстоятельства и успокоить меня?

Я несколько раз начинала писать тебе, но каждый раз выбрасывала начатое письмо. Я чувствовала, что обязана прочесть тебе лекцию по поводу твоего последнего романа¹, который начал печататься в *Cosmopolitan*, и который я считаю недостойным тебя, порочащим твою репутацию и твои литературные достижения. Но потом я выкинула написанное, решив, что не хочу выглядеть идиоткой. Я должна подавлять «космическое влечение» (такое стремление, как у тебя, — к бесконечному поиску новизны в сексе), чтобы изменить мир и конкретных людей — своих друзей, если хочу достичь чего-то реального. Это необходимо, если живешь в Америке. Мне понравилась твоя заметка о Голливуде², которую ты мне прислал. Там очень верно написано о «влечении к роскоши» и проституировании искусства в Америке. И мне очень понравился твой очень похожий портрет из галереи знаменитостей. Спасибо, что прислал его.

На самом деле я собиралась написать тебе (до того, как до меня дошло это неприятное известие) про мою книгу для юных читателей³. Продержав ее больше месяца, *Bobbs-Merrill* отправил мне ее назад с комплиментами и разными отговорками, почему они не смогут ее напечатать. Я и боялась, что такое издательство не сможет ее опубликовать из-за темы и ее трактовки. И вот теперь не могу решить, что делать дальше: дать возможность моей подруге-библиотекарше предложить книгу *Harper's* или поискать более либеральное издательство, которое не смутит рискованная русская тема. Ты писал мне о *Liveright* — хочешь ли ты взглянуть на мою рукопись с тем, чтобы потом показать ее Лайврайту или какому-нибудь другому издателю?

Прилагаю копию письма, которое я получила из *Bobbs-Merrill*, из которого ты поймешь, почему они отказываются. По-моему, из письма очевидно, что они просто не посмели ее издать, правда? Мы с одной русской девушкой из Сан-Франциско готовим черно-белые иллюстрации, оформляем заголовки и концовки, делаем рисунки, которые будут использоваться по всему тексту. С любовью и лучшими пожеланиями, Рут.

¹ Эротический роман Драйзера «Это безумие. Честный роман о любви» (*This Madness — An Honest Novel About Love*) в трех частях с февраля по июль 1929 г. печатался в *Hearst's International Cosmopolitan*: “This Madness. Agalia” (February, 22–27, 192–203; March, 44–47, 160–166); “This Madness. The Story of Elizabeth” (April, 81–85, 117–20; May, 80–83, 146–154), “This Madness. The Book of Sidonie” (June, 83–87, 156–68; July, 86–87, 179–86).

² “Dreiser on Hollywood,” *New Masses* 4, no. 8 (January 1929): 16–17. В этой резко критической статье Драйзер, в частности, заявил: «Вся надежда на будущее искусства кино связана только с движением малого кинематографа» (little cinema movement).

³ Речь идет о повести Рут Кеннел «Беспризорник Ваня» (*Vanya of the Streets*).

22. Т. Драйзер — Р. Кеннел

11 февраля 1929

Дорогая Рут!

Как ты видишь из судебной переписки, копию которой я прилагаю, Дороти решила не приходить в суд. Потребовался почти месяц на то, чтобы получить исковое заявление, на которое можно было дать юридический ответ. Меж тем мои адвокаты Хьюм и Кэмерон изучили книги Дороти Томпсон «Новая Россия» и Энн О’Хэйр Маккормик «Молот и серп»¹. У меня есть копия длиной в 14 страниц проведенного ими сравнения фрагментов двух книг. Когда-нибудь, если приедешь на Восток², сможешь взглянуть на это. И *Times*, и *World*³ обратили внимание на сходство, но ни слова ни от одной из этих двух леди. Книга Маккормик вышла на шесть месяцев раньше книги Дороти. Пожалуйста, пришли мне для моего архива колонку из *World*. Больше не последует никакого иска по одной простой причине — первый вопрос, который мистер Хьюм задаст Дороти, будет: «Является ли это ваше сочинение полностью оригинальным?» И если она ответит «да», в ход пойдет размеченная книга Маккормик, которая будет сравниваться с ее размеченной книгой, и от нее потребуют объяснений. Очевидно, что они обе прочли и использовали еще какую-то книгу. Несмотря на все это — или благодаря этому мою русскую книгу сейчас печатают без изменений в Англии, Германии и Скандинавии. Так что делай

выводы. А теперь насчет твоего будущего в литературе. Скажу тебе прямо: важно только то, что ты пишешь — твой интеллектуальный вклад. Только это — и ничто другое создает или уничтожает тебя как писателя. Все обвинения в твой адрес меркнут по сравнению с тем, что люди могут получить от тебя в области мысли. Если вдруг мисс Томпсон все же явится в суд, я смогу доказать, что ты не имеешь отношения к главе с плагиатом. Это все, что тебе нужно знать, не так ли?

Что касается твоей книги⁴, я уверен, что добьюсь ее публикации. Пришли ее мне. Что же до твоего мнения о моем материале в *Cosmopolitan* — шлю тебе нежнейший воздушный поцелуй. Я написал эту вещь как единое целое, я расцениваю ее как единое целое — и, как обычно, надеюсь, что смысл целого поймут те, чей темперамент позволяет им это понять.

С приветом, любовью и проч.

Пришли мне обратно газетную вырезку, а копии судебных материалов — для тебя, можешь использовать их по своему разумению. ТД.

Оригинал письма см.: [LW: 214–215].

¹ Anne O'Hare McCormick, *The Hammer and the Scythe: Communist Russia Enters the Second Decade* (New York: A.A. Knopf, 1928). См. примечание к письму 19.

² Драйзер имеет в виду восток США (Нью-Йорк, Восточное побережье) — Кеннел живет на Западном, Тихоокеанском побережье.

³ Очевидно, речь идет о следующих публикациях: Harry Hansen, "The First Reader: Dreiser in Russia," *New York World*, November 10, 1928, 11; Alexander I. Nazaroff, "Soviet Russia at the Beginning of Its Second Decade," *New York Times Book Review*, December 2, 1928, 7, 28.

⁴ Речь идет о книге Р. Кеннел «Беспризорник Ваня».

23. Р. Кеннел — Т. Драйзеру

March 10, 1929

Palo Alto, California

Dear TD:

I have waited a whole week to answer your kind note of Feb. 27th, thinking I might hear from you about my book. But today I shall write just on general principles and matters.

First, thank you for relieving my "contentious mind" by acknowledging receipt of manuscript. I'm afraid I agree with you about the drawings I sent. They were only rough samples of her work, but since then I have seen

more of her suggested sketches and have begun to fear that she simply can't draw. As you say, she is not imaginative; of course, the style of drawings she planned tends to "woodenness", because they are to be formal decorative head pieces. She was introduced to me by this same librarian who suggested a children's book, as an orphan who is trying to get a start on illustrating — so I had to give her a trial. I gave her loads of photographs, pictures, my own rough sketches to give her local color, but without much result thus far. I might try to do some drawings myself. That is, if you find the book worth bothering about. I have misgivings... it's my first, and I might have spent more time on it...

I certainly did enjoy the clippings you sent from *The Forum* and *New Yorker*. I'll send them on to Sergey — the Russians would enjoy your "challenge". It is a scream. You may yet get the reputation of being a humorist. I never did agree with critics, after I knew you, that you lacked a sense of humor. You know, honey, I have never liked that man Chesterton, and now that I find he is your enemy, I like him still less. Under the veneer of a British aristocrat, he is an old doddering fool, a narrow-minded, snobbish gentleman of letters who thinks himself very clever because he can handle the English language. How terribly clever he thinks he is when he gets that off about laying the egg, and other trite witticisms. The only really sincere thoughts in his article are his venomous attack on you and his burst of propaganda in behalf of the Catholic Church at the end. The American "sceptics" certainly have riled the old gentleman, although he tries to pretend he's not riled. That caricature of the Four Apostles at the end is marvellous — that is, of you and Lewis. The other two are not caricatures, and furthermore, Sherwood Anderson does not belong among them. I could very well imagine Anderson winding up in the Catholic Church. His vague, poetic wonderings about life are leading him into a vacuity and morbidity which would find consolation in the mysticism of the Church.

To continue our debate on *This Madness* and to ease my "contentious mind". Hitherto I have restrained myself out of respect for your white hairs and the intellect I have every reason to believe lies beneath them, and also, because I am fond of you and felt a sort of motherly compassion for you. But reason and principles triumph over restraint and compassion, my dear T.D.

AIM — FIRE — BANG!

You doubt that I had read 1/6 of it when I criticized — I had read 1/3 of it then ("The Book of Aglaia") and now with the April installment, half of the "Book of Elizabeth". But that is not the point. I criticized the first book as a whole; if the second had proved more worthy I would have granted a different verdict on it. You may have good reason for thinking that I should withhold my criticism to the end. Perhaps in conclusion, Don Juan is punished for his philandering, or better still, perhaps he reforms,

deciding at the age of 57 to settle down with one true love. Now there may be very good biological and social reasons for this decision, but the readers of the *Cosmopolitan* will be satisfied that it is a victory of God over the devil. In fact, the author may accompany the settling down process with a sermon such as he made in the article in a Sunday paper, “Varietists in the Field of Sex” in which he gave fatherly advice to women that the grass on their side of the fence is just as green as on the other, and they’d better settle down with one good provider before their market value slumps (or words to that effect).

Assuming that this is the way the “First Honest Novel about Love” will end — on a high moral note in keeping with American traditions — it won’t make me penitent either for my premature criticism or for my own sins. I don’t criticize the morals of the story, but the literary and artistic and realistic value of it. In this novel the Father of American Realism writes pseudo-biography with the unreality and romanticism of a school boy and worse, with the social snobbery of Robert W. Chambers. The only earmarks of Theodore Dreiser are the celebrated varietist temperament and his boastful frankness about it. Certainly Chesterton would not apply any of his invectives to this: while violating the theoretical moral code of the Catholic Church, it throws a lovely silken veil over ugly reality. All the girls are beautiful like fairy tale princesses, all young, not over 24, and all rich and clever. The two leading women also possess another virtue essential to American heroines: they are VIRGINS. I don’t know how many among the passing hundreds of other women who are mentioned casually as contributing to the sex appetite of the hero on the side, possess this virtue — but I notice that Wilma of the Aglaia episode was judged unworthy of the hero’s continued attentions because she was too trifling — it seems she actually had other lovers besides the irresistible hero, which made her too superficial for him to waste any more of his manly vigor on. In other words, the hero prefers virgins (though I should think he would get tired of breaking them in) who (while he avowedly has no such intentions) really hope to make the union permanent. Is it because their consequent depth of feeling make them sexually more attractive to him? Then how can he, on his side, entirely lacking in these qualities of purity and depth of feeling, attract them for long? How can he on his part get the full measure of enjoyment out of sex relations with one lovely charmer, if while he is in her arms he must be thinking about a similar appointment with Mabel around the corner? It’s not logical to me. My varietist temperament, for example, could never handle more than one lover at a time. I am like Ossip,

the Don Juan of Moscow, who said: "I never have more than one affair at a time, and I enter into it as if it were for always." Now I am beginning to feel sorry for the hero: I fear he has been sadly cheated in his love life — perhaps only physically and not emotionally aroused, hence the transient quality of the attraction. Poor man!

Here again is the author's misconception of the inequality of the roles which men and women play in the game of love and in other spheres.

But in this novel we find a reversal of the usual situation in the author's other novels: in this the hero need neither woo nor buy his women: the women woo, and, if not exactly buy him, at least make the course of true love run more smoothly with their money. This happy reversal of the author's cosmic laws should be a great saving in both time and money for the hero. In fact, he seems blessed by Providence, for he seems not to contribute anything to the union except his male vigor, — neither, beauty, youth, depth of feeling nor money — not any of the requisites he himself demands of women. It is a peculiarly unbalanced, unnatural union, which we are supposed to explain on the grounds that the hero is a "genius". But I venture to assert that this picture is not true to life!

I resent the misrepresentation of my sex contained in this novel. No doubt the hero has had plenty of women make advances to him — women are such fools about famous literary men — but as I told you once in a conversation, they probably were inferior types of women. No intelligent, self-respecting woman would behave as these women did. I am an average woman and I know I never threw myself at any man, no matter how much I might admire and desire him. Quite the contrary, on the slightest encouragement or imagined encouragement, men have attempted rape. And heavens, when I think back on what I was at the age of these heroines! Shy, unsophisticated, proud. And I belong to the same generation as these women the author describes. It is inconceivable to imagine a young virgin of intelligence and refinement behaving as Aglaia and Elizabeth did. The text itself proves the unreality of such situations. Even the dialogue is unnatural.

There is a total absence, also, in this romantic record of any sordid details such as pregnancy, abortions, etc. for which the author is famous. Evidently in writing about himself he feels more delicate about these matters than when writing about others. However, he shows little delicacy or restraint in depicting the mad infatuation and deathless love which his modest person aroused in the heroines. "This madness" seems to be confined solely to the female sex: the hero remains serene, aloof, emotionally

unconquered and always free for other proffered love gifts. In these poor women, the author idealizes a love which his hero shows himself, almost boasting, to be incapable of — a one-sided idyll, for the other side is vulgar, egotistical, inhuman.

The same millions of eyes which peruse “Mr. Coolidge’s Own Story Part One Tells the Price in Heartaches of Being President” will, after swimming through the bewildering welter of shocking advertisements of sanitary napkins, disinfectants, powder, cream, and a thousand necessities for feminine hygiene, beauty and youth, flaring illustrations of alluring young females to accompany the ads and stories about how they caught husbands, will at last come to the third installment of *This Madness* and for the third time find the First Honest Novel disappointingly dishonest — a rather boring record, in fact, of the author’s purported conquests, without those spicy details and suggestive passages for which they buy the *Cosmopolitan*. It’s too idyllic. If it weren’t for your name I’m sure it would be a failure — but alas, not for the same reason your monumental works for so long were failures.

But if lacking in positive sensuality, it will nevertheless have a vicious effect on the great female semi-moron population. It will make the young things who spend all their time trying to look like movie actresses want to find a charming author. True, 99% will have no wealth to attract one - you remember those figures you quoted once about 98% of the wealth being in the hands of 4% of the population — so they’ll dream like Cinderella. You have written about how the “luxury lust” in America is stifling art — it is just this sort of stories which encourages the luxury lust with its unreality, display of wealth and beauty, absence of social ideals, preoccupation with the pursuit of pleasure, and above all, encourages the false conception engendered by capitalist society which is so degrading and enslaving to women: that woman is a commodity for the use of men, which loses its value when youth and beauty decline. The bourgeois, parasitical type of woman deserves this appraisal, I admit, but they are greatly in the minority. Yet you usually write about this type because it bolsters up your distorted view of the functions of the female sex. In the past there have been a few studies of poor girls, working girls like Roberta and Jennie Gerhardt — I am grateful to you for these understanding studies — but on the whole you ignore the new woman who earns her living doing the world’s work and for whom sex plays the same role as for men.

But there is yet Sidonie! I had forgotten Sidonie! Perhaps she will redeem my slandered sex!

You know I wouldn't write these pages if I didn't feel strongly about it. It's like a crusade to me. I have tried not to be personal, but that is difficult. But you know that I am not in any way criticizing your personal life which is absolutely none of my business. I am only criticizing the record of it which you have published and the sex philosophy contained in it. And I feel from the point of view of realism in literature that this is a blot on your reputation. It is a pity to stray off the path of realism when you have kept to it so steadfastly all through the years of struggle, poverty and discouragements. But America was at last generous to you: she accepted you with all your uncompromising realism and your defiance of moral codes. Why not continue to live up to America's appreciation of what you stand for and go on writing the naked truth?

I'll send this off before I change my mood or your letter arrives. For if you are kind to my book, I won't have the heart to be so ungrateful, and if you reject it, it would look as though I was vindictive. Today the clipping about music came, which I read with great pleasure. It is a real tribute to Russian art. Thank you!

How I could rhapsodize on the Spring which has come, instead of writing controversial letters. All the trees are in blossom, almond trees first and then apricot, with peach, apple and plum bursting with buds and almond trees already in full leaf. The air is full of fragrance and flying petals. Our irises are putting out purple flowers and the narcissus is in bloom. One day hot sunshine, the next showers. I have a vegetable garden. In another week, papa and mamma are going back to Oklahoma and for several months I shall be alone here. Am busy writing for Russia, as well as here, but feel discouraged about prospects and about American civilization. I may return to Russia in the fall if I get a good job. Perhaps to work with the new Soviet farm — your idea of Soviet state farming is now being carried out! Did you know Mr. Wood is on a 6 months' tour of South America? Life is terribly dull for me after my hectic years but it's good discipline. Lots of love to you, dear, wonderful, irritating friend! Ruth

Перевод:

10 марта 1929 г.

Пало-Альто, Калифорния

Дорогой ТД!

Я ждала целую неделю перед тем как ответить на твоё короткое милое письмо от 27 февраля, думая, что ты, быть может, что-то

напишешь мне о моей книге. Но сегодня я будут писать тебе в связи с общими принципами и вопросами. [...]

Я получила огромное удовольствие от присланных тобой вырезок из *Forum*¹ и *New Yorker*. Отправила их Сергею — русские оценят твой «вызов». Это просто восторг. Ты можешь создать себе репутацию юмориста. Зная тебя, я никогда не соглашалась с критиками, считающими, что у тебя нет чувства юмора. Тебе известно, милый, что я всегда недолюбливала этого Честертона, а теперь, когда я узнала, что он твой враг, он мне нравится еще меньше. Под личиной британского аристократа обнаруживается старый слабоумный болтун, узколобый сноб, джентльмен от литературы, который считает себя очень умным, поскольку владеет английским языком. Каким умником он воображает себя, когда отпускает шуточки насчет яиц и блещет подобным пошлым остроумием². Единственное, что действительно искренне в его статье, — это его ядовитые нападки на тебя и его яростная пропаганда в защиту католической церкви, которой все кончается. Американские «скептики» определенно раздражают старого джентльмена, хоть он и делает вид, что не раздражен. Эта карикатура на четырех апостолов³ в конце просто великолепна — то есть, карикатура на тебя и Льюиса. Другие двое — не карикатуры, и, к тому же, Шервуд Андерсон тут ни при чем. Я легко могу представить себе Шервуда Андерсона, которого угораздило стать католиком. Его туманные поэтические восторги по поводу жизни приведут его к опустошенности и болезненности, которые заставят его искать утешения в мистицизме Церкви.

В продолжение спора об «Этом безумии» и чтобы успокоить мой «мятущийся разум»: до сих пор я сдерживала себя из уважения к твоим сединам и интеллекту, который (у меня есть все основания так считать) скрывается под ними, а также потому что я люблю тебя и чувствую к тебе что-то похожее на материнское сострадание. Но разум и принципы все же восторжествовали над состраданием и сдержанностью, мой дорогой ТД.

ЦЕЛЬ — ПЛИ — БАМ!

Ты сомневаешься, что я прочла хотя бы одну шестую часть романа, который критикую — так вот, я прочла треть его («Книгу Аглаи») и сейчас, в апрельском выпуске половину «Книги Элизабет». Но дело не в этом. Я критиковала первую книгу как единое целое; если бы вторая оказалась лучше, гарантирую, что мое суждение о ней было бы другим. Может быть, у тебя есть основания считать, что мне следует приберечь свою критику до конца публикации. Возможно,

в финале Дон Жуан будет наказан за волокитство, или, что еще лучше, он изменится и в возрасте 67 лет остепенится, обретя истинную любовь. Для такого решения могут быть убедительные биологические и социальные основания, но читатели *Cosmopolitan* воспримут это как победу Бога над дьяволом. На самом деле, автор может сопроводить процесс улаживания дела проповедью, вроде той, которую он поместил в статье для воскресной газеты «Ищущие разнообразия в сексе»⁴ и в которой дал отеческий совет женщинам: поскольку трава одинаково зелена и по ту, и по эту сторону их изгороди, им лучше остаться с одним-единственным надежным кормильцем, до того, как резко упадет их рыночная привлекательность (или что-то в этом роде).

Предполагая, что именно так и закончится «Первый честный роман о любви» — на высокой моральной ноте в полном соответствии с американскими традициями, я не чувствую раскаяния за свою преждевременную критику или за свою собственную греховность. Я критикую эту историю не с позиций нравственности, а с точки зрения ее литературной, эстетической ценности и ее реалистичности. В этом романе Отец американского реализма создает свою псевдо-автобиографию, романтическую и нереальную, словно фантазии школьника-мальчишки (а то и кого-то похуже) и к тому же пропитанную социальным снобизмом в духе Роберта У. Чемберса⁵. Единственное, что здесь осталось от Теодора Драйзера, — это его знаменитый темперамент сексоголика и его хвастливая откровенность. Определенно, Честертон не смог бы в этом случае предъявить тебе ни одного из своих обвинений: хотя в романе и нарушается абстрактный моральный кодекс католической церкви, но при этом на неприглядную реальность наброшено шелковое покрывало. Все девушки здесь прекрасны, словно сказочные принцессы, все они юные — не старше 24 лет, все богаты и умны. Две главных женщины к тому же обладают важнейшей добродетелью американских героинь: они ДЕВСТВЕННИЦЫ. Не знаю, сколько еще среди упомянутых мимоходом сотен прочих сменяющих друг друга женщин, сподобившихся послужить удовлетворению сексуальных appetitов героя, тех, кто обладает этой добродетелью. Но я заметила, что Вильму из эпизода «Аглая» герой счел недостойной своего внимания, поскольку нашел ее чересчур легкомысленной — кажется, у нее были еще любовники, кроме нашего неотразимого героя, так что она оказалась слишком поверхностной, чтобы тратить на нее свой пыл. Другими словами, герой предпочитает девственниц (хотя я склонна думать, что его утомляет необходимость

долго их уламывать), которые (в то время, как он клянется, что не имеет таких намерений) всерьез надеются на постоянный союз. Может быть, потому, что их предполагаемая глубина чувств делают их для него более сексуально привлекательными? Тогда как же он, начисто лишенный этих качеств — чистоты, глубины чувства, может быть для них привлекателен? Как может он вкусить всю полноту наслаждения от своей связи с одной из прелестных чаровниц, если в ее объятиях он думает о таком же свидании с Мейбл, которая будет ждать его за углом? Для меня это лишено всякой логики. Я со своим темпераментом любителя сексуального разнообразия не могу управиться больше чем с одним любовником. Я — как московский донжуан Осип⁶, который как-то сказал: «Я никогда не смогу завести больше одного романа одновременно: я полностью отдаюсь чувству — так, как если бы это было навсегда». И мне становится жаль твоего героя: я подозреваю, что любовная жизнь сыграла с ним злую шутку: ему не знакомы чувства, а знакомо только физическое возбуждение, и потому его влечение так скоротечно. Бедняга!

Здесь снова неверное представление автора о разных ролях, которые мужчина и женщина исполняют в любовной игре — и в других сферах.

Но в этом романе мы обнаруживаем переворачивание той ситуации, которая обычно присутствует в других романах автора: здесь герою нет нужды волочиться за женщинами или покупать их: женщины сами бегают за ним, и если и не покупают его в прямом смысле слова, то, во всяком случае, их деньги смазывают колесницу любви, чтобы она ехала мягче и быстрее. Такое счастливое переворачивание космических законов позволяет герою изрядно сэкономить и время, и деньги. Видимо, он отмечен Провидением, поскольку, как кажется, ничего не вкладывает в связь, кроме своего мужского пыла — от него не требуется ни красоты, ни молодости, ни глубокого чувства, ни денег, ничего из того, что сам он требует от женщин. Это совершенно перекошенные, противоестественные связи, и объяснение предполагается только одно: этот герой — «гений». Но я осмелюсь заявить, что нарисованная картина ничего общего не имеет с правдой жизни!

У меня вызывает негодование то, как искаженно показан в этом романе мой, женский пол. Несомненно, многие женщины заигрывали с героем — со знаменитыми писателями женщины ведут себя очень глупо — но, как я однажды тебе сказала, вероятно, это свойственно низшему женскому типу. Ни одна умная, уважающая себя женщина не

станет вести себя так, как эти героини. Я самая обычная женщина, но я не стану бегать за мужчиной, как бы я им не восхищалась и как бы сильно он меня не привлекал. Наоборот, при малейшем поощрении (или воображаемом поощрении) мужчины сразу же предпринимали попытки изнасилования. Боже мой, как только я вспомню, какой я была в возрасте этих героинь! Робкая, неопытная, самолюбивая. А я ведь принадлежу к тому же поколению, что и эти женщины, которых описывает автор. Невозможно представить себе девственницу — молоденькую девушку, умную, воспитанную, которая вела бы себя как Аглая или Элизабет. Сам текст романа выдает нереальность таких ситуаций. Даже диалоги здесь неестественны.

В этих записях любовных похождениях полностью отсутствуют какие бы то ни было низменные подробности, вроде беременности, аборт и т.п., описаниями которых знаменит автор. Очевидно, что применительно к себе он проявляет в этих вопросах куда большую деликатность, чем когда пишет о других. Однако же он не слишком заботится о деликатности, когда рисует безумную страсть и вечную-бесконечную любовь, которые пробуждает в героинях его скромная особа. «Это безумие», кажется, свойственно исключительно женскому полу: герой же остается трезвомыслящим, сдержанным, эмоционально отстраненным, готовым в любой момент принять приносимые ему все новые дары любви. В этих бедных женщинах автор идеализирует ту самую любовь, на которую неспособен сам герой — и эту свою неспособность он открыто демонстрирует, чуть ли не бахвалится ей. Это односторонняя идиллия, поскольку другая сторона — вульгарна, эгоистична и бесчеловечна.

Те же миллионы читателей, которые вникали в «Историю мистера Кулиджа, рассказанную им самим. Часть первая, повествующая об инфарктах, которыми он заплатил за свое президентство»⁷, пробравшись через хаос рекламы прокладок, антисептиков, пудры, кремов и тысячи других средств для женской гигиены, сохранения молодости и красоты, через аляповатые рекламные иллюстрации и картинки с изображением соблазнительных красоток и рассказы о том, как эти красотки залавливают мужей, наконец добираются до третьего выпуска «Этого безумия» и в третий раз обнаруживают, что Первый Честный Роман «про это», на самом деле, удручающе нечестен и представляет собой унылый отчет о воображаемых победах автора, в котором нет ни пикантных подробностей, ни волнующих намеков — ради чего и покупают *Cosmopolitan*. Роман слишком идиллический.

Если бы не твое имя, уверена, что это был бы провал — но, увы, вовсе не по тем причинам, по которым так долго были провальными твои монументальные сочинения.

Но хоть роману и недостает жизнеутверждающей чувственности, он, тем не менее, сможет оказать пагубное воздействие на немалую часть бестолкового женского населения. Он заставит девчушек, которые заняты только тем, что пытаются выглядеть как киноактрисы, устремиться на поиски очаровашки-автора. Но конечно, у 99% из них просто не будет денег, чтобы привлечь его внимание, ведь 98% богатств сосредоточены в руках 4% населения — помнишь, ты сам однажды привел эти цифры, так что им, как и Золушке, останутся только мечты. Ты писал о том, как «жажда роскоши» в Америке душит искусство — и написал одну из тех историй, которая подстегивает жажду роскоши, потому что она нереалистична, выставляет напоказ богатство и красоту, в ней отсутствует социальное содержание, весь ее смысл — в поиске наслаждений, и к тому же она поддерживает ложную идею, порожденную капиталистическим обществом, которое развращает и закабальет женщин: женщина — это товар для мужчин, и он дешевет, когда уходят молодость и красота. Допускаю, что паразитический тип женщины-буржуазки заслуживает того, чтобы ее именно так и оценивали, но таких женщин все же меньшинство. Однако ты обычно пишешь именно об этом типе женщин, поскольку он подкрепляет твой искаженный взгляд на функции женского пола. В прошлом ты несколько раз принимался за изучение бедных девушек-работниц вроде Роберты и Дженни Герхардт — и я благодарна тебе за эти вдумчивые опыты, но в целом ты игнорируешь новую женщину, которая зарабатывает сама и в жизни которой секс играет ту же роль, что и в жизни мужчины.

Но есть же еще Сидония! Я совсем забыла про Сидонию! Вдруг она поможет реабилитироваться моему оклеветанному женскому полу?

Ты знаешь, что я не стала бы всего этого писать, если бы мне было все равно. Я очень глубоко это переживаю, для меня это что-то вроде священной войны. Я старалась не быть слишком субъективной, но это тяжело. Ты знаешь, что я никоим образом не критикую твою личную жизнь, которая меня совершенно не касается. Я критикую только твой опубликованный рассказ о ней и выраженный в нем взгляд на секс. И я чувствую, что с точки зрения принципа реализма в литературе это удар по твоей репутации. Жаль, что ты отклонился

от реализма, которому так упорно следовал все годы, полные борьбы, лишений и превратностей. Но в итоге Америка признала тебя: она приняла тебя с твоим бескомпромиссным реализмом и с тем вызовом, который ты бросил нравственному кодексу. Почему бы тебе и дальше не следовать принципу, на котором ты стоишь и за который тебя оценила Америка — писать чистую правду без прикрас?

Я отправлю это письмо поскорей, пока я не передумала, или пока не пришло твое письмо. Если в нем ты станешь хвалить мою книгу, у меня не хватит духа быть такой неблагодарной, а если ты станешь ее ругать, то все будет выглядеть так, словно я написала это из мстительного чувства. Сегодня пришла вырезка о музыке, которую я прочла с огромным удовольствием. Это настоящее признание русского искусства⁸. Спасибо тебе!

Мне бы лучше воспевать весну, которая наконец наступила, чем вступать в споры посредством писем. Все деревья в цвету, первым зацвел миндаль, затем абрикосы и персики, на яблонях и сливах набухли почки, а миндальные деревья уже все покрыты листвой. В воздухе разлит аромат, и летают цветочные лепестки. Наши лиловые ирисы раскрывают бутоны, нарциссы уже распустились. Был один жаркий день, а за ним пошли дожди. У меня здесь есть огород. Мама и папа на несколько месяцев возвращаются в Оклахому. Я занята — пишу для России, но меня беспокоят перспективы и состояние американской цивилизации. Может быть, осенью я вернусь в Россию, если найду хорошую работу⁹. Может быть, поработаю на новой советской ферме — осуществляется твоя идея и о государственном фермерстве в СССР! Ты знаешь, что мистер Вуд отправился в шестимесячную поездку по Южной Америке? Жизнь здесь кажется мне очень скучной после всех этих беспорядочно проведенных лет, но это помогает самодисциплине. Шлю тебе море любви, мой дорогой, чудесный, невыносимый друг! Рут.

¹ Речь идет о статье Г.Л. Честертон: G.K. Chesterton, "The Skeptic as Critic," *Forum* 81 (February 1929): 65–69, которая вошла в его книгу «Истина. Почему я католик» (*Thing: Why I Am a Catholic*, 1929). В статье Честертон констатирует, что находит крайне отталкивающими философию Драйзера, его стиль и тон письма, и подчеркивает, что для него полемика с Драйзером не имеет смысла, поскольку у них нет никаких точек соприкосновения и никакой содержательной дискуссии между ними получиться не может.

² Честертон в своей статье «Скептик как критик» цитирует Г.Л. Менкена: "The critic... is trying to achieve thereby for his own inner ego the grateful feeling of a function performed, a tension relieved, a katharsis attained, which Wagner achieved

when he wrote *Die Walkurie*, and a hen achieves every time she lays an egg” (66–67). Сформулировав свое нелюбимое мнение о творчестве Драйзера, Честертон неоднократно возвращается к этой «менкеновской» метафоре: “I have got it off my chest. I have attained a katharsis. I have laid an egg. I have produced a criticism, satisfying all Mr. Mencken's definitions of the critic of the critic. I have performed a function. I feel better, thank you” (67). “If the function is only performed for the satisfaction of the performer, as in the parable of the critic and the egg, it becomes futile to discuss whether it is an added egg. It becomes futile to consider whether eggs will produce chickens or provide breakfasts. But even to be certain of our own sanity in applying the tests, we do really have to go back to some aboriginal problem, like that of the old riddle of the priority of egg or chicken; we do really, like the great religions, have to begin *ab ovo*” (68).

³ В конце статьи Г.К. Честертон в *Forum* помещена карикатура «Апостолы скептицизма», на которой изображены С. Льюис, Т. Драйзер, Дж. Дос Пассос и Ш. Андерсон.

⁴ Вероятно, речь идет о публикации Драйзера “Dreiser on Matrimonial Hoboes,” *New York American*, March 11, 1928, sec. E, p. 4.

⁵ Роберт Уильям Чемберс (Robert W. Chambers, 1865–1933) — американский художник и писатель, автор исторических, любовных, военных романов, а также страшных рассказов. Наиболее известен его сборник рассказов «Король в желтом» (*The King in Yellow*, 1895). Чемберс был одним из самых успешных беллетристов своей эпохи, многие его книги были бестселлерами, ряд романов выходит в журнальных «сериализованных» публикациях.

⁶ Осип Мартынович Бескин. См. примечание к письму 4.

⁷ Речь идет про «Автобиографию К. Кулиджа», в начале 1929 г. выпущенной отдельным изданием в *Cosmopolitan*: Coolidge, Calvin. *The Autobiography of Calvin Coolidge* (New York: Cosmopolitan, 1929). Вначале книга выходила выпусками в журнале *Cosmopolitan*, как и роман Драйзера.

⁸ Интервью Драйзера: R.H. Wollstein, “You Know Mr. Dreiser; the American Tragedian Turns His Freudian Eyes on Music,” *Musical America* 49 (February 25, 1929): 36–37, 55–56.

⁹ Второй раз Рут Кеннел приехала в СССР в 1931 г. по приглашению своей знакомой, известной журналистки Милли Беннет (Milly Bennett, 1897–1960) для участия в проекте Анны Луизы Стронг — созданной ей в Москве в 1930 г. англоязычной газете *Moscow News*. См. об этом главу “‘Eyes on Russia’: Gal Reporters on the Moscow News” в книге: Julia Mickenberg, *American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream*. Chicago: University of Chicago Press, 2017: 163–200.

24. Т. Драйзер — Р. Кеннел

29 марта 1929 г.

200 West 57th Street, New York City

Дорогая Рут!

«Беспризорника Ваню» прочитал не только я, ее также прочитали эксперты из *Liveright*, *Covici-Friede* и *Simon & Schuster*. Мое личное мнение — твой материал по большей части хорош, но художественная форма слабая. Можно сказать, она портит все, потому что повесть сделана неубедительно. Для истории о Ване здесь много отличного ма-

териала. Но его нужно как следует сжать. Прежде всего, сократить диалоги, некоторые совсем убрать, а весь материал, показывающий русскую жизнь, — Рождество, Пасха, празднование юбилея, нужные для создания атмосферы, — давать кусочками по мере развития истории и сюжета, повествующего о том, как и почему именно этот мальчик стал таким. Тогда воздействие повести станет гораздо сильнее, чем сейчас. С другой стороны, эксперт *Simon & Schuster* счел, что лучше совсем отказаться от художественной формы и просто сделать документальную книгу об этих детях. Он добавил, что голые факты достаточно красноречивы. Смит¹ из *Liveright* думает, что такая форма повести возможна, хотя в нынешнем виде это не лучший ее вариант. Я, естественно, придерживаюсь своего мнения. Получив разрешение на редактуру, я смогу сделать книгу — но хочешь ли ты этого? Скажи, чего бы ты хотела.

Рад, что у вас такая прекрасная зима, и сожалею, что ты едешь в Россию.

Очевидно, твоя подруга решила остаться, потому что она продолжает свой паспорт².

Что касается «Этого безумия», прости, что я не могу изменить свой опыт и свои реакции, чтобы угодить тебе. Похоже, такова моя литературная участь. ТД.

Оригинал письма см.: [LW: 215–216].

¹ Том Смит, редактор издательства *Boni & Liveright*, который работал с Драйзером над изданием романа «Американская трагедия».

² Речь идет о Мэй О'Каллаган; см. письмо 26.

25. Р. Кеннел — Т. Драйзеру

April 4, 1929
Palo Alto, California

Dear TD:

Here are the revised pages which I promised you. I think they are a great improvement on the old ones, imperfect as they still are. Every time I read a page over, I think of a correction. That comes of writing too hastily at the beginning. It's like trying to patch up a house which has a weak foundation. At any rate, I'm sure it is in much better shape for you to edit. I think the last two chapters greatly improved. There were any number of minor changes I made throughout the manuscript it didn't seem worthwhile to re-type each whole page. I could give you the changes page by page, but I couldn't ask you to go to all the trouble of correcting the pages yourself. Perhaps when I get the third copy back from the artist I'll send you those pages corrected.

How I wish I were in New York, for more reasons than one, but just now so that I could go over the book with you. If you think my suggestion about re-writing the whole book after you have edited it, is a good one, I am willing. In fact, I am glad to do anything you advise, being very proud and happy to have a master helping on my book. My only reason for revising the pages for you to edit is to do myself justice, give you the best I can for you to correct. Even so, I could probably do still better if I went over it again.

You will notice that the songs are now put into good verse. My friend, Mrs. Shipman, helped me do that. All but The Potato — I didn't feel like tackling that!

Did I tell you Knopf had written asking me for a book? Mencken accepted an article by me and after reading the proofs, Knopf wrote to me about a book. I answered that I am willing to write any kind of a book he wants! Just like that! (Especially if you are willing to edit it for me.)

Not a word yet from O'C[allaghan] in answer to three air mail letters. I'm afraid the aeroplanes must have been smashed or perhaps her mail is censored as an alien-enemy. If you see her, do explain what has happened. It is terrible to be cut off from her like this, when she has been my dearest friend and confidante for so many years. I asked her many times to come out and keep me company in this empty house.

How I hope you can go full steam ahead and tear my book to pieces. Anything, as I said, to get it into print — not a very artistic spirit, I'm afraid, but I'm terribly impatient. Tell me honestly, honey, do you think I'll ever be able to earn a living writing?

Sergei is a trying boy. He sent me a cable ordering Stevenson's *Kidnapped* and Scott's *Woodstock*, illus[trated], boy's ed[ition]. I could find no such ed[ition] so sent him one unillustrated. I got a letter yesterday, mad as ... you get sometimes, saying it was the illustrations only which he wanted and please send them immediately. And they cost \$2.50 each! But I sent them. Once he ordered violin strings, said he was learning to play, if you please, and I went to a big music store in S[an] F[rancisco] and was most careful to get the right ones - \$5.00 worth, and he had the nerve to write to me "Ruth, you were deceived. These are the strings for the guitar, not the violin". Imagine! And they were marked violin on the packages, only I took them out in order to send them in envelope. He keeps asking me for articles and I keep sending them — but he says in the letter received yesterday that they are not yet published "you know the reason — our magazines are 100% Marxian and it is very difficult to write for them". Which is worse, I wonder, 100% Marxian or 100% American?

I have two or three short reviews of your Russian editions to translate for you. One will amuse you. It was published in the *Needle Crafts Magazine* and is called “Dreiser the Exposer of the American Bourgeoisie” and tells, in very good style, why needle workers should read your works! I always prophesied a brilliant future for you, a grand climax to your career. Now it has come.

I’ll send these pages off at once, hoping they will help and not hinder you in your editing.

Gratefully and yes, penitently, for don’t think my conscience doesn’t hurt for the criticism I wrote you, especially when your very brief answer heaped coals of fire. I don’t take back my opinion of this work, but I do hope it didn’t hurt your feelings too much and that I am forgiven, for I am really very, very fond of you, and when I hurt you I’d like to kiss the hurt. Ruth.

Read second half of “Elizabeth” this afternoon. Must admit there is more human emotion expressed and some of it reminds me strangely of something...

P.S. Your note came today — thanks for the copy of letter re: ballet. Perhaps you’ve already revised the book — if no, don’t trouble with these pages.

Перевод:

4 апреля 1929 г.

Пало-Альто, Калифорния

Дорогой ТД:

Вот исправленные страницы, которые я тебе обещала. Думаю, они стали гораздо лучше по сравнению с прежним вариантом, хотя все еще далеки от совершенства. Каждый раз, когда я прочитываю страницу, возникает мысль о поправках. Причина в том, что я вначале писала слишком торопливо. Это все равно, что строить дом на шатком основании. В любом случае они больше готовы для твоей редакции. Я думаю, что две последние главы стали гораздо лучше. Я также сделала в рукописи некоторое количество более мелких поправок, и мне показалось, что из-за каждой из них не стоило перепечатывать целую страницу. Я могла бы передавать тебе правки постранично, но не могу позволить, чтобы ты сам взялся править страницы. Пожалуй, я pošлю тебе исправленные страницы, когда получу обратно от художницы третий экземпляр рукописи.

Как бы мне хотелось оказаться в Нью-Йорке — по нескольким причинам, но в первую очередь чтобы просмотреть книгу с тобой. Если ты одобряешь мое предложение переписать всю книгу после того, как

ты ее отредактируешь, я готова. На самом деле, я буду рада выполнить все, что ты посоветуешь, потому что я счастлива и горда тем, что мэтр помогает мне работать над книгой. Единственная причина, по которой я пересматривала страницы перед твоей редактурой — это желание сделать все, что от меня зависит, чтобы ты получил книгу для правки в самом лучшем виде. И все-таки, думаю, что я могла бы сделать больше — если бы еще раз перепроверила все.

Ты увидишь, что слова песен теперь написаны хорошим стихом. В этом мне помогла моя подруга миссис Шипман. Все песни, кроме той, что поет Картоха — ее я не захотела переделывать!

Я тебе говорила, что Кнопф написал мне с просьбой о книге? Менкен принял мою статью¹, и после вычитки верстки Кнопф написал мне про книгу². Я ответила, что готова написать ему любую книгу, какую он пожелает! Именно так! (Особенно если ты захочешь отредактировать ее для меня.)

До сих пор нет ни слова от О'Каллаган, а я послала ей три письма воздушной почтой. Уж не разбились ли все три самолета — или может быть, ее почту проверяют шпионы-инопланетяне? Если увидишь ее, скажи ей об этом. Ужасно, что между нами вот так прервалась связь, ведь она моя самая близкая и любимая подруга уже много лет. Много раз я просила ее приехать и составить мне компанию в этом пустом доме.

Как же я надеюсь, что ты на всех парах ринешься вперед и просто порвешь мою книгу на мелкие кусочки! Делай все, что тебе угодно, лишь бы она пошла в печать — конечно, настоящие художники слова не должны так говорить, но мне так не терпится! Скажи мне честно, милый, как ты думаешь — смогу ли я когда-нибудь зарабатывать на жизнь писательством?

Сергей пытливый мальчик. Он отправил мне телеграмму, в которой заказал «Похищенного» Стивенсона и «Вудсток» Скотта³ — иллюстрированные детские издания. Я не смогла их найти, и отправила ему издания без иллюстраций. И вчера получила от него такое яростное письмо, какие иногда бывают у тебя, — и там написано, что он хотел именно иллюстрации, дескать, немедленно вышли! А книги эти, между прочим, стоят два с половиной доллара каждая! Но я их ему послала. Однажды он заказал мне струны для скрипки, объяснив, что он учится играть, и я пошла в самый большой музыкальный магазин Сан-Франциско и тщательно выбрала нужные, чтобы не ошибиться — они стоили 5 долларов, а он имел наглость написать мне: «Рут, тебя обманули. Это гитарные, а не скрипичные струны». Представь! Меж-

ду прочим, на упаковках было написано, что это скрипичные струны, вот только я вынула их из упаковки, чтобы отправить в конверте. Он все время просит у меня статьи, и я постоянно их ему отправляю — но в письме, которое пришло вчера, он пишет мне, что они все еще не напечатаны: «Ты же понимаешь, почему. Наши журналы стопроцентно марксистские, и писать для них очень трудно». Интересно, что хуже для журнала — быть стопроцентно марксистским или стопроцентно американским?

У меня есть еще две или три коротких рецензии на твои русские издания, которые я переведу для тебя. Одна из них тебя позабавит. Она была опубликована в журнале «Швейное дело», называется «Драйзер — разоблачитель американской буржуазии» и в ней написано очень хорошим стилем, почему работники швейного производства должны прочесть твои сочинения!⁴ Я всегда предсказывала, что тебя ждет блестящее будущее и твоя карьера достигнет небывалых вершин. Вот все и сбылось!

Эти страницы я вышлю быстро, чтобы не мешать твоему редактированию.

Я благодарна тебе — и чувствую себя виноватой, не думай, что у меня не болит душа от того, что я написала тебе такое резкое критическое письмо, а твой очень краткий ответ снова разжег тлеющий костер. Я не беру своих слов назад, но надеюсь, что не слишком сильно задела твои чувства, и что ты простил меня, потому что я правда очень, очень люблю тебя, и если я делаю тебе больно, мне всегда хочется потом поцеловать больное место. Рут.

Сегодня днем прочла вторую половину «Элизабет». Должна признать, что выраженные в ней чувства более человечны и странным образом что-то мне напоминают...

P.S. Твоя записка пришла сегодня — спасибо за копию письма о балете⁵. Возможно, ты уже выправил книгу — а если еще нет, не беспокойся об этих страницах.

¹ Ruth Epperson Kennell, "The New Innocents Abroad," *American Mercury* 17, no. 65 (1929): 10–18.

² Журнал *American Mercury* издавался А. Кнопфом.

³ Романы Р.Л. Стивенсона «Похищенный, или Приключения Дэвида Бэлфура» и Вальтера Скотта «Вудсток, или Кавалер».

⁴ Пока не удалось установить, о какой публикации идет речь.

⁵ После возвращения из СССР Драйзер мечтал организовать гастроль в США «русского балета» (балетной труппы Большого театра). Для осуществления этого плана он занимался сбором пожертвований, обращаясь к предпринимателям и крупным компаниям. Тем не менее, эту идею осуществить не удалось.

26. Р. Кеннел — Т. Драйзеру

May 2, 1929
Palo Alto, California

Dear TD:

It has been a long time since I heard from you. I know you are busy with many things. I heard of the trial in Boston, incredible, and yet in our double-faced civilization, quite possible. There seems to be a new wave of “law and order” since the inauguration of our exceedingly respectable president. We have two cases here on birth control, one of which I have busied myself with, quite futilely. When a country has medieval laws on the statute books of every state in the union, the enlightened minority can never know when the moron population, egged on by scheming politicians, will fall upon them. In Soviet Russia, on the contrary, etc. (an old story to you).

I read in the last *American Mercury* an article on Mooney, an exceedingly clear, fair, and readable article, which quotes your letter to the Governor at the very end. So while your fine efforts in Mooney’s behalf apparently came to nothing the seeds have been planted and are sprouting.

I am enclosing the translation of the review I mentioned. It is the same tune the other Russian reviews played. Perhaps you are tired of it, and yet the trend of thought is refreshing in our sordid, hypocritical world. “Dreiser, the Exposer of American Bourgeois Society”. Do you like being called that, or is it an unwitting role, now abandoned?

Of course, I’m wondering what you are doing with *Vanya*, or have you been too busy to touch it? Meanwhile (and I hope I did right in it) in reply to the urgent request of Miss Fiery of *Knopf*, to let her see the children’s book which I mentioned when Mr. Block wrote asking me for a book — I sent a second copy of *Vanya*. In the accompanying letter I explained that the book was now in the hands of another publisher, but I should be glad to have her read it to get her opinion, and also see my style, material, etc. I told her I had another book for children in mind which she might be interested in. Miss Fiery in her letter said they had very little Russian material, especially for young people, and were anxious to get more. This is the first publisher who has told me that Russian material was scarce and they wanted it. I hope there is a revival of interest in the subject which for the time being must be my stock in trade. At the same time, following the suggestion of Mr. Block, I sent him copies of all my articles published and unpublished to look over with a view to making a book. So you see I stand on the threshold and a push in either direction will probably decide my fate.

The Open Road wants me to lead a group to Russia the last of July, but I am undecided. There seems little to be gained except up-to-date material. It is only a month in Russia. They pay expenses only from New York; it is not a money-making concern.

O'C[allaghan] wrote me that you had been very kind and helpful about renewal of her visa and that in general you were very nice to her and held in high esteem in Russian-American circles. For which I am thankful and happy.

What are the latest developments in the Soviet ballet project? I have seen nothing in the press yet.

I have heard nothing from Sergei since I wrote scolding him about the 100% Marxism and the attitude of the Soviet press and party toward Trotsky. Even if Sergei agreed with me, he wouldn't dare say so. He used to be a follower of Trotsky but was subdued by his intellectual ambitions, which would have been blighted had he chosen to stay on that side. When Trotsky's articles from Constantinople were published, the Soviet press set up a howl that he had sold himself to the bourgeois press, that he had attacked the Soviet government, was counter-revolutionary, a turn-coat, betrayer and everything that a revolutionist should not be. All of this, without quoting one word from the articles. Yaroslovsky made himself the "interpreter" of the articles, quoting a word here and there to prove all the above. Then came the mass answer, in true sheep fashion. From all over the Soviet Union, the local Party groups sent in their unanimous resolutions condemning "Meester Trotsky". I hope I don't sound cynical and bitter, I'm not at all, it is just the political game, still played in Russia as elsewhere. The amusing thing is to see our little American "communists" echoing Moscow and expelling their best members on grounds of "Trotskyism", people who probably don't even know what the controversy is about, but more likely get in the way of the ambitions of W[orkers] P[arty] leaders. I'm no doubt boring you. I don't believe you are interested in politics, especially communist.

I believe that I was too radical to be practical at this stage! But the Party could not admit that.

I should like personal news from you and the assurance that you still like me and count me among your friends. Otherwise, I'll lie down in the tall weeds which now surround my palatial country home and just d-i-e! Here warm weather came with May Day, there was little rain this year, and already things are drying up. I find keeping an acre irrigated and weeded is quite beyond my strength, so it is going to the devil. But I have a nice

batch of spring kittens, six of them, which various mother cats laid in the hens' nests in our deserted chicken houses. They are darlings, and, still in mourning for two kittens I lost during the winter, I shall try to get solace from these. I do a lot of lying in the sun and am getting the sun-tan now so fashionable. I just had my picture taken and shall send you one to add to your "gallery".

With much love and best wishes for your health and happiness (you never tell me about the former). Ruth.

May 5th

Yesterday I received the book and have gone through it once. On the whole I like it and considered it much improved. Of course, my heart is pained by the omission of one or two my pet scenes.

I shall go over it again carefully inserting and altering where I think it can be better. You did not mention what publisher might take it. If *Knopf* should be interested, do you think you should submit your revision to them, or do you want to let your publishers have it? I shall take your advice since I know you simply want to help me and will know what is best. I am so terribly grateful, for the interest, and the work you've put on it, and do hope it will be successful. About "Ernita" — that fatal question — I shall have to consider at leisure. In the night, I had an idea. I might ask F[rank] if he objected and let him have the money for Jimmie. He might not be as sensitive as I think, and the money certainly would be nice for Jim! Lots of love and gratitude, more later, Ruth.

It's much in the same form as when I went over it? Is its role more softened and changed?

Перевод:

2 мая 1929 г.

Пало-Альто, Калифорния

Дорогой ТД!

Я давно не получала от тебя вестей. Я знаю, что ты очень занят. Я слышала о судебном процессе в Бостоне¹ — это что-то немыслимое, но в нашем двуличном обществе и такое возможно. Кажется, после инаугурации нашего сверхреспектабельного президента на нас накатилась новая волна «закона и порядка». У нас здесь уже два случая в связи с контролем рождаемости, одним из которых я занималась сама, но без всякого успеха. Когда в стране в кодексах всех штатов присутствуют средневековые законы, образованное меньшинство никогда не может предугадать, в какой момент на него обрушится ста-

до болванов, которое науськивают заговорщики-политиканы. А вот в Советской России все как раз наоборот... и т.д. (я опять завела свою шарманку).

Я прочла в последнем номере *American Mercury* статью о Муни² — невероятно ясную, честную и понятную, в конце которой цитируется твое письмо к губернатору. Хотя на первый взгляд твои благородные усилия помочь Муни не принесли результата, посеянные тобой семена все же дали всходы.

Прилагаю перевод рецензии, которую я упоминала. Она написана в том же духе, что и прочие русские рецензии. Возможно, тебе уже это надоело, но все же такое направление мысли — свежая струя в нашем мерзком лицемерном мире. «Драйзер, обличитель американской буржуазии». Тебе нравится, когда тебя так называют — или ты играл эту роль неосознанно, а теперь и вовсе оставил?

Конечно, мне интересно, что ты делаешь с «Ваней» — а может быть, ты слишком занят, чтобы взяться за него? Меж тем (надеюсь, что я поступила правильно) ответ на срочную просьбу мисс Файери из *Knopf* дать ей посмотреть детскую книжку, которую я упомянула, когда мистер Блок написал мне с просьбой о книге, я отправила ей второй экземпляр «Вани». В сопроводительном письме я пояснила, что эта книга сейчас находится у другого издателя, но я буду рада, если она прочтет ее и выскажет свое мнение о моем стиле, материале и т.д. Я сообщила ей, что у меня есть замысел еще одной детской книги, который может ее заинтересовать. Мисс Файери написала, что у них очень мало материала о России, особенно для молодых людей, и они бы очень хотели его пополнить. Это первый издатель, который сказал мне, что им не хватает русского материала и они нуждаются в нем. Надеюсь, что нынешнее возрождение интереса к этой теме будет моим золотым запасом. Одновременно я отправила по предложению мистера Блока копии всех моих статей — вышедших и неопубликованных, чтобы подумать насчет их объединения в книгу. Так что, как ты видишь, я стою на пороге, толчок в ту или иную сторону может решить мою судьбу.

Open Road хочет, чтобы я отвезла группу в Россию в конце июля, но я не уверена, стоит ли соглашаться. Я мало что успею набрать, разве что новейший материал. Всего один месяц в России. Они оплачивают расходы только от Нью-Йорка; словом, денег это не принесет.

О'Каллаган написала мне, что ты был так внимателен и добр, что помог ей продлить визу, и что ты вообще чудесно общаешься с ней,

и благодаря тебе она пользуется большим уважением в русско-американском кругу. Я очень этому рада и очень благодарна тебе за это.

Какие новости насчет твоего проекта с русским балетом? Пока мне ничего не попадалось в прессе про это.

Я не получала вестей от Сергея с тех пор, как написала ему письмо, в котором задала ему взбучку за «стопроцентно марксистские журналы» и за отношение советской прессы к Троцкому. Даже если бы Сергей и согласился со мной, он все же не посмел бы признаться в этом. Он был последователем Троцкого³ но тот слишком подавлял его интеллектуально, и его умственные способности были бы окончательно убиты, если бы он остался сторонником Троцкого. Когда были опубликованы статьи Троцкого из Константинополя, советская печать подняла вой, что он продан буржуазной прессе, что он выступил против советского правительства, что он контрреволюционер, ренегат, предатель и ревизионист⁴. Его обзывали, не цитируя ни строчки из него самого. Ярославский⁵ назначил себя «толкователем» его статей, цитируя по паре слов то тут, то там для подкрепления «написанного выше». Потом последовал «ответ масс» — овечье бление. Со всего Советского Союза местные парторганизации присылали единогласно принятые резолюции с осуждением «мистера Троцкого»⁶. Я не хочу быть жестокой и циничной, вовсе нет, это все просто политические игры, в которые играют и в России, и по всему миру. Занятно наблюдать за нашими американскими «коммунистами», этими лилипутами, которые в подражание Москве стали исключать своих лучших членов за «троцкизм» — людей, которые, вероятно, даже не знают, в чем суть спора, а просто, видимо, перешли дорогу лидерам Рабочей партии⁷.

Боюсь, я тебя утомила. Не думаю, что тебя интересует политика, особенно политика коммунистов. Думаю, в этом вопросе я настроена слишком радикально, чтобы быть практичной! Но Партия не должна была допускать такого.

Я хотела бы, чтобы ты рассказал о своих новостях и заверил меня, что ты по-прежнему любишь меня и по-прежнему считаешь меня своим другом. Если это не так, то я заберусь в высокие заросли, которые сейчас окружают мой патриархальный сельский дом, и просто у-м-р-у! Здесь с Первомая установилась теплая погода. В этом году дождей мало, и много всего уже засохло. Я поняла, что поливать и поддерживать в порядке свой акр земли — это выше моих сил, и послала все к черту. Зато у меня здесь прелестный весенний выводок котят — шесть малышей от разных мам-кошек, которые родили их

в нашем опустевшем курятнике. Котята такие милые! Они служат мне утешением — я все еще горюю по двум котяткам, которых потеряла зимой. Я много времени лежу на солнце и уже приобрела модный загар. Я только что сфотографировалась и посылаю тебе фото для твоей «галереи».

С любовью и лучшими пожеланиями здоровья и счастья (почему ты никогда не пишешь мне о своем здоровье?) — Рут.

5 мая

Вчера я получила книгу и снова просмотрела ее всю. В целом мне понравилось, и я считаю, что она стала гораздо лучше. Конечно, мне до боли жалко пары сцен с питомцами, которые у меня были.

Я снова внимательно просмотрю ее от начала до конца, что-то вставлю, что-то изменю — там, где, на мой взгляд, это ее улучшит. Если Кнопфа она заинтересует, как ты думаешь, нужно ли прислать ему твою редакцию, или лучше пусть ее получают твои издатели? Я послушаюсь твоего совета, потому что я знаю, что ты просто хочешь помочь мне и знаешь, как лучше. Я безумно благодарна тебе за твой интерес к моей книге и за весь труд, который ты вложил в нее, и надеюсь, что она будет иметь успех. Насчет «Эрниты» (роковой вопрос!) — я должна все спокойно обдумать. Поздно вечером мне пришла в голову мысль. Мне надо спросить Ф[рэнка], не возражает ли он, и дать ему денег для Джимми. Может быть, он не так раним, как я думаю, а деньги определенно пригодятся Джимми!

С огромной любовью и благодарностью, скоро напишу снова — Рут.

Форма в основном осталась такой же, как тогда, когда я ее просматривала? Или ее роль смягчилась и изменилась?

¹ Цензура штата Массачусетс, в особенности бостонская, заслужила в 1920-е печальную известность. «Запрещено в Бостоне» (Banned in Boston) стало крылатым выражением. В штате были запрещены продажи и распространение целого ряда изданий — журнала *American Mercury* (1926), романов «Элмер Гантри» С. Льюиса и «Американская трагедия» Т. Драйзера (1927), ряд сочинений Э. Синклера, Ш. Андерсона, Б. Рассела, У. Фолкнера, Г. Уэллса, Дж. Дос Пассоса, Э. Хемингуэя и многих других. Два года спустя после того, как «Американская трагедия» была официально запрещена, а ее издатель Дональд С. Фриде (Donald S. Friede) был признан виновным по закону об ответственности за непристойность, состоялось рассмотрение апелляции, поданной Фриде. Апелляционный суд начался 16 апреля 1929 г. Фриде защищал знаменитый адвокат Артур Гарфилд Хейс, соучредитель Американского союза гражданских свобод и участвовавший в знаменитых процессах — Сакко и Ванцетти, юношей из Скоттсборо; он защищал

и Г.Л. Менкена от бостонской цензуры в 1926 г. Присутствие на суде Маргарет Сэнгер — известной активистки и основателя Американской лиги контроля за рождаемостью — привело к тому, что дело Фриде стали связывать с идеями контроля рождаемости. Противники цензуры устраивали во время суда разные акции и розыгрыши — студенты наряжались в костюмы персонажей запрещенных книг, разворачивали плакаты с названиями запрещенных произведений, А. Хейнс прочел пародийное письмо Дочерей Русской революции Дочерям Американской революции (известная своим консерватизмом женская организация), были зачитаны письма поддержки от Менкена и Э. Синклера. В ответ на эти «выходки» бостонские газеты печатали потоки гневных писем, в которых обыватели клеймили «кучку высоколобых», съехавшуюся со всех концов страны, чтобы устроить непристойный «цирк» в Бостоне. В итоге Фриде проиграл апелляционный суд, и ему было назначено наказание либо в виде 90 дней тюремного заключения, либо 300 долларов штрафа. Фриде обдумывал перспективу сесть за решетку и предстать перед всеми в роли мученика, но все же предпочел выплатить штраф. Подробнее см.: Neil Miller, *Banned in Boston: The Watch and Ward Society's Crusade Against Books, Burlesque and Social Evil* (Boston: Beacon Press, 2010), chap. 12, "Boston 1929"; Paul S. Boyer, "Boston Book Censorship in the Twenties," *American Quarterly* 15, no. 1 (Spring 1963): 3–24.

² Traverst Clements, "Mooney," *American Mercury* 17, no. 65 (May 1929): 26–34. В этом же номере была опубликована статья Кеннел (см. примечание к письму 25).

³ В середине 1920-х С. Динамов разделял увлечение московской образованной молодежи Троцким (см., например, об этом: *Авторханов А.* Мемуары. Frankfurt am Main: Посев, 1983. С. 115–130). За увлечение Троцким, который не раз выступал в Комакадемии, Институте красной профессуры, а также за следование другим «уклонам» Динамову не раз приходилось каяться (см., например: АРАН. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 458. Л. 255). В итоге после ареста (26 сентября 1938 г.) Динамов был расстрелян (16 апреля 1939 г.) как «активный участник контрреволюционной правотроцкистской заговорщицкой и шпионской организации».

⁴ 12 февраля 1928 г. Л.Д. Троцкий вместе с женой и сыном был отправлен на пароходе «Ильич» из Одессы в Константинополь, о чем предварительно было достигнуто устная договоренность между советской стороной и правительством Турции. До 8 марта 1928 г. Троцкий находился в советском консульстве, затем был отправлен на Принцевы острова в Мраморном море, где оставался до 1933 г. Прибыв в Константинополь, Троцкий отправил письма друзьям и доброжелателям в Западной Европе, готовым оказать ему поддержку, в том числе французским левым деятелям Альфреду и Маргарите Росмер, Борису Суварину, Морису Пазу и его жене — известной журналистке Магдалене Паз. «Через Росмеров и Пазов Троцкий установил контакты с западными газетами и, еще находясь в консульстве, написал серию статей, опубликованных в "Нью Йорк таймс", "Дейли экспресс" и других газетах во второй половине февраля. Эта серия была первым публичным рассказом Троцкого о внутрипартийной борьбе последних лет и месяцев. Рассказ был коротким, энергичным и наступательным по духу. Троцкий не щадил своих врагов... и прежде всего Сталина, которого теперь осудил перед лицом всего мира... назвав "могильщиком революции". [...] Советские газеты писали о Троцком, что он "продался международной буржуазии и замышляет заговор против Советского Союза". Советские карикатуристы изображали мистера Троцкого, обнимающего мешок с 25 000 долларов» (*Дойчер И.* Троцкий в изгнании / пер. с англ. Н.Н. Яковлева. М.: Изд-во политической литературы, 1991. С. 84–85).

⁵ Ярославский Емельян Михайлович (наст. имя Миней Израилевич Губельман, 1878–1943) — председатель «Союза воинствующих безбожников»

и Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б), в 1923–1934 гг. член Центральной контрольной комиссии ВКП(б), кандидат в члены Исполкома Коминтерна (1928), с конца 1920-х — активный сторонник Сталина.

⁶ См. напр.: Ярославский Е. Мистер Троцкий на службе буржуазии или Первые шаги Л. Троцкого за границей // Правда. 1929. 9 марта.

⁷ С 1921 по 1929 г. компартия США носила название «Рабочая партия Америки» (The Workers Party of America — WPA).

27. Р. Кеннел — Т. Драйзеру

June 13th, 1929
Palo Alto, California

Dear TD:

What a nasty report from Smith of *Liveright* on *Vanya*! I cannot understand why he should take such an ungracious tone, insulting to you as well, for he must know that you read the book and that you would not have sent it to him if you had not thought it worthy of his consideration.

Of course, I can stand criticisms, for I know the book's weaknesses better than anyone else. But his criticisms were so stupid and unfair. Or is he under the impression that this is a translation of a piece of "third class Russian literature"? He ought to know perfectly well that this is not "Russian literature", any more than *Hans Brinker* by Mary Mapes Dodge is "Dutch literature", but a story about Russia for American children written by an American. Of its kind, there is no other story in existence, as far as I know, so I do not understand what he meant by saying it is "not quite as good as many other Russian themes belonging to that rating of Russian literature".

As you know, I wrote the story at the suggestion of a children's librarian who was told by the children's head of *Harper's* that there was a dearth of stories for American juveniles about foreign countries. The children's department of *Knopf* wrote me the same thing specifically of children's books about Russia.

You can tell Mr. Smith for me what I think of him.

I have not yet heard from *Knopf*, but I had a nice letter from Mr. Friede, in which he doesn't seem to agree with Mr. Smith. He writes "Congratulations! — excepting for certain things that have to be changed in it you have done a very excellent and readable job. I, of course, was very much interested in it. Whether or not it is advisable to publish Russian material at the present time I do not know. Mr. Covici is reading the book and we will give you a decision as soon as we can".

I can't tell you how much I appreciate all your effort on behalf of *Vanya*, which I feel sure, for other reasons than those given by Mr. Smith, doesn't deserve it.

Is there anything I can do to help you? As ever, affectionately, *Ruth*.

P.S. Am sending you a new photograph I had done for NEA. It is nothing especially good.

Перевод:

13 июня 1929 г.

Пало-Альто, Калифорния

Дорогой ТД!

Какой безобразный отзыв от Смита из *Liveright*¹ на «Ваню»! Я не понимаю, почему он взял такой грубый тон, оскорбляя и тебя, поскольку он наверняка знает, что ты читал книгу и не направил бы ее ему, если бы не считал, что она достойна рассмотрения.

Я, конечно, готова принимать критику, поскольку лучше, чем кто бы то ни было знаю свои слабые места. Но его критика глупа и несправедлива. Может, он решил, что это перевод из «третьесортной русской литературы»? Ему должно быть известно, что это не «русская литература» — точно так же, как «Ганс Бринкер» Мэри Мейпс Додж² — это не «голландская литература», что это история о России для американских детей, написанная американским автором. Больше таких историй, насколько мне известно, не существует, и я не понимаю, что он имел в виду, говоря, что она «не так хороша, как многие другие русские сюжеты из этого вида русской литературы».

Как ты знаешь, мне предложила написать эту историю сотрудница детской библиотеки, которая узнала от заведующей детской редакцией *Harper's*, что сейчас мало книг для американских детей и подростков, в которых рассказывается о жизни в других странах. Детская редакция *Knopf* написала мне то же самое про детские книги именно о России.

Можешь передать мистеру Смигу, что я о нем думаю.

От Кнопа пока нет новостей, но пришло милое письмо от мистера Фриде, и кажется, он придерживается противоположного мнения, чем мистер Смит. Он пишет: «Поздравляю! — за вычетом некоторых вещей, которые надо поменить, Вы создали отличную и хорошо написанную книгу. Я, конечно, очень в ней заинтересован. Не знаю, насколько сейчас целесообразно публиковать русский материал.

Мистер Ковичи читает книгу, и вскоре мы сообщим Вам о нашем решении».

Я не могу выразить, как я благодарна тебе за все твои усилия в связи с «Ваней», которых моя книга не заслуживает, — я уверена в этом, хотя и по другим причинам, чем те, что называет мистер Смит.

Могу ли я чем-нибудь помочь тебе? Как всегда с любовью — Рут.

P.S. Отправляю тебе новую фотографию, которую я сделала для Национальной ассоциации работников просвещения³. В ней нет ничего особенного.

¹ См. примечание к письму 24.

² «Ганс Бринкер, или Серебряные коньки» (*Hans Brinker, or the Silver Skates*, 1865) — роман для детей Мэри Мейпс Додж (Mary Mapes Dodge, 1831–1905), известной детской писательницы и создателя знаменитого детского журнала «Святой Николай» (*St. Nicholas Magazine*, 1873–1940). Роман, действие которого происходит в Нидерландах, дает колоритные стилизованные картины голландской жизни.

³ National Educational Association — NEA.